И. Д. САВИНОВА

ЛИХОЛЕТЬЕ

НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ 1917–1991

Историческое исследование

Издано при участии Новгородской епархии

НОВГОРОД 1998

Приложение к альманаху «Чело»

Книга издана по благословению архиепископа Новгородского и Старорусского Льва

Графика Владимира СКРИПКИНА

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.
Фото В. Ищенко

Что творится в России на рубеже столетия? Нет покоя, нет благоденствия в некогда Великой Державе. Раздробленная, обескровленная войнами, никому не нужными и беспощадными, унесшими тысячи безвинных жизней, оборванных в самом начале, в поре познавания мира, любви, самого себя...

Что творится с Матушкой нашей, застывшей от гнева и удивления? А прислушаться — не плач ли Ярославны — отзвуком в шуме нескончаемых несчастий: наводнений, аварий, искалеченных судеб, бредущих по дорогам бездомных детей?!

Пытливый исследователь Ирина Дмитриевна Савинова постаралась найти корни сегодняшнего зла. Труд ее о положении Православной Церкви во время советской власти ответит на многие злободневные вопросы. Агитпропы, Помголы, Союзы Безбожников, ГубИКи, ОГПУ и окрадмотделы (ну, прямо обкрадмот...) — вся эта сатанинская аббревиатура и люди ей служившие была подчинена одной жуткой цели — разрушить храмы, обокрасть святыни, лишить народ российский Слова Божия, Веры... Вместе с храмами, обрушенными колоколами, челом об землю разбились святыни, порушились устои, традиции, упали под пулями те, чьи имена Россия произносила с благоговением.

А сегодня — печальный результат этого страшного похода против человечности.

Журналист, архивист Ирина Дмитриевна Савинова проделала огромный, благодарный труд: все материалы книги взяты из первоисточников и не подлежат сомнению.

Т. Н. Сигалова

Светлой памяти митрополита Новгородского и Старорусского АРСЕНИЯ (Стадницкого)

В настоящее время в России, как и во всем мире, идет переоценка ценностей, смена ценностных ориентиров. Общество отвергло идеологическую систему, жестко построенную на догмах тоталитаризма. Ориентация на западный образ жизни в основной массе населения не получила одобрения. Все отчетливее формируется убеждение в необходимости для России собственного пути развития, основанного на ее историческом наследии, традициях, особенностях русского национального характера, национальной идее. При этом наряду с православными традициями следует учитывать достижения и западной цивилизации, лучшие из которых всегда принимались в России.

В числе наиболее значимых исторических ценностей русского народа с первых веков нашей эры (988 г.) было и остается православие. Православная Церковь с ее тысячелетней историей стояла у истоков средневековой русской государственности, влияла на формирование национального самосознания и патриотизма. Попытка большевиков низвергнуть в России православие, уничтожить Церковь не дала желаемого результата. Тем не менее, за семьдесят четыре года (1917—1991 гг.) Советской власти Русская Православная Церковь понесла большие потери: человеческие, моральные, экономические. Это отразилось и на судьбе церквей Новгородской земли.

Вплоть до сентября 1943 года отношения Государства и Церкви имели глубоко трагическую историю. Мероприятия, осуществлявшиеся Советской властью против Церкви, основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма-ленинизма с религиозной верой и отношении к Православной Церкви как к союзнице царизма, а после свержения его — стороннице эксплуататорского строя, поэтому большевики и левые эсеры, временно входившие в правительство, стали усиленно вытеснять религиозные организации из политической, экономической и культурной жизни страны.

23 января 1918 года в газетах был опубликован Декрет, первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных религиозных обществах». Именно он заложил основы будущего почти бесправного положения Церкви: религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, они лишались прав юридического лица, все церковное имущество национализировалось[1].

Период гражданской войны характеризуется попытками «кавалерийским натиском» разгромить церковную организацию. По стране прокатились аресты и расстрелы священников, закрытие большинства монастырей, кощунственные вскрытия мощей канонизированных святых, проведение «показательных» сфабрикованных судебных процессов над высшим духовенством и т. п. Однако Русская Церковь вышла из гражданской войны, в основе своей, несокрушенной. Сохранились религиозные общины и других конфессий.

Новый этап наступления на религию начался в 1922 году. Кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом оказания помощи голодающему Поволжью свидетельствовала о стремлении руководства РКП(б) кардинально решить проблему полного подчинения религиозных организаций, лишенных своего экономического базиса. С помощью ГПУ был спровоцирован раскол в Православной Церкви, стали подавляться и другие конфессии. Власть в Русской Православной Церкви на год с небольшим захватили обновленцы, непосредственно связанные с чекистами. После освобождения из-под ареста в июле 1923 года патриарха Тихона влияние обновленческого Синода пошло на спад, и ситуация на несколько лет стабилизировалась.

Важнейшие события в истории Русской Православной Церкви произошли в 1927 году, когда заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородской) и организованный им Временный Патриарший Священный Синод пошли на значительные уступки властям, которые официально признавали только обновленческий Священный Синод. Именно с этого времени окончательно утвердился полный контроль государственных органов над церковной жизнью.

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли Закон «О религиозных объединениях», который с некоторыми изменениями действовал до конца 80-х годов: регулировал вопросы организации, возможности и границы деятельности религиозных объединений. **Вся церковная жизнь ограничивалась оградой храмов**. Массовая волна политических репрессий, захлестнувшая страну во второй половине 30-х годов, обрушилась и на Церковь, и на ее служителей. Только за 1937—1938 годы было репрессировано 780 новгородских священников (бывших, в основном), почти все они были расстреляны. Фактически, стал вопрос о самом существовании Русской Православной Церкви. К 1938 году церковная организация была почти разгромлена. Все монастыри оказались ликвидированными. На свободе оставалось 4 правящих архиерея, среди них и митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий. На Северо-Западе России, в Ленинградской области и входивших в нее Новгородской и Псковской осталось

32 =действующих храма. Восемь из них приходились на Новгородскую епархию.

Обзор литературы, проведенный автором в процессе изучения вопроса, показал, что объективное исследование взаимоотношений Советского государства и Церкви началось в России в 90-е годы. До этого же времени, практически, вплоть до 1988 года — года празднования 1000-летия крещения Руси, в стране выходили книги антицерковного характера. Их можно распределить по трем направлениям: историко-философское, социальное и сугубо атеистическое. Первое изучало историю религии и эволюцию современного православия, второе — критиковало Церковь как институт, третье вело наступательную пропаганду.

Начало исследовательскому потоку по церковному вопросу уходит в 20-е годы. Деятели социалистического строительства почитали своим долгом высказать собственное отношение к религии, к положению Церкви в государстве. Проявила интерес к борьбе с утонченными модификациями религии Н. К. Крупская: в 1922 году она составила список книг о религии для политпросветработников. В нем она отметила научно-методическое пособие для преподавателей партийных и советских школ И. И. Скворцова-Степанова «Очерк развития религиозных верований». Продолжая эту тему, автор дал развернутую по тем временам научную оценку обновленческого раскола в Русском православии. Его брошюра «О живой церкви» была рекомендована Агитпропом ЦК РКП в качестве руководства для партийных организаций. В ней анализировались вопросы об объективном и субъективном в религиозных переменах, о трезвом, обдуманном расчете одной части духовенства и бессознательном заблуждении другой. И. И. Скворцов-Степанов выдвинул идею о различении политического сдвига и идеологических новшеств в общей эволюции православия, показав противоречия церковного обновления, его разрушительные последствия, которые должны быть учтены и использованы в научно-атеистической работе.

Религиозные реформы в Советской России (обновленчество, рост сектантства за счет православия), особенности эволюции религии после победы социалистической революции изучал А. В. Луначарский. Говоря о социальной основе эволюции православия в переходный период от капитализма к социализму, он предостерегал от упрощенного понимания этого процесса. Несколько раз А. В. Луначарский участвовал в диспутах с митрополитом А. И. Введенским, главой обновленческого движения, умело критикуя новейшие аргументы в пользу веры.

Проблему разработки эффективных форм атеистического противодействия обновляемой религии неоднократно ставил в своих выступлениях Е. М. Ярославский. Руководитель Союза воинствующих безбожников СССР раскрыл половинчатость, нерешительность эволюции православия, которая при умелом использовании может дать «новый толчок для того, чтобы безбожие охватило еще более широкие массы, чем это было до сих пор»[2].

Приспособление Церкви, в том числе и изменение ее политической ориентации, не ведет и не должно вести к уступкам со стороны социалистического государства, к ревизии принципиального отношения коммунистической партии к религии и религиозным организациям. Интересные положения, связанные с эволюцией русского православия в условиях советского общества, выдвинули В. Д. Бонч-Бруевич, А. Т. Лукачевский, В. С. Рожицын и др. В эпоху социалистического строительства были заложены основы критического анализа православия (религии вообще) и его эволюции.

В 40—50-е годы исследования по вопросам критики православия, а также атеистической работы практически отсутствовали, что можно объяснить борьбой с фашизмом, послевоенным восстановлением страны. Как известно, в эти годы произошла некоторая переориентация в отношениях государства к Церкви.

Наступившие 60-е годы стали временем воинствующего атеизма как государственной политики. Большой отряд советских ученых занялся изучением приспособления и модернизации современного православия, чтобы объяснить его стойкое существование в обществе. Первые работы носили во многом описательный характер, давали картину «текущей обстановки» в религиозном объединении. Статьи Ф. М. Придувалова и А. Б. Черткова, которые положили начало исследованиям приспособления православия, содержали конкретные факты. Широкую картину церковно-религиозной жизни дал В. Е. Чертихин в своих работах «Идеология современного православия» (М., 1965) и «Православие» (Л., 1967). Он попытался раскрыть несостоятельность богословских утверждений о том, что православие служило и служит духовному становлению и развитию русского народа. Автор оценил церковный курс как приспособление к духу времени.

Пользовалась вниманием атеистической общественности монография М. П. Новикова «Православие и современность» (М., 1965). Ее задачей было раскрытие особенности современной православной идеологии, выяснение, чем она привлекает верующих в наши дни и в чем ее вред. М. П. Новиков попытался показать, что «церковь должна была проявить особую гибкость, чтобы в новой обстановке попытаться убедить верующих в соответствии христианства интересам человека социалистического общества»[3]. Автор вступил в полемику с односторонностями и устоявшимися штампами в исследованиях.

Н. П. Красников в книге «В погоне за веком» (М., 1968) исследовал отражение социально-исторических процессов в богословских трудах и проповеднической деятельности православных священнослужителей, использовал конкретный материал. Проблема эволюции современной религии, прежде всего-православия, освещалась в коллективных трудах, выпускаемых Государственными университетами. Тем не менее, ученые подчеркивали, что в исследовании отдельных аспектов эволюции современного православия существовала неравномерность. Наиболее полно были изучены аспекты отношения современного православия к политической жизни, позиция Церкви в вопросах войны и мира. Менее изученными оказались проблемы, связанные с новой политической ориентацией Русской Православной Церкви.

На проблемах политической ориентации Русской Православной Церкви по мнению советских исследователей, спекулировали буржуазные и эмигрантские «фальсификаторы» состояния Русского православия.

Появились исследования приспособления социальной и нравственной концепций православия к современным условиям. Обстоятельной научной работой была признана книга Ю. В. Крянева «Противоположность христианской идеологии и научного коммунизма». (М., 1961.) Предметом исследования автора явились социальный идеал христианства,

христианская интерпретация общественного прогресса, личности и общества, рассматриваемые с точки зрения развития в Русской церкви христианско-социальной тенденции.

Ряд аспектов социальной активизации православия рассмотрен в брошюре А. В. Краснова «Критика христианской концепции исторического процесса» (М., 1966.) и книге В. А. Молокова «Философия современного православия». (М., 1968.) Повышенный интерес церковно-богословских кругов Московской Патриархии к вопросам общественной жизни авторы объясняли необходимостью реагировать на проникновение в религиозный комплекс светских социальных идей, которое уже в те годы принимало интенсивный характер.

Активизация научной работы в 60-е годы дала возможность подвергнуть русское православие резкой односторонней критике. Она же позволила пропагандистам и организаторам атеистического воспитания еще более усилить пропагандистский натиск.

Эпизоды из церковной истории с негативной оценкой изложил М. А. Заборов в книге «О чем звонит колокол», которая вышла в издательстве «Советская Россия» в 1960 году. Госполитиздат в 1961 году выпустил книгу «Как создавались жития святых». Стараясь поразить воображение верующих, — утверждал автор А. М. Ранович — служители культа выдумывали небывалые чудеса, якобы свершенные святыми, мучения и пытки, якобы перенесенные ими за дело Божие. Созданию культа святых и посвящалась эта работа, впервые вышедшая в свет еще в 1931 году под названием «Происхождение христианского культа святых».

«Житию святых» была посвящена еще одна работа — А. Б. Черткова, вышедшая в Госполитиздате в 1963 году. Она отличалась от упомянутых тем, что автор ее — бывший священник, расстрига, пытался «раскрыть подлинный смысл христианства и его добродетелей». Издательство «Знание» выпустило в 1960 году книгу А. В. Белова и А. М. Певзнера «О праздниках престольных». На примерах из жизни авторы пытались показать, какой большой вред приносят церковные праздники нашему народному хозяйству, обществу и отдельным людям. Подчеркивалось в духе наметившейся политики, что на смену отжившим свой век религиозным праздникам в СССР пришли новые, советские праздники, близкие и понятные всему народу. Авторы подготовили методические советы к лекции на тему «О престольных праздниках» и список литературы.

Плодотворно поработал в области разоблачения религии, Русского православия Е. Ф. Грекулов. В 1962 году в издательстве «Наука» вышла его работа «Враг просвещения». На конкретном фактическом материале XIX — начала XX веков показывалась роль Русской православной церкви как союзницы самодержавия в проведении политики «народного затемнения». Автор раскрывал, как насаждалась религиозная идеология во всех звеньях народного образования — от начальной школы, полностью подчиненной Церкви, до высшей. В наше время, когда историкам стали доступны массы засекреченных ранее документов, такие выводы кажутся несостоятельными, поскольку уже всем известно, что именно Церковь стала основательницей начального и высшего образования в России, в частности, в Новгороде.

Через год автор выпустил следующее исследование: «Православная инквизиция в России», в которой попытался убедить читателей, что Православная Церковь являлась противницей свободомыслия, стремления народных масс к свету, к знаниям. Эта же тема была продолжена и расширена в очередной работе «Церковь, самодержавие, народ», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году.

В 1967 году разоблачением Православной церкви занялась Л. И. Емелях — в издательстве «Наука» вышла ее книга «Крестьяне и Церковь накануне Октября». Автор, следуя заданному идеологическому курсу, пыталась показать сельское духовенство как силу, стремившуюся подавить революционные замыслы крестьян, их стремления овладеть землей. В книге приводится сообщение епископа Самарского и Ставропольского Михаила: «Монастыри служат в большинстве случаев лишь убежищем для лиц, уклоняющихся от труда и ищущих дармового пропитания и спокойного препровождения времени...»[4].

Не подвергая сомнению сообщение правящего архиерея, можно, тем не менее, усомниться в правомерности автора возводить в принцип единичные примеры. Отрицательные факты всегда были и будут, что соответствует развитию самой жизни. Неодобрительные отзывы можно найти и в адрес крестьянства, особенно его люмпенской части, которая в первую очередь и рвалась к революции, она же впоследствии занялась раскулачиванием. Но по известным причинам в те годы такие факты не пропускались на страницы исследований.

Через год Л. И. Емелях отступила от избранной темы и переключилась на критику внутренних устоев христианства. В 1977 году Лениздат опубликовал новую работу Л. И. Емелях — «Христианские таинства». Через год — в издательстве «Советская Россия» вышел очередной труд — «Происхождение христианских таинств». Последующая работа продолжила избранную тему — «Загадки христианского культа» (Лениздат, 1985.) В основе всех выводов автора присутствовала концепция марксизма-ленинизма, которая подвергала христианство жесточайшей критике и неприятию. В 1988 году под редакцией Л. И. Емелях вышел сборник научных трудов «Русское православие и атеизм в отечественной истории», изданный Государственным Музеем религии и атеизма.

В 1968 году вышла в свет работа Р. Ю. Плаксина «Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг»., в которой автор показывает несостоятельность реакционного духовенства противостоять революционным свершениям трудового народа. Р. Ю. Плаксин вернется к этой теме через несколько лет и выпустит в 1987 году исследование «Тихоновщина и ее крах» (Л., 1987). Как и следовало советскому историку, он показал патриарха Тихона ярым противником политики молодой республики, особенно воспротивившегося изъятию церковных ценностей для помощи голодающим Поволжья. **Ныне документально доказано, что ни грамма серебра, изъятого в церквях, не пошло на закупку хлеба для нуждающихся.**

Непосредственной темы взаимоотношений государства с Русской православной церковью, церковной политики правительства исследователи не касались. Ее попытались осветить советские чиновники, занимавшиеся этими взаимоотношениями. В 1968 году, в пятом выпуске «Вопросов научного атеизма» зам. председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. Г. Фуров выступил со статьей «Советское социалистическое государство и церковь». В ней были изложены ленинские принципы взаимоотношений с церковью и их осуществление в СССР. Двумя изданиями вышла позднее книга председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова — «Религия и церковь в советском обществе».

Книга эта преследовала сугубо пропагандистские цели и была выдержана в духе советских агиток, превозносящих политику советского государства в отношениях с Церковью и соблюдение Закона о свободе совести.

«Утверждения буржуазных фальсификаторов политики Советского государства в отношении религии и церкви о «насильственном искоренении» религии в СССР, о том, что административные методы борьбы с религией возведены в нашей стране в ранг государственной политики, лишены здравомыслия. Мы хорошо понимаем, что религия — сложное общественное явление, имеющее глубокие социальные и гносеологические корни. Окрик, запрет, административный нажим — негодные средства в борьбе с религиозной идеологией». [5] Эту декларированную убежденность разоблачает предпринятое исследование, которое на подлинных документах и фактах, десятилетиями находившихся в состоянии засекреченности, как раз и подтверждает именно «окрик, запрет, административный нажим», существовавшие в практике работы уполномоченных Совета по делам религий. Книга В. А. Куроедова написана общими фразами, декларированием известных истин без подтверждения их фактическими материалами и являет собой конкретный пример последних пропагандистских атак.

С приближением 1988 года — года празднования 1000-летия крещения Руси, поток исторических исследований на церковную тему увеличился. Следует отметить, что тематика стала более расширенной, а оценка авторами излагаемых фактов и событий уже не ограничивалась давними марксистскими критериями. Тем не менее общий тон попрежнему оставался наступательно-непримиримым.

Плодотворным «писателем» заявил себя доктор философских наук, профессор Н. С. Гордиенко. Еще в 1963 году вышел коллективный труд Н. С. Гордиенко, В. И. Носовича и Л. Р. Харахоркина — «Современное православие и его идеология». (М., 1963) Книга стала оружием пропагандистов атеизма. В ней рассматривалась фальсификация православными богословами отечественной истории, анализировалось современное православное толкование науки и нравственности, роль и место культа в современной Русской Церкви.

В 1975 году Н. С. Гордиенко выступил с книгой «Чему учат с амвона?» (Л., 1975), в которой подверг сомнению значимость для нравственного воспитания человека таких христианских норм, как терпение, смирение, непротивление злу. Книга выпуска 1984 года называлась «Эволюция Русского православия. 20—80-е гг. XX ст». Стремление Русской православной церкви выжить в невыносимых условиях, созданных для нее Советским государством, подается как приспособленчество и заигрывание с властями.

В 1986 году вышла новая работа Н. С. Гордиенко — «Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Полемические заметки». Тему крещения Руси автор продолжил в последующих исследованиях: «Введение христианства на Руси: домыслы буржуазно-клерикальной пропаганды» (М., 1987), «Современное Русское православие» (Л., 1987). Автор всесторонне рассматривает православие как религию и Православную Церковь — как общественный институт. Освещается исторический путь христианства в России: его становление и эволюция, структура и организация самой Русской Православной Церкви, а также показано христианство как идеология и культ. Вывод автор делает с позиции ленинского учения: «...введение христианства на Руси в качестве государственной религии не могло стать и действительно не стало первоосновой общественного развития. Оно явилось всего лишь одним из моментов (важным, но не определяющим) многостороннего процесса феодализации древнерусского общества, выраставшего из недр родоплеменного строя. Таково научное, марксистско-ленинское понимание места и роли религиозного фактора в историческом процессе — понимание, истинность которого многократно проверена общественной практикой»[6]. Эта же общественная практика и опровергла впоследствии многие утверждения исследователя.

К знаменательной дате подготовил свою работу М. Н. Бессонов — в издательстве «Знание» в 1986 году вышла его книга «Буржуазно-клерикальные измышления по поводу 1000-летия «крещения Руси» и вопросы контрпропаганды». Тот факт, что слова «крещение Руси» автор заключил в кавычки, свидетельствует о его отношении к этому событию.

Несколько работ подготовил А. А. Шамаро: «Православие и русская культура: церковные притязания и историческая реальность» (М., 1980), «Искусство под эгидой церкви: истина против апологетики». (М., 1981) Опубликовал свои исследования Л. Е. Шапошников: «Идеология славянофильства и современное православие» (М., 1985), «Православие и Философский идеализм. Несостоятельность философской апологетики православия». (Горький, 1986).

Кроме авторских работ Всероссийское общество «Знание» выпустило несколько сборников с методическими указаниями и материалами для докладов и лекций «Крещение Руси», «Религия в СССР. Буржуазная пропаганда», «Церковь в СССР. Буржуазная пропаганда». (М., 1986).

Параллельно с историко-философскими исследованиями в 60—80-е годы велась активная атеистическая пропаганда. Основное внимание в ней уделялось воспитанию в молодежи атеистических убеждений. Академия наук СССР наладила выпуск ежегодников «Вопросы истории, религии и атеизма», «Социально-философские аспекты критики религии». С 1966 года в течение двадцати последующих лет «Политиздат» публиковал ежегодники «Атеистические чтения». Институт научного атеизма, созданный при Академии Общественных наук при ЦК КПСС, в эти же годы выпускает сборники статей «Вопросы научного атеизма». ГПМИРиА ежегодно издавал сборники научных трудов: «Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма», «Научно-атеистические исследования в музеях».

Помимо коллективных сборников широкомасштабно выходят работы отдельных авторов, Общество «Знание» выпустило в 1976 году методическое пособие Д. М. Аптекмана «Об эффективности процесса формирования атеистический убежденности». Издательство МГУ в 1975 году опубликовало работу П. Ф. Колонецкого «Атеизм и формирование коммунистической личности».

В области атеистической пропаганды активно работал В. А. Сапрыкин. Менее чем за десять лет он издал четыре книги:

— «Социалистический коллектив и атеистическое воспитание. Опыт, система, проблемы» (М., 1983).

— «Урбанизация и атеистическое воспитание» (Киев, 1985).

— «Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания в условиях города» (М., 1986).

— «Трудовой коллектив: атеисты и верующие» (М., 1990).

Активное участие в атеистическом воспитании масс

принимало издательство «Высшая школа» в Киеве. В 80-е годы одно за другим выходили сочинения: А. Н. Колодный «Атеистическая убежденность личности» (1983), Е. К. Шинкарук и Е. К. Дулуман «Атеизм и духовная культура» (1985); В. М. Кувенева «Критика ревизионистской фальсификации научного атеизма» (1988), В. К. Танчер «Проблемы теории научного атеизма» (1985), П. П. Крамар, В. С. Чернышев «Научный атеизм: философско-мировоззренческое обоснование» (1989), А. Н. Ипатова «Национальная культура и религия» (1985).

В принципе все издательства, все высшие учебные заведения страны были обязаны участвовать в атеистическом воспитании народных масс: молодежи, рабочих, крестьян. Во всех республиках выходили работы своих авторов:

— Кишинев. Л. К. Грикалов «Атеизм как утверждение бытия человека. Проблема единства гуманизма и атеизма в истории философии». 1973.

— Минск. Ю. К. Ермолюк «К духовному освобождению (Атеистическое воспитание в БССР)». 1988; М. Я. Лемец «Основы атеистического воспитания». 1976.

— Вильнюс. Мишутис Кранас «Система атеистического воспитания в Советской Литве». 1985.

— Алма-Ата. И. Н. Живогляд «Село, религия и атеизм. (Секуляризация сельского населения в условиях научно-технического прогресса на этапе развитого социализма)». 1985.

Определенное место в этом атеистическом потоке занимала пропаганда марксистско-ленинских принципов взаимоотношений с религией. Работа В. Д. Тимофеева, вышедшая в издательстве «Знание» в 1987 году, так и называлась: «Ленинские принципы политики в отношении религии, церкви, верующих». В Политиздате годом раньше вышла книга А. Ф. Окулова «Ленинское атеистическое наследие и современность».

В те годы еще неведомо было историкам письмо В. И. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года, в котором четко излагалась позиция вождя по этому вопросу: «...мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий.

...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»[7].

Не осталась без внимания и атеистическая работа партийных организаций. По этому вопросу вышел ряд работ пропагандистов:

— Вопросы научного атеизма в системе партийной учебы (Сборник. Л., 1985).

— Партийная организация и атеистическое воспитание. (Под редакцией доктора философских наук А. Ф. Окулова).

— Организация и методика атеистического воспитания. (В. В. Врублевская и др.), М., 1986.

— В. Н. Романенко «Восхождение: очерки формирования атеистического мировоззрения рабочего класса». (Л., 1989).

Не смогли оставаться в стороне от этого процесса ученые и пропагандисты Новгородской области. Объемных исследований они не создали, но некоторый опыт атеистической работы сумели обобщить в сборнике под редакцией Е. С. Быстрова: «Подход творческий: слагаемые высокой эффективности атеистического воспитания», выпущенном в Лениздате в 1986 году. Пропагандисты из различных сфер общественный жизни делились опытом своего атеистического воздействия:

— о центре атеистической пропаганды при горкоме КПСС Старой Руссы;

— о работе клубов по интересам и их значении в атеистическом воспитании;

— об участии музея в атеистической работе;

— о воспитании материалистических убеждений у студентов и учащихся техникумов и профтехучилищ.

Ученые кафедры философии тогда еще педагогического института опубликовали несколько статей в столичных изданиях. В книге «Атеизм и социалистическая культура» прошла статья К. Н. Бокарева «Влияние духовной культуры на преодоление религии и развитие массового атеизма»; В. А. Пименова и Е. М. Краснопевцева — в журнале «Молодой коммунист» №1 за 1976 год — «Как воспитать атеиста?», в которой рассмотрена работа комсомольских организаций области по атеистическому воспитанию[8].

Поскольку Новгород в 50—80-е годы не владел собственной издательской базой, в городе и области не издавались научные журналы. Единственной печатной трибуной стали газеты «Новгородская правда», «Новгородский комсомолец» и издание ОК КПСС «Политическая агитация» (ранее — «Блокнот агитатора»).

Только после всероссийского празднования 1000-летия крещения Руси, приуроченного к празднику Славянской письменности и культуры, центром которого стал Новгород Великий, пропагандистский пыл атеистов несколько охладел. Но и новые ориентиры еще не сложились. Тем не менее взгляд на Русскую православную церковь и ее роль в судьбе Российского государства постепенно начинал меняться.

В числе первых объективных авторов следует назвать доктора философских наук М. И. Одинцова. Уже в 1989 году появилась его публикация в сборнике «На пути к свободе совести» — «Путь длиной в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству». В 1991 году вышла его отдельная работа «Государство и Церковь», в которой проанализирована церковная политика государства в 1917—1930-е годы. Большой архивный материал, практически еще неизвестный до того времени исследователям, позволил М. И. Одинцову расширить период исследования до 1965 года. Дополненная новыми сведениями, книга была повторно опубликована в 1994 году. Исследователь обстоятельно осветил положение Православной Церкви в течение XX века.

Определенное внимание автор уделил вопросу о содержании и условиях реализации принципов свободы совести и вероисповедания, дискуссии о которых развернулись в России в начале XX века. Не менее интересна глава, посвященная политике Временного Правительства в отношении религиозных организаций. Оберпрокуратура и департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД были объединены в единое ведомство — Министерство исповеданий. Вопрос о полном отделении Церкви от государства был признан преждевременным, но его без промедления решила Советская власть. М. И. Одинцов

пишет, как проходила работа над Декретом и его дальнейшее осуществление. Автор показал, как государственная политика в области религии и церкви, проводимая ВЦИК, со временем переходит в органы НКВД И ОГПУ.

Этот период М. И. Одинцов определил в промежутке 1938—1943 годов. Завершает он свое исследование освещением деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР — с 1943 по 1965 годы. Работа М. И. Одинцова ценна для историков тем, что в ней перечислены и прокомментированы основные законодательные документы и правительственные постановления, принятые в течение указанного периода.

Продолжая свои исследования, автор подготовил несколько публикаций архивных документов, освещающих государственно-церковные отношения в СССР. Эти подборки были опубликованы в журнале «Отечественные архивы»:

— Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников. (К 60-летию со дня кончины). 1994, №2.

— Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955—1965 гг.) 1994, №5.

— Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. (1938—1943 гг.) 1995, №2, 3.

Тему взаимоотношений Государства и Русской Православной Церкви продолжили два петербургских историка — М. В. Шкаровский и А. И. Кашеваров, чьи исследования вышли в 1995 году. Первый очертил рамки исследования в самом названии: «Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах». Помимо оценки основных документов, которые были уже рассмотрены М. И. Одинцовым, автор всесторонне освещает международную деятельность Русской Православной Церкви, ее роль в политике Советского государства по защите мира во время холодной войны. Работа интересна тем, что в ней даны приложением несколько документов из архивов Санкт-Петербурга, составлен биографический справочник некоторых архиереев и советских деятелей, причастных к церковной политике.

Несколько другие временные границы определены в книге А. Н. Кашеварова «Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917—1945 гг». В сравнении с двумя предыдущими работами в ней есть новая страница из истории этих взаимоотношений — освещение антирелигиозной кампании по вскрытию святых мощей в 1918—1920 годы.

Попыткой без предвзятости посмотреть на историю взаимоотношений Советского государства и Церкви можно назвать книгу В. А. Алексеева «Иллюзии и догмы» (М., 1991). «Перестройка и новое мышление помогли обществоведам, социологам, историкам, политологам и другим лучше понять драматизм и диалектику общественной практики, открыв недоступные ранее архивы, отвергнув догмы об исторических процессах как о неких, едва ли не автоматически сменяющих друг друга...», — писал автор во вступлении.

Он полемически повествует об исторических уроках левачества на «антирелигиозном фронте», используя ранее неизвестные архивные материалы. Много внимания уделено репрессиям против духовенства и верующих в 20-е и 30-е годы, политике И. В. Сталина по отношению к Церкви в 40—50-е годы и об очередной волне «богоборчества» в 60-е годы.

В 1995—1996 годы Российская Академия предприняла издание документальных материалов по теме государственно-церковных отношений: Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России // Справочник. 1996; Государственно-церковные отношения в России. Опыт прошлого и современного состояния. 1996; Государственно-церковные отношения в России. В 2-х ч. 1995. В них представлены документы по всем конфессиям. Стали выходить информационные бюллетени «Религия, Церковь в России и за рубежом».

Архивно-информационный бюллетень, приложение к журналу «Исторический архив» (№ 11 и 12 за 1996 год) опубликовал опись документов архива Совета по делам религиозных культов за 1944—1965 и 1955—1957 годы.

Что касается зарубежных изданий, то они намного превосходят отечественные и по числу, и по оценкам. Одним из первых можно назвать «Черную книгу. «Штурм небес», вышедшую в Париже в 1925 году. Издало ее русское национальное студенческое объединение. Годом раньше она вышла на английском и немецком языках. Ее составитель А. А. Валентинов использовал советскую периодическую печать 20-х годов, в основном, центральные и региональные газеты и журналы, прежде всего Центра и Юга России. На основании подборок статей и информаций, прошедших в печати, он сумел проиллюстрировать подлинное положение Православной Церкви в революционной России. В книге отражены многочисленные стороны изучаемой темы: гонения в период гражданской войны, террор, «судебные» процессы в период ограбления храмов под предлогом «изъятия ценностей в пользу голодающих», методы антирелигиозной пропаганды и т. п. В книге показаны трагические судьбы патриарха Тихона и других иерархов Русской Церкви.

Таким же путем спустя более полувека пошел доктор Герд Штриккер из института «Вера во втором мире» (Швейцария). Он также собрал правительственные постановления, опубликованные в печати, статьи и прочие газетные и журнальные материалы и издал их двухтомником «Русская Православная Церковь в советское время», который в 1995 году вышел в Москве. Этот труд интересен гораздо большим подбором материалов, что вполне естественно. К тому же он показывает, насколько взгляд со стороны замечает все то, что не привлекает внимания самих участников событий.

Определенную ценность представляют работы русских эмигрантских историков — О. М. Польского, А. Н. Боголепова, Н. К. Зернова, И. М. Андреева-Андреевского. Однако в их работах присутствует своя крайность — они критикуют патриаршую церковь, зачастую совершенно не учитывая объективных обстоятельств. Тем не менее именно зарубежным историкам удалось создать наиболее полные исследования о судьбе Церкви в Советской России.

Наиболее самостоятельным и всеобъемлющим можно считать исследование канадского церковного историка Д. В. Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке», вышедшее в Москве в 1995 году. Первое издание на английском языке под заголовком «Русская Церковь при

Советском строе» вышло в 1984 году. Если большинство зарубежных исследователей в силу условий были стеснены в архивных материалах и большей частью пользовались материалами прессы, делая упор на непосредственные взаимоотношения между государственной властью и Церковью, то Д. В. Поспеловский уделяет большое внимание и внутренней жизни Русской Православной Церкви, начиная с движения за церковные реформы в начале XX века. Он освещает все важнейшие этапы взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством, освещает внутренние вопросы церковной жизни и завершает свое исследование августом 1991 года. Работа канадского историка отличается от других прежде всего наличием большого архивного материала, который стал доступен исследователям в последние годы.

Новгородская Церковь тысячу лет является составной частью Русской Православной Церкви и все, что уже говорилось о ней, в такой же степени относится и к Новгородской. Ее историческое прошлое имеет огромнейшую литературу, но весь этот список заканчивается началом XX века.

До конца 80-х годов каких-либо исследований истории Новгородской церкви и ее сосуществования с Советской властью не предпринималось совсем. Различные публикации в периодической печати имели антирелигиозный характер. Их авторы пытались дискредитировать как новгородские святыни, так и новгородских священнослужителей.

Первым из новгородских историков, затронувших вопрос взаимоотношений Советской власти и Церкви, был М. Н. Петров. В 1987 году в Ленинграде вышла его книга «Хранить вечно. Из истории борьбы с контрреволюционными выступлениями на Новгородчине». Книга посвящена созданию и работе Новгородской ГубЧК. Во вступлении начальник КГБ СССР по Новгородской области указал, что в этой книге «на основе малоизвестных документальных материалов рассказывается о борьбе в годы гражданской войны новгородских коммунистов и чекистов, рабочих и красноармейцев с кулацкими мятежами, бандами дезертиров, подстрекательством реакционных церковников».

Уже из такой посылки следует, что исторический материал подается в конкретно идеологизированном аспекте. Тем не менее, в этой работе впервые сообщается о волнениях, в которых могло участвовать и духовенство, освещается в советском духе кампания по изъятию церковных ценностей и показательный судебный процесс над митрополитом Арсением (Стадницким) и епископом Алексием (Симанским).

Обращает на себя внимание позиция автора: «На завершающем этапе гражданской войны чекистам стали известны подробности контрреволюционной деятельности верхушки новгородского духовенства на протяжении 1918—1920 годов. Руководство церковной контрреволюцией в губернии возглавил митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (в миру А. Г. Стадницкий). Он не случайно стал во главе антисоветски настроенных церковников». И т. д. в том же духе, определенном идеологией того времени.

Кампания изъятия церковных ценностей представлена как благодеяние. «Хлеб можно было купить за границей на золото. Трудящиеся потребовали изъятия церковных ценностей на нужды голодающих... Потребовали того же и жители Новгородской губернии». И далее: «В послании Тихона звучал прямой призыв противодействовать Советской власти... Митрополит Новгородский Арсений обратился к верующим своей епархии с аналогичным посланием. Священники призывали верующих противодействовать властям...». (При этом автор, к сожалению, не указал, что митрополит Арсений в первые же дни изъятия лично сдал в Помгол все свои драгоценности: золотой наперсный крест, драгоценные камни из панагий, бриллианты с креста на клобуке.)

В последующем своем исследовании «Изъятие церковных ценностей в Новгородской губернии в 1920Д. В. 1930 годы» М. Н. Петров уже пишет: «Десятилетиями утверждалось положение, будто бы изъятие церковных ценностей было проведено исключительно в связи с голодом 1921 года». Автор приводит несколько таких работ: Кандидов Б. «Голод 1921 года и Церковь» (М., 1932), Гордиенко Н. С. «Современное Православие» (Л., 1984), Плаксин Р. Ю. «Тихоновщина и ее крах» (Л., 1987).

Это исследование в качестве доклада было прочитано на конференции, посвященной 125-летию Новгородского государственного музея-заповедника и опубликовано в сборнике материалов в 1991 году. В этом же 1991 году работа в более расширенном изложении вошла в сборник статей под заголовком «Судьба русского серебра» (Л., 1991. С. 5—17).

К сожалению, это исследование носит обзорный характер, освещает общие моменты и факты, при этом допущены фактологические погрешности: ошибочная датировка телеграммы Троцкого повлекла суждение о второй волне изъятий ценностей в мае 1922 г.

Тема взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви и, в частности, с ее Новгородской епархией присутствует и в докторской диссертации М. Н. Петрова «ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие» (Новгород, 1995). В этой работе уже цитируется письмо В. И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года по поводу намеченной кампании. Вывод автора о когда-то приветствуемой им кампании следовал: «Суть акции заключалась в стремлении покончить с независимым экономическим положением религиозных конфессий, в первую очередь Русской Православной Церкви».

Отсутствуют в диссертации и уверения в контрреволюционных действиях митрополита Арсения, зато в ином свете представлена позиция властей: «30 марта через уполномоченных ГПУ в уездные комитеты РКП (б) была передана секретная директива, требовавшая внести раскол в ряды священнослужителей. Уездным уполномоченным предписывалось «виднейших зловредных попов» до конца кампании по возможности не трогать, но предупредить их в личной беседе совершенно секретно, что в случае эксцессов они ответят головой».

Дальнейшие исследования по этому вопросу взаимоотношений Государства и Церкви М. Н Петров пока не опубликовал. Из других исторических работ по обсуждаемой теме следует упомянуть петербургских исследователей А. А. Бовкало и А. К. Галкина, новгородца С. В. Моисеева, чьи статьи по истории новгородской епархии появляются в периодической печати, но еще не представляют самостоятельных трудов.

На основании обзора литературы можно сделать вывод, что в отечественной историографии в течение последних шести лет появились работы обобщающего характера, которые содержат анализ государственно-церковных

отношений в стране в 1917—1965 годы. Доступ к архивным документам даст возможность многим исследователям развить эту тему более конкретно, с использованием пока неизвестных материалов. Такие работы позволят представить церковную политику Советского государства в ее многообразии применительно к отдельным епархиям.

Предлагаемое исследование можно считать первым в этом плане. Автор всесторонне изучил церковную политику Советской власти на территории Новгородской губернии (с 1944 г. — области), начиная с первых дней ее существования в октябре 1917 и последним — в ноябре 1991 года, когда облисполком был упразднен Постановлением Верховного Совета РСФСР [9].

В работе на базе обширного и малоизвестного, большей частью даже неизвестного архивного материала показана политика государства по отношению к Русской Православной Церкви и как эта политика осуществлялась на местах губисполкомом (облисполкомом) и более мелкими административными учреждениями.

Впервые в исторической литературе показан долгий и трудный путь проведения в жизнь Декрета ВЦИК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. На конкретных примерах можно увидеть неодобрительное отношение жителей Новгородской губернии к Декрету и нежелание исполнять многие его положения. До сих пор в исторических исследованиях не рассматривалась деятельность первых советских бюро и отделов ЗАГС с привлечением конкретных материалов без утайки многих отрицательных фактов. Автор предлагаемой работы прослеживает первые шаги становления этой службы со всеми непредвиденными сложностями.

Определенный интерес представляют разделы, в которых показывается стремление Советской власти любыми средствами и способами дискредитировать Церковь и духовенство в глазах верующих. С этой целью были проведены кампании по вскрытию святых мощей и судебные показательные процессы над новгородскими священнослужителями во главе с митрополитом Арсением (Стадницким) и епископом Алексием (Симанским).

На неизвестных документальных материалах автор показывает переход церковной политики от государственных учреждений в органы НКВД и ОГПУ. Однако в работе отсутствует рассказ о политических репрессиях 1937 года, в результате которых 780 новгородских священнослужителей были приговорены к высшей мере наказания. Сделано это сознательно, поскольку репрессии были направлены на все слои населения, одним из которых было и духовенство, и эти репрессии нельзя считать церковной политикой.

Определенное значение имеет вторая глава книги, освещающая изъятие ценностей из новгородских церквей. Впервые сделан всесторонний учет потерь, показана ценностная стоимость не только изъятых сокровищ, но и самой кампании. Анализ поступивших и потраченных сумм подтверждает слова старорусского крестьянина: «...все это пойдет на галифе комиссарам».

Для историков Церкви представляет интерес глава об обновленческом расколе, который проник и в Новгородскую епархию. Однако документы свидетельствуют, что затронул он незначительное число священнослужителей, приходов, и испытал твердое противостояние приверженцев патриаршей Церкви. Архивные документы неоспоримо доказывают, что обновленческий раскол был спровоцирован органами ОГПУ и в течение многих лет поддерживался местными властями.

В исследовании отражены события военных и первых послевоенных лет, которые стали для Русской Православной Церкви — на фоне предыдущих и последующих гонений — временем своеобразной передышки, позволившей хотя бы частично возродить многие церковные институты. На архивном материале показывается, как возрождалась Церковь в Новгородской области, отражается деятельность первых уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви по Новгородской области.

С приходом к власти Н. С. Хрущева начался новый этап государственно-церковных отношений. В работе показывается, как годы «хрущевской оттепели», во время которой Новгородская епархия получила самостоятельность, сменились очередной, наиболее жестокой эпохой гонений на Русскую Православную Церковь. Новый существенный поворот курса государственной религиозной политики в СССР был вызван комплексом причин. В партийных верхах все более зрели убеждения в возможном построении в СССР в скором будущем коммунистического общества. Считалось, что коммунистическая идеология жизнеспособна, еще далеко не исчерпала свой потенциал и после избавления от сталинского наследия проявит его. И поскольку она победит, то в каких-либо альтернативах ей, в том числе религиозной, необходимости нет.

В исследовании на архивных материалах прослеживается весь ход антирелигиозной кампании, развернутой в стране в 1958—1964 годы, т. е. до смещения Н. С. Хрущева. Автор останавливает внимание не только на действиях государственной власти, но и показывает ведущую роль в этой кампании ее идеолога — КПСС, конкретно — обкома партии Новгородской области, райкомов и парткомов. Приводятся примеры методов ведения атеистической пропаганды, анализируются ее неудавшиеся результаты.

В отличие от перечисленных работ автор в своем исследовании прослеживает весь период существования областного Совета и его взаимоотношений с Новгородской церковью до ноября 1991 года. Дается анализ Программы КПСС и нового ее Устава, принятых XXVII съездом КПСС, а также материалы XIX партийной конференции, в которых, несмотря на внешнюю либерализацию отношений к Церкви, все еще сохранялись атеистические установки. Определенное внимание уделено празднованию в Новгороде 1000-летия крещения Руси, приводятся неизвестные факты.

Исследование завершается временем возрождения Новгородской епархии и передачей ей Софийского кафедрального собора, которое произошло в августе 1991 года. Этими событиями начинается новая страница государственно-церковных отношений в Новгородской области.

Источниковую базу исследования составляют в первую очередь архивные документы, основная часть которых впервые вводится в научный оборот. В Государственном архиве Новгородской области (ГАНО) для работы использованы документы 32 фондов, среди них Р-822 — Новгородский губисполком, Р-3686 (облисполком), Р-262 — Административный отдел губисполкома, фонды уездных исполкомов: Р-218, Р-215, Р-214, Р-216, Р-217, фонды райисполкомов: Р-138, Р-803, Р-153, Р-248, Новгородского и Боровичского окрисполкомов Р-1123, Р-1244, губернского отдела юстиции Р-268, отдела губернского управления Р-269, документы волостных

Советов и других учреждений. Огромный массив документов по изучаемой теме сосредоточен в фонде уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Новгородской области — Р-4110 и использован в исследовании. В Государственном архиве новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО) использованы документы из фондов Новгородского обкома КПСС: ФФ. П-260, П-69, П-91, П-107.

Впервые в новгородской историографии для написания работы привлекались документы архива Новгородского епархиального управления. В основном это обращения верующих за поддержкой, переписка об открытии храмов, сведения о церквях и священнослужителях, переписка с уполномоченным Совета и самим Советом.

В Государственном Архиве РФ (ГАРФ) использована Инструкция для уполномоченных 1945 года, которая в 1961 году была изъята из делопроизводства уполномоченного. (Ф-6991).

В Центральном Государственном Архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ) использовано несколько справочных материалов из фонда уполномоченного Совета по Ленинградской области, в состав которой входила Новгородская до ее воссоздания в июле1944 года.

Помимо архивных документов широко привлекались материалы из периодической печати: «Новгородской правды», «Блокнота агитатора», районных газет, исторических журналов и т. п.

Из перечисленных работ автор пользовался чаще всего работой М. И. Одинцова «Государство и Церковь», а также исследованиями М. В. Шкаровского и А. Н. Кашеварова, в которых приведены основополагающие документы государственной власти по церковной политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Известия. 1918. 23 января.

[2] Крупская Н. К. Из атеистического наследия. М., 1964.

[3] Ярославский Е. М. Против религии и церкви. Собр. соч. М., 1993.

[4] Новиков М. П. Православие и современность. М., 1965.

[5] Емелях Л. И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. М., 1967. С. 51.

[6] Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984. С. 189.

[7] Новый мир. 1994. № 8. С. 192.

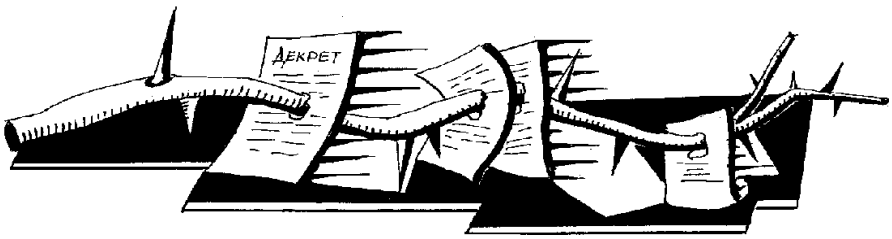
[8] Молодой коммунист. 1976. № 1. С. 94—98.

[9] Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР». (Сборник постановлений В. С. РСФСР. 1991. №7.)

В документах довоенных лет большинство фамилий проходят без инициалов, поэтому они отсутствуют и в данной работе, кроме фамилий известных государственных деятелей и губернских чиновников.

Глава I

Ленинский Декрет в действии

Семнадцатый год XX века стал начальной вехой тернистого пути, которым суждено было идти Русской Православной Церкви неполных восемьдесят лет. Все эти годы ее составной частью являлась и остается Новгородская епархия.

События, происходившие в 1917-м году в Новгородской губернии, были отражением общего российского процесса. После февральской революции власть в губернии перешла к комиссару Временного Правительства А. А. Булатову. Созданный в апреле губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов состоял из эсеров и меньшевиков и признал руководство комиссара. Тем временем в уездах губернии началось создание местных Советов. Большевистские организации развернули активнейшую борьбу за влияние в массах и прежде всего — в войсковых частях, расквартированных в Новгороде, Боровичах, Старой Руссе.

Во время так называемого «корниловского мятежа» по инициативе большевиков при Новгородском Совете был создан комитет обороны, в полки направлены агитаторы. Воинские части перерезали железную дорогу на Петроград. Солдаты Муравьевского гарнизона потребовали осуществления большевистской программы: образования социалистического правительства, введения рабочего контроля за производством и распределением продукции, национализации земли, заключения мира между воюющими народами, ареста вождей контрреволюции, вооружения пролетариата.

Как свидетельствуют архивные документы, именно воинские части, состоявшие в основном из питерских рабочих, были поддержкой и опорой новгородских большевиков. Прибывший в Новгород для агитации член ЦК РСДРП(б) М. С. Урицкий выступил на митингах в Кречевицком, Муравьевском, Селищенском гарнизонах и в Народном доме[1]. На втором губернском съезде Советов в октябре 1917 года уже чувствовалось возросшее влияние большевиков. Под их давлением, хотя делегаты от РСДРП(б) составляли едва пятую часть, съезд признал в резолюции по текущему моменту, что Временное Правительство не пользуется доверием народа, потребовал полного разрыва с буржуазией. Тем не менее основная масса делегатов признала «несвоевременным» переход власти к Советам, что говорило о поддержке населением Временного Правительства и партий эсеров и меньшевиков. Даже вечером 25 октября во время обсуждения обстановки в стране в связи с вооруженным восстанием в Петрограде эсеро-меньшевистское большинство губисполкома приняло решение «занять выжидательную позицию».

И только третий съезд демократических организаций губернии, состоявшийся 3—5 декабря 1917 года, после ожесточенных дискуссий делегациями большевистской и всех остальных партий признал власть Совнаркома и Советов на местах[2].

...11 декабря этого же года, морозным вечером новгородцы встречали своего правящего архиерея. Владыка Арсений (Стадницкий)[3] возвращался в Новгород из Москвы, где участвовал в работе Поместного собора. Там он был избран в состав кандидатов на патриарший престол, и только промысел Божий отвел от него «чашу сию». Святейший Патриарх Тихон вынес предложение Синоду возвести кандидатов в сан митрополита, что и было сделано соответствующим указом № 9914 от 20 ноября 1917 года. Вместе с владыкой Арсением в сан митрополита был возведен и Антоний (Храповицкий)[4].

Сотни новгородцев собрались в Софийском соборе, чтобы приветствовать своего владыку уже в новом сане.

— Вам приятно видеть на мне белый клобук, — обратился он к прихожанам в минуту чествования. — А у меня в ушах громко звучит слово Св. Григория Богослова: «епископов и священников украшают не титулы, а добродетели». Радость свидания с вами омрачается мыслию о лукавом времени, нами переживаемом. Тут говорили о нравственном воскресении. Но прежде воскресения были страдания, была Голгофа. На Голгофу зову я вас, мои чада возлюбленные. Отделение Церкви от государства теперь почти уже свершившийся факт. Вы должны приготовиться к поруганию наших верований и наших святынь — провидчески говорил, митрополит Арсений[5].

Вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства для России был не нов. Он будоражил общество уже со второй половины XIX века. И Царское правительство, и Временное пытались внести некоторые коррективы в эти взаимоотношения. Несколько партий в период первой революции внесли в свои программы конкретное положение об отделении Церкви от Государства. Среди этих партий была и большевистская.

Захватив власть в октябре 1917 года, большевики на первых порах не очень торопились осуществить задуманное отделение — достаточно было и других забот. Но для подготовки Декрета была образована специальная комиссия под председательством наркома юстиции П. И. Стучки. В комиссию вошли нарком просвещения А. В. Луначарский, работники наркомата юстиции П. А. Красиков и М. А. Рейслер, петроградский священник о. М. Галкин. Прошли ноябрь, декабрь, наступил январь1918 года. В стране — кровавый террор, бандитизм, голодные, промерзшие города, замершие заводы, немецкая армия на западных границах, в Сибири загорается пламя гражданской войны...

Такого дикого разгула бесправия не выдержала душа «добрейшего»* патриарха Тихона: предполагая, что нынешняя власть не сможет продержаться в таких условиях более 2.» 3 месяцев, он 20 января 1918 года обратился с посланием к верующим, которое было зачитано на заседании Собора, все еще заседавшего в Москве. Патриарх предал анафе-

* Во время выборов на Поместном соборе кандидаты получили характеристики — Тихон — «добрейший», Арсений — «умнейший», Антоний — «строжайший».

ме «врагов родины» и призывал оказать сопротивление органам власти:

«*Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.*

Властию, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаю и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-любо общение: «Измите злаго от вас самех» (1 Кор. 5, 13)[6].

В тот же день в Петрограде стало известно о призыве Патриарха, к ночи было созвано заседание Совнаркома, которое в спешном порядке рассмотрело проект Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных общинах». С рядом поправок проект был принят, а наутро 21 января опубликован в «Правде» и в «Известиях».

С этого дня, с этого документа началась упорная систематическая борьба советской власти со всякой религией и прежде всего — с Православием. Как писал Петр Струве во вводной статье к «Черной книге» («Штурм небес») — «Советская власть — это светский меч, работающий и разящий по наущению и указке воинствующего безбожия. Ей принадлежит своеобразная историческая честь — возрождение инквизиции с атеистическим знаком»[7].

Принятый Декрет сам по себе не велик — 13 немногословных статей. Главные из них:

— Церковь отделяется от Государства.

— Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

— Школа отделяется от Церкви...[8]

Эти вполне безобидные сентенции заканчивались двумя статьями, которые вызвали отпор в основной массе верующих и которые стали главным орудием государства в его многолетней борьбе с Церковью — это статьи о национализации церковной собственности и о лишении прав юридического лица всех религиозных общин.

Сознавая трагизм положения, Священный Собор 25 января 1918 года принял постановление по поводу декрета Совнаркома, в котором подчеркивалось, что этим Декретом «узаконяется открытое гонение как против Церкви Православной, так и против всех религиозных обществ. Приветствуя всякое действительное расширение свободы совести, Собор в то же время указывает, что действием упомянутого Декрета свобода Церкви Православной, а равно и свобода всех вообще религиозных союзов и общин превращается в ничто. Под предлогом «отделения Церкви от государства Совет народных комиссаров пытается сделать невозможным самое существование церквей, церковных учреждений и духовенства»[9].

Только спустя три месяца после издания Декрета Совнарком озаботился осуществлением его на законных основаниях и поручил Наркомюсту образовать специальный отдел по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. За ним закрепилось неофициальное, но весьма содержательное название — «ликвидационный». Отдел возглавил П. А. Красиков.

Юридический отдел Новгубисполкома только в ноябре создает подобный отдел, возглавил который председатель И. Терауд. Но еще задолго до создания отдела, пользуясь свободой, предоставленной Декретом, Президиум Новгородского губисполкома 3 июня 1918 года издал постановление о передаче в ведение отдела народного образования зданий Епархиального дома, духовной семинарии и духовного училища. Тотчас же собралось чрезвычайное собрание православных приходских советов Новгорода и правления Союза во имя Св. Софии, которое выразило несогласие с решением президиума и обосновало юридически его неправомочность: «Все названные здания, построенные на средства православного народа и обслуживающие просветительные, бытовые и благотворительные его нужды, принадлежат лишь ему одному, а почему не могут быть переданы Новгородскому губисполкому, в состав которого входят лица различных вероисповеданий и даже не принадлежащие ни к одному исповеданию»[10].

Решение собрания не возымело никакого воздействия, и вот уже Епархиальный дом становится Домом искусств, а по коридорам духовной семинарии затопали красноармейские башмаки. Три жалобы поступило в губисполком от бывшего педсовета семинарии на нежданных постояльцев: бесчинствуют, гадят, разоряют помещения. Если не намерены выезжать, то хотя бы прекратили вандализм»[11].

Судя по документам губисполкома, до конца 1918 года внедрением Декрета практически никто не занимался. Да и когда было заниматься, если в феврале 1918 года германские войска находились в соседней, Псковской, губернии, а в марте стоял вопрос об эвакуации Новгорода[12]. В уездах начал зарождаться бандитизм, в Демянском, Крестецком уездах прокатились крестьянские волнения...[13]

О том, как народ отнесся к Декрету, свидетельствует такой незначительный факт: общее собрание Березорядского волостного Совета Бологовского уезда, состоявшееся 11 декабря 1918 года, постановило: «ранее находящуюся при Березорядском волостном правлении икону Св. Александра Невского, в настоящее время почему-то удаленную из помещения — поставить на прежнее место»[14]. В этом постановлении особое внимание привлекает фраза «почему-то удаленную», которая свидетельствует о полной неосведомленности граждан о постановлении Декрета.

К концу 1918 года обстановка в губернии немного успокоилась, и отдел по проведению в жизнь Декрета, также — «ликвидационный» приступил к своим обязанностям. Для начала была подготовлена и отпечатана в губернской типографии брошюра «Положение об отделении Церкви от государства»[15]. В ней содержался сам декрет Совнаркома «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», инструкция Наркомюста «Об организации отделов записей браков и рождений», пространное Постановление Наркомюста о порядке проведения в жизнь Декрета, положение об организации губернского отдела по проведению в жизнь Декрета и несколько обязательных постановлений Новгубисполкома по этому же вопросу.

Брошюру открывало циркулярное предписание председателя отдела И. Терауда: «Всем городским, районным, волостным, поселковым и сельским совдепам и представителям всех вероисповедных ведомств, в чьем фактическом обладании находятся соответствующие храмы, монастыри, молитвенные дома и часовни Новгородской губернии, настоящее положение препровождается

для немедленного проведения его в жизнь в указанные сроки».

Далее следовало «Обращение к населению», написанное в стиле агитационных листовок Октябрьской эпохи: «...Пусть церковным достоянием владеют не разжиревшие на народных хлебах архиереи, попы и монахи, а тот, кто это достояние создал. Пусть рабочие и крестьяне, а не духовные власти распоряжаются церковным добром. Что народ дал — то народ и взял».

В начале января 1919 года эта брошюра как руководство к действию была разослана во все волостные исполкомы губернии. Не встретив в народных массах ярко выраженного сопротивления Декрету об отделении Церкви от государства, новгородские большевики, как и все их российские собратья, понадеялись на достаточно быстрое и безболезненное осуществление закона. Вселяла уверенность и проведенная в печати дискредитация «политического лица духовенства» и органов церковного управления. Поэтому срок для выполнения поставленной задачи был определен ударный — 1,5—2 месяца.

О достигнутых результатах сообщает предписание губернского «ликвидационного» отдела, разосланное 1 апреля 1919 года во все уездные исполкомы: «...исполнения всех указанных в положении требований до сего времени еще не видно и не слышно. Между тем, как указанный срок уже давно истек. Ввиду этого просим уездный исполком оказать соответствующее воздействие на волостные Советы, чтобы последние приняли немедленно меры для точного осуществления указанных в брошюре требований»[16].

Просьба осталась неуслышанной, и 15 мая губернский ликвидационный отдел уже мечет гром и молнии: «Ввиду того, что срок, данный на проведение в жизнь «Положения об отделении» истек, отдел предписывает немедленно приступить к выполнению означенного положения»[17]. В недельный срок требовалось выслать все договоры с религиозными общинами и описи имущества церквей. Виновным в неисполнении предстояло ответить перед судом ревтрибунала. Угроза ревтрибуналом не устрашила, и пришлось подотделу слать свои напоминания 19 мая, 20 августа...[18]

Поскольку «кавалерийский наскок» на многовековые устои Православной Церкви где начался, там и кончился, губернские власти попытались найти другие пути осуществления Декрета. Несостоявшийся опыт показал, что работа оказалась весьма сложной и для нее нужны подготовленные кадры. «Отдел управления просит командировать на имеющий быть 29 сего июня съезд Советов Подгощской волости Старорусского уезда опытного партийного работника для разъяснения Декрета об отделении Церкви от государства и изъять из помещения волостного исполкома внесенную туда икону», — с таким письмом обратился губотдел 11 июня 1919 года в губком РКП (б). Партийные товарищи не оставили без внимания сие обращение и выхлопотали «спеца» в соседнем — Петроградском губернском Совдепе — с его мандатом в Новгород прибыл инструктор информационно-инструкторского подотдела тов. Виноградов[19].

Пока приезжий инструктор объяснял новгородским товарищам суть да дело, губернский отдел юстиции решил поддержать свое «ликвидационное» подразделение и 6 ноября 1919 года (!) разослал во все уезды очередной циркуляр: «...несмотря на то, что подотделом... волостными и уездными исполкомами до настоящего времени представлено... указанных сведений менее половины всех находящихся на территории Новгородской губернии церквей... дело проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства в уездах стоит бесподвижно на одном месте»[20].

Видя, что ликвидационный отдел беспомощен и не справляется с доставшимися ему проблемами, губернская власть обратилась за содействием в столицу. 7 мая 1920 года в Новгород приехал Н. Н. Левендаль для временного замещения должности заведующего подотделом по проведению в жизнь Декрета. У него уже имелся некоторый опыт в государственном деле, так как он участвовал в выработке самого Декрета в составе комиссии т. Красикова, и командирован VIII отделом Наркомюста[21].

Только в 1920 году на местах стали предприниматься практические шаги по осуществлению отделения Церкви от государства при постоянном напоминании губисполкомовских циркуляров: «Предыдущим губисполком просит вас в самом срочном порядке сообщить президиуму, что сделано вами в отношении отделения Церкви от государства, а также план ваших работ в этой области на ближайшее время»[22]. В ответ ликвидационный подотдел получал такие сообщения, как, например, из Демянска: «...специальных лиц, ведающих областью по отделению Церкви от государства, в Демянском уезде нет, необходимые же мероприятия в этом отношении выполнялись заведующим п/о ЗАГСа...»[23].

Искренне преданный порученному делу, Н. Н. Левендаль предложил организовать соответствующие подотделы в уездных исполкомах при отделах юстиции. «Очевидно, тов. Левендаль упустил из вида, что при уездных исполкомах отделов юстиции нет, а есть только бюро народных судей... В его функции проведение в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства не входит», — начертал на докладной записке заведующий отделом юстиции губисполкома И. А. Куприянов.

Циркуляром № 355 от 19 июня1919 года Наркомюст попытался внести некоторые коррективы в практику проведения в жизнь отделения Церкви от государства. Вся эта работа в уездах возлагалась на местные исполкомы, однако при этом умалчивалось об организации специальных отделов или подотделов. Что касается губернского отдела юстиции, то согласно ст. 8 Положения об отделах юстиции, ему принадлежало руководство делом проведения в жизнь Декрета и наблюдение за деятельностью местных учреждений по их выполнению[24]. У местных же исполкомов не было ни средств, ни опыта, ни должной организации работы[25].

Вполне закономерно, что только к началу 1920 года в губернский отдел юстиции стали поступать договоры, подписанные с религиозными общинами о пользовании храмами и храмовым имуществом, как это и предписывалось Декретом. Составлять договоры требовалось по предписанной форме, которая приводилась в упоминаемой брошюре. Договор содержал 13 пунктов весьма политизированного и угрожающего характера: «...в принятых нами в заведывание богослужебных помещениях мы обязуемся не допускать:

а) политических собраний враждебного советской власти направления;

б) раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против советской власти или ее представителей;

в) произнесение проповедей и речей, враждебных советской власти или отдельным представителям;

г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти...

6. Мы обязуемся допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Совета рабочих и крестьянских депутатов к периодической проверке и осмотру имущества...»[26].

Конечно же, прихожане, подписавшие договор, обязаны были беречь, сохранять, возмещать церковное имущество. Под договором должно было стоять не менее двадцати подписей, откуда и пошла известная по сей день «церковная двадцатка». Это религиозное общество не имело права юридического лица. Благотворительная и просветительная деятельность ему запрещались. При подписании договора надлежало сверить имущество по описям 1917 года.

Во многих приходах инвентаризация осложнялась тем, что описи 1917 года были высланы в Духовную консисторию, откуда им не суждено было впоследствии вернуться, запасные описи сохранились не везде.

Требуя неукоснительного подписания договоров с религиозными обществами, государственная власть в это же время проявляет беспокойство об общем настроении народных масс и их отношении к проводимой антицерковной политике. Во все уездные исполкомы было разослано предписание представить информацию с мест. Сохранилось несколько интересных сообщений.

Старорусский исполком докладывал: «Можно сказать безошибочно, что посещаемость храмов остается такой же, какой была в дореволюционное время, лишь с незначительным уменьшением, объясняющимся тем, что в настоящее время нет прежнего принудительного посещения войсками, чиновниками и учащимися, но тем не менее эти категории лиц все же храмы посещают, но уже по собственной инициативе.

Хотя настоятельной потребности в использовании храмов не ощущается, но тем не менее они бессомненно могли бы быть использованы с большой пользой для культурных и просветительских целей, ибо в Старой Руссе нет приличного театра и вместительного помещения для лекций и пр. Но считаясь с крайним религиозным фанатизмом населения, с его враждебным отношением к утилизации храмов под общественные нужды, отдел управления категорически заявляет, что разрешение этого вопроса необходимо отдалить, тем более, что общее политическое настроение широких обывательских масс уезда и города далеко не в пользу Советской власти, ее благих начинаний в этом направлении»[27].

Из Боровичей ответили телеграммой: «Настроение оппозиционное». Из Малой Вишеры подтвердили: «Население относится к утилизации отрицательно»[28]. Все эти сведения оседали в сейфах губисполкома и не появлялись на страницах губернской газеты «Звезда».

В то время, как тысячи и тысячи подписей прихожан новгородских церквей исписывают подписные листы договоров, в столичных кабинетах отношение к Декрету изменяется, и из дела политического проведение Декрета превращается в административное. VIII отдел Наркомюста упраздняется, а вместе с ним упразднились и губернские отделы юстиции и их подотделы. Все функции по надзору за проведением Декрета передавались органам НКВД.

Интересна реакция местных властей на такое решение. Заседание Большого президиума губисполкома 26 марта 1924 года постановило: «Ввиду того, что выполнение регистрационных функций и надзор по проведению Декрета об отделении Церкви от государства является одним из элементов общего администрирования, признать современным (так в тексте, видимо, своевременным. — ***И.С.***) передачу этой отрасли в административные отделы под общим руководством президиумов УИКов»[29].

Боровичский, Маловишерский уездные исполкомы нашли «целесообразным передачу церковного дела в ведение управления милиции». Валдайские товарищи вообще не поняли такого поворота событий и в ответ на решение президиума отстучали телеграмму: «Не вкралась ли опечатка?»[30].

Но нашлись в Советах и более прозорливые товарищи, отнесшиеся к отделению Церкви от государства как к весьма серьезной проблеме. Секретарь Старорусского УИКа Москвин сообщил, что «при реорганизации УОУ церковные дела сданы милиции не были ввиду их большой важности, а оставлены в секретариате президиума, причем последний считает необходимым в дальнейшем оставить их в таком же положении»[31]. Председатель Демянского УИКа Клоков срочно сообщил в Новгород, что «церковное дело управлению милиции не передавалось и таковое находится в ведении секретариата президиума УИКа. И вообще президиум УИКа поддерживает ту точку зрения по этому вопросу, чтобы церковное дело вообще и в дальнейшем оставалось в ведении секретариата президиума УИКа»[32]. Такой же ответ поступил из Новгородского уезда. Но эти мнения уже не имели никакого значения перед распоряжением власти.

Такой аппаратной реорганизацией закончился период «военного коммунизма», период первого масштабного наступления государственной власти на Православную Церковь. Самым сокрушительным ударом кампании этого периода явилось изъятие церковных ценностей под видом оказания помощи населению голодающего Поволжья. В этой кампании отчетливо проявилось стремление руководства РКП (б) кардинально решить проблему полного подчинения религиозных организаций в стране с помощью насилия. (См. самостоятельную главу.)

Массового разгула жестокости в Новгородской губернии не наблюдалось. Человеческие жертвы были, но их можно перечесть поименно: в 1918 году были расстреляны без суда и следствия епископ Кирилловский Варсанофий (Лебедев), священники: Бельской церкви Устюженского уезда Павел Кушников, Крестецкого Екатерининского собора Иоанн Лавров, Аполецкой церкви Демянского уезда Петр Каратыгин, Левочской церкви Боровичского уезда Антоний Озеров, игуменья Ферапонтова женского монастыря Серафимия и священник этой же обители Иоанн Иванов[33]. На все протесты митрополита Арсения против такого беззакония ответ у власти был один — революционная необходимость, распоряжение местных Советов.

За пять лет после выхода Декрета первыми были закрыты домашние церкви и монастыри, до приходских храмов дело пока не дошло. В октябре 1920 года в Новгородской губернии по данным митрополита Арсения, которые он представил в губисполком, насчитывались 391 церковь и 27 монастырей. Более всего в Новгородском уезде: 108 и 17, в Старорусском 96 и 3, Боровичском 62 и 4 [34]. В самом Новгороде действовало 29 храмов: 26 православных, один римско-католический костел, одна синагога, одна кирха[35].

Из 27 домашних церквей 12 сразу же были использованы в нерелигиозных целях. В Новгороде, например:

— при бывшей мужской гимназии и тюрьме — под концертные залы;

— в женской гимназии — под гимнастический зал;

— при архиерейском доме — под музей;

— при Таировском приюте — под бельевую;

— при городской больнице — под операционную;

В Боровичах церковь усадьбы Железкова отошла к детской колонии, церкви при учебных заведениях — в распоряжение школ. Одиннадцать домовых церквей верующие по договору взяли в пользование, четыре стояли закрытыми.

В январе 1922 года домашнюю, полковую церковь в Кречевицах собирались отдать расквартированному в казармах полку под школу грамотности, но в марте Подберезский волисполком получил распоряжение губернского отдела управления «немедленно закрыть церковь при Кречевицких казармах без использования в богослужебных целях и передать в ведение губмузея как имеющую историческое для сохранения ее в качестве памятника старины аракчеевской эпохи»[36].

Печальную картину представляли в это время новгородские обители. В Зверином, Духовом — Новгородских, Старорусском Спасо-Преображенском — разместились воинские части, в Десятинном — ГубЧК, в Юрьевом — богадельня отдела социального обеспечения. В Деревяницком, Короцком, Успенском, Ригодищенском, Косинском, Воскресенском, Иверском были созданы трудовые артели, основной состав которых образовался из бывших монахов. Хутынский и Сковородский в 1920 году властями не использовались. 13 монастырей юрисконсульт-инструктор Наркомюста Н. Н. Левендаль обследовать не успел из-за нехватки времени и сотрудников[37].

Лишив Церковь экономической базы, юридических прав, государство отняло у нее и право быть наставницей и попечительницей семейной жизни православных граждан. С XVIII века самые важные события в жизни человека: рождение, венчание и смерть регистрировались в метрических книгах церквей. Книги эти, объемные, размером в половину »фолио», внушают и по сей день особое чувство благоговения перед огромным генетическим наследием, собранным в них за многие десятилетия. В записях содержатся разнообразные сведения обо всех участниках регистрируемых событий. В книге нет только одной главы — о разводах, так как Церковь не признавала их вообще. В частности же церковные разводы рассматривались в духовных консисториях и на них заводились особые дела. Церковь строго следила за чистотой заключаемых браков.

Декрет об отделении Церкви от государства лишал ее всех дел по ведению метрических записей. 8 января 1918 года Вестник отдела местного управления комиссариата внутренних дел во втором номере опубликовал Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния, в котором еще за две недели до выхода Декрета об отделении Церкви было записано: «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки»[38]. В Декрете излагался свод правил подачи заявления о бракосочетании, о регистрации новорожденного, о заполнении сведений об умерших. В основном, представленные формы повторяли те же графы, что и церковные метрические книги.

Новым был Декрет о расторжении брака: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов, или, хотя бы одного из них... Убедившись в том, что просьба о расторжении брака исходит действительно от обоих супругов или одного из них, судья единолично постановляет определение о расторжении брака, в чем и выдает супругам свидетельство... Судья сообщает копию своего определения в отдел записей браков»[39].

Право, предоставленное судам рассматривать заявления о разводе одного из супругов, широко распахнуло двери для вольной и безответственной жизни многим супругам. Особенно этим правом пользовались как красноармейцы, воевавшие далеко от дома, так и их жены, разлученные с мужьями и не желавшие дожидаться их из безвестности. Разводились и дезертиры, которых в годы гражданской войны оказалось великое множество.

Как и следовало ожидать, новый Декрет в области ведения актов гражданского состояния приживался трудно. В октябре губернский отдел управления разослал по уездам циркуляр, в котором обращалось внимание на то, что не везде проводится в жизнь Декрет об отделении Церкви от государства по вопросу об актах гражданского состояния. В качестве примеров приводились факты:

— продолжали ставиться отметки в паспортах о церковном браке;

— гражданкам, обвенчанным церковным браком, после издания Декрета о гражданском браке присваивалась фамилия лица, с которым она венчалась церковным браком и т. п.[40]

Что говорить о работе губернских и уездных отделов ЗАГСа, если Центральный отдел ЗАГСов был учрежден лишь 18 ноября 1918 года? Он тотчас обрушил массу вопросов: «При каких Советах уже есть отделы ЗАГСов? Как организованы? Кто руководит? Количество зарегистрированных?»[41].

В эту, вроде бы вполне мирную область записей, жестокой действительностью ворвался вопрос работника Маловишерского уездного отдела милиции: «Как записывать тех граждан, расстрелянных по приказу местного исполнительного комитета?»

Ответ поступил через месяц: «Граждан, расстрелянных по приговорам исполнительного комитета, регистрировать соответственно данным, имеющимся в деле, для чего следует просить каждый раз сообщать о таковых»[42]. Вряд ли нужны комментарии к такому бесхитростному ответу.

Через два месяца из Москвы поступило новое предписание: «Замечено, что некоторые из местных отделов записей при заключении браков не вполне внимательно относятся к тем документам, какие представляются вступающим в брак лицами, последствием чего может явиться, что вступают в брак люди, уже состоящие в законном браке»[43]. Циркуляр обязывал предъявлять «документы с несомненностью удостоверяющие», что ни один из заявителей не состоит в другом браке. Он же напоминал, что законными браками в 1920 году считались все церковные браки, заключенные до 20 декабря 1917 года, после этого срока — браки, зарегистрированные в отделах ЗАГС.

Наличие такого документа дает право думать, что замена крещений, и отпеваний, проводимых Церковью в несравнимой обстановке, на регистрацию этих актов в будничной суете в обыденной обстановке советских учреждений первых лет их существования породила в гражданах легковесное отношение особенно к таким актам, как бракосочетание и узаконенный развод. Все стало просто и доступно, а это со временем стало сказываться на семейных устоях.

Однако в первые годы осуществления Декрета в народе еще крепки были устои православной веры и соблюдение ее обрядов. Интересное свидетельство того времени оставил нам заведующий губернским отделом юстиции И. А. Куприянов. На запрос комиссара Курского он писал в марте 1920 года: «Что касается отношения населения Новгородской губернии к церковному браку, то можно зафиксировать тот общий факт, что пока сильна еще в народных массах вера в Бога, сильна приверженность населения к религиозным обрядностям, каковой и является церковный брак.

Население Новгородской губернии как неполучившее до настоящего времени толчка к свободному мышлению в области религии, еще слепо продолжает верить в обряды церкви, тесно связанные вдобавок с традициями и обычаями народа. Случаи вступления в брак без религиозного обряда, равно и расторжение брака помимо церковных правил, немногочисленны и колеблются в зависимости от того, где имеет место факт совершения или расторжения браков. Население города, как более сознательное, относится к разводам безразлично, чего не скажешь о деревне»[44].

Работа отделов ЗАГСов налаживалась с трудом, что легко объяснить: не было грамотных работников, не хватало метрических книг нового образца. Само отношение к регистрации в существующей тогда обстановке в стране не располагало к четкой работе новых учреждений.

27 ноября 1923 года НКВД разослало во все губисполкомы, непосредственно в отделы управления очередной циркуляр: «...установлено, что актовые книги на местах находятся в хаотическом состоянии: листы вырываются и сами книги часто от небрежного хранения гибнут. Положение преступно халатное». Наркомюст предписывал ввести точный учет актовых книг, рассылаемых на места. При наличии пропажи принять срочные меры к их розыску»[45].

Проверка работы уездных ЗАГСов, проведенная в июне уже 1925 года, показала, что здесь по-прежнему сохранялся низкий безграмотный уровень ведения делопроизводства. В акте отмечалось, что записи о рождении зачастую производились спустя 1,5—2 месяца, порой даже следующего года. Выдача «первичных выписей» зачастую не фиксировалась, имена записывались сокращенно: «Мар.», «Вас.». Во многих случаях отсутствовала подпись заведующего отделом ЗАГСа. В записях о браке не указывалось местожительства жениха или невесты, случались пропуски фамилий, отсутствовали подписи должностных лиц»[46].

В качестве примеров делопроизводства сельсоветов той поры приведу содержание нескольких удостоверений.

«9 февраля 1923 г. Удостоверение. Настоящее выдано гр-ке Кривкиной Анне Павловне Павловой в том, что она действительно девица и со стороны препятствий не встречается (надо полагать, к браку) и свидетельствует Кривкинский сельсовет».

31 января 1923 г. Вельевский сельсовет. Удостоверение. Дано сие гр-ке дер. Бураково Тимофеевой Александре Васильевне в том, что ее рождение 1902 г. мая 15-го, что подписями за неимением печати удостоверяется...».

«Удостоверение. Выдано настоящее гр-ну д. Сбыльница Филиппогорской волости Егору Поликарповичу Колосову в том, что действительно таковой холост, вступает в законный брак с девицей той же деревни Татьяной Васильевой, что и удостоверяет Митрошинский сельсовет»[47].

Недостаточно читать эти документы — их еще следует видеть: на обрывках бумаги, на обратных сторонах каких-то текстов, написаны безграмотно, корявым почерком, зачастую карандашом. Удостоверениями на таком уровне можно, скрыть не один брак.

Пройдет более сорока лет, прежде чем советская власть начнет проявлять внимание к обстановке в отделах ЗАГСа. Появятся торжественные регистрации рождения ребенка и бракосочетаний, будут построены специальные дома, а то и дворцы. Но все это будет лишь попыткой подменить церковные обряды во время очередной антирелигиозной кампании.

Период «военного коммунизма» памятен еще одним кощунственным действием новой власти — вскрытием мощей. Ощущая скрытое сопротивление масс ретивым мерам подавления Церкви, большевики прибегли ко всяческим «разоблачениям», одним из которых было использовано вскрытие святых мощей.

По учению Русской Православной Церкви, «мощи — оставшиеся нетленными после смерти тела христианских святых, должны чтиться так же, как и иконы, но не должно воздавать им честь, приличествующую одному Богу»[48].

Бережное сохранение останков святых угодников — мощей, их почитание, поклонение им является сакральной гранью церковной жизни. И какое бы то ни было нарушение покоя этих святынь является святотатством. Но для грубой, жестокой силы, захватившей власть не существовало никаких святынь, в том числе и собственных — законов: о свободе совести, о праве Церкви на внутреннюю жизнь, отделенную от государства.

Первые вскрытия гробниц святых угодников чекисты провели осенью 1918 года, во время так называемого «красного террора». Случилось это при разгроме некоторых монастырей в Олонецкой и Вологодской епархиях[49]. Опасаясь негодования верующих масс, Совнарком решил заручиться поддержкой «сознательных трудящихся». Нарком внутренних дел Г. И. Петровский в самом начале 1919 года разослал в губернские и городские Советы циркуляр, в котором декларировалось, что вскрытие мощей «нельзя считать поруганием свободы совести и оно не противоречит законам Республики»[50].

На основании циркуляра губисполкомы стали выносить постановления о вскрытии на подведомственной им территории святых мощей, почивающих открыто в гробницах. В Новгородской епархии первая такая акция состоялась 21 января 1919 года в Кириллово-Новоезерском монастыре Белозерского уезда[51].

После того, как случаи вандализма участились, Патриарх Тихон вместе с высшими иерархами вспомнил о давнем церковном правиле осматривать мощи. 17 февраля 1919 года он издал указ (»Доверительный циркуляр») епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении святых мощей:

«Считая необходимым по обстоятельствам времени устранить всякий повод к глумлению и соблазну (в том, что доселе не вызывало соблазна и было лишь благочестивым народным обычаем), поручаю Вашему Высокопреосвященству по Вашему непосредственному усмотрению и распоряжению с архипастырской заботливостью и рассуждением устранить всякие поводы к соблазну в отношении святых мощей во всех тех случаях, когда и где эти мощи признано будет Вами необходимым и возможным, с донесением о последующих Ваших распоряжениях Священному Синоду...»[52].

Поскольку в это время правящий архиерей митрополит Арсений участвовал в работе Высшего Церковного Управления как член Священного Синода, временно управляющий Новгородской епархией епископ Тихвинский Алексий (Симанский) по получении Указа патриарха согласовал с владыкой Арсением возможность вскрытия мощей новгородских угодников в Софийском соборе и Сковородском монастыре. Вместе с кафедральным протоиереем Николаем Стяговым, настоятелем Юрьева монастыря архимандритом Никодимом и другими монашествующими епископ Алексий осмотрел раки, вынул из них вату, лишние пелены и другие посторонние предметы.

Почти следом, 3 апреля, новгородский губисполком принял постановление о вскрытии мощей, ссылаясь на предписание коллегии Наркомюста от 14 февраля 1919 года, которым «было признано желательным мощи оставить открытыми для обозрения (для убеждения масс в обмане). Признана желательной передача мощей в местные музеи после срока, достаточного для убеждения»[53].

В тот же день после принятия решения губисполкома состоялось общественное вскрытие мощей в Софийском соборе. В комиссию вошли представители губисполкома, губкома партии, воинских частей, волостных советов, общественных организаций. Обращаясь к собравшимся, епископ пожелал, «чтобы освидетельствование было произведено с подобающим благоговением..., чтобы касались святынь лишь лица духовные»[54].

Согласно традиции, принятой в монастырях Афонской горы, к мощам можно относить и выкопанные из земли по прошествии трех лет после погребения чистые от истлевшей на них плоти костные останки подвижников. Эти обстоятельства и не учли организаторы вскрытия мощей — для разоблачения духовенства в обмане «нетленности».

В тот день, 3 апреля, были вскрыты мощи князя Мстислава Удалого, Владимира, строителя Софийского собора, его матери княгини Анны, епископа Иоанна Новгородского, епископа Никиты, князя Федора. Все они были выставлены в теплом Входо-Иерусалимском соборе новгородского кремля[55].

10 апреля в губернской газете «Звезда» была напечатана статья епископа Алексия «Что такое мощи?» В ней владыка спокойно и ясно разъяснил, что «решительно должны отпасть легенды о том, будто в раках заключается что-то искусственное, не имеющее отношения к угодникам. Впрочем, не желающие верить не поверят и самой очевидности... Мы же, служители Церкви, и все верующие заветам Христа Спасителя мира, не должны смущаться и не смущаемся никакою силою неверия и бесстрашно должны нести всякие испытания нашей верности Господу Иисусу и Его Божественному учению»[56].

Через восемь месяцев верующие привели некоторые святыни в должное им состояние, не испросив на это разрешения губернского административного отдела (ГАО). После апрельского набега властей на церковные святыни интерес к мощам проявляли только паломники и экскурсанты. И вдруг уже в 1926 году тема святых мощей снова появилась в документах Новгородского губисполкома. 6 октября в президиум губернского совета поступил запрос заведующего секретариатом ВЦИКа М. Котомкина: «...сообщите докладом (по возможности — срочно) о проведенных с Вашей стороны мероприятиях к ликвидации «мощей» в Софийском соборе, были ли доведены таковые до конца, а равно в каком состоянии находятся «мощи» в настоящее время»[57].

Из документов губисполкома видно, что вопрос этот застал местную власть врасплох: о мощах после апрельской операции и думать забыли. Губернский административный отдел получает выяснить состояние дела. Через две недели, 29 октября отдел представил отчет: «...В открытом состоянии мощи находились до мая 1926 года. После этого по почину коллектива верующих некоторые мощи приведены в прежнее их состояние. «Отмечая интерес экскурсантов, губадминотдел посчитал «необходимым на основании циркуляра Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года — находящиеся до сего времени мощи в зданиях культов Новгородской губернии перенести в местные музеи...» Новгородские святыни предлагалось поместить в музее церковных древностей, те, что в уездах — в исторические музеи. Было предложено провести дознание, кто посмел свободно обращаться с мощами Софийского собора[58].

Ответить ВЦИКу губисполком не поторопился. 10 декабря из Москвы пришло напоминание и просьба ускорить доклад[59]. Видя, что отвечать все-таки придется, губисполком 12 декабря постановил создать специальную комиссию, а 13 декабря малый президиум рассмотрел вопрос о состоянии дел с мощами и утвердил предложенный состав комиссии. В нее вошли представители ГАО, отдела ГПУ, губпрокуратуры, губпрофсовета и горсовета. Комиссии было поручено закончить работу в течение месяца, установить факт реставрации мощей, проведя обследования в присутствии членов коллектива верующих. Мощи Софийского собора предписывалось вынести в открытую часть храма[60].

Через месяц, 14 января 1927 года, не получив ожидаемого доклада, Москва шлет напоминание[61]. 28 числа этого же месяца председатель губисполкома И. Морозов шлет во ВЦИК довольно скромное сообщение. Изложив события 3 апреля 1919 года, упомянув при этом, что через 8 месяцев «мощи служителями культа без ведома местной власти были реставрированы и перенесены на прежнее место», И. Морозов доложил о создании комиссии для осмотра мощей, находящихся в губернии[62].

Кончался уже февраль, а материалы комиссии еще не были готовы. Губисполком объяснил такое промедление занятостью перевыборами сельских советов. Начало работы было назначено на 25 февраля[63].

Комиссия весьма активно принялась за порученное ей дело и в марте осмотрела все мощи Софийского собора, бывшего Антониева монастыря, блаженных Федора и Николая Кочанова (сохранились акты этих осмотров)[64]. Негодование комиссии вызвал тот факт, что «мощи Никиты и архиепископа Иоанна к моменту осмотра без всякого на то разрешения и ведома ГубИК, оказались реставрированными, т. е. приведены в тот вид, в каковом они находились до вскрытия в 1919 году, а остальные мощи закрыты покрывалами и на замках, что противоречит постановлению комиссии по вскрытию мощей от 3 апреля 1919 г. и постановлению коллегии Наркомюста от 14 февраля 1919 года — о нахождении «мощей» в открытом виде — для обозрения массами»[65].

Пока комиссия торопилась закончить порученное ей дело, 22 марта из Москвы под грифом «совершенно секретно» поступило письмо П. Г. Смидовича, зам. председателя ВЦИК, возглавлявшего секретариат по делам культов:

Митрополит Арсений (Стадницкий)

«Ожидая обещанного Вами доклада о действиях созданной Вами комиссии, сим сообщаю Вам, что действия этой комиссии, созданной по ликвидации «мощей», находящихся в губернии, должны быть остановлены». Не вдаваясь в объяснения, П. Г. Смидович констатировал: «В настоящее время признано необходимым считать несвоевременными какие-либо действия и шаги, связанные со вскрытыми в свое время или невскрытыми «мощами», оставленными после имевших место операций в пользовании верующих[66].

4 апреля губернская комиссии по осмотру мощей была распущена.

Что повлияло на такое резкое изменение курса? В своих действиях против Церкви государство всегда рассчитывало прежде всего на какие-либо для себя выгоды: то ли политические, то ли экономические. Думаю, что в данном случае это отступление от мощей можно соотнести с тем, что власть уже начинала вести переговоры с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием. Для того, чтобы достигнуть некоторой лояльности в их отношениях, было решено сделать некоторые уступки Церкви и вернуть ей ее святыни, не представляющие для государства ни интереса, ни ценности.

Кампания по вскрытию мощей не дала ожидаемых результатов. Церковь по-прежнему пользовалась в основной массе населения поддержкой. Нужно было предпринять что-то неслыханное, чтобы дискредитировать духовенство в глазах верующих. Советская власть решила провести серию судебных процессов над видными представителями Православной Церкви, желая и устрашить народ, и разочаровать его в авторитетах. Самыми значительными процессами того периода стали дела Патриарха Тихона (1922—1923 гг.), католического архиепископа Цепляка и прелата Буткевича (1923 г.), процесс митрополита Петроградского Вениамина (1922 г.).

Однако эти процессы проходили в российских масштабах, в Москве и Петрограде. Присутствовать на них могло очень незначительное количество граждан, газетные материалы доходили до губерний с промедлением, к тому же они не могли произвести желаемого впечатления. Поэтому местные власти получили установку устраивать показательные процессы на губернском уровне. Первое такое судилище над духовенством в Новгороде состоялось 1 ноября 1920 года.

Его официальное название «Дело о действиях духовенства в связи с имевшим место в марте прошлого года освидетельствованием мощей в Новгородском Софийском соборе, произведенным Советской властью». Обратите внимание, что этот процесс состоялся через год и восемь месяцев после самого события. Следует напомнить, что «вскрытие мощей» прошло в свое время без всяких эксцессов, епископу была предоставлена возможность выступить в губернской газете. В течение полутора лет никто более не возвращался к этому вопросу, так как мощи в открытом виде были доступны для обозрения каждому.

Но директива требовала обязательного процесса над «верховным духовенством». Верховным в 1920-м году был епископ Алексий, так как митрополит Арсений большую часть времени находился в Москве. Поэтому было решено вменить епископу Алексию самочинный, по мнению губисполкома, осмотр мощей в марте 1919 года. Как уже говорилось, осмотр святых мощей предписывало и церковное правило, о котором как-то подзабыли все в последнее время. Но если бы такое правило даже не существовало, именно епископ мог нарушить покой святых мощей, но никак не работники советской власти. Как бы там ни было, против епископа Алексия и его братии было выдвинуто обвинение, завершившееся заседанием ревтрибунала.

28 октября 1920 года губисполком предписал прокурору И. А. Куприянову: « Назначенное к слушанию дело епископа

Алексия на 1 ноября, имеет большое агитационное значение и желательно и необходимо, чтобы на разборке дела могли присутствовать широкие массы населения, не ограничивая число мест или, по крайней мере, значительно увеличить их. Поэтому Президиум губисполкома полагает разбор дела производить не в ревтрибунале, а в Доме искусств, где может поместиться большее число слушателей»[67].

Подсудимые были приговорены к различным срокам заключения в концлагерь (от 2 до 5 лет), который уже существовал в губернии, в Савво-Вишерском монастыре.

На следующем судебном процессе, который был сфабрикован, спустя два с половиной месяца на скамье подсудимых были уже митрополит Арсений и епископ Алексий, три священника и два мирянина. Заседание ревтрибунала проходило все в том же Доме искусств, дело слушалось по обвинению Новгородского Епархиального Совета. Сам Совет был ликвидирован еще в сентябре, документы его все изъяты. Внесудебное прекращение деятельности любой общественной организации само по себе является административным произволом. Но новгородские ревнители правосудия постарались выставить уголовниками митрополита и епископа, издателей «Новгородских епархиальных ведомостей».

Главным обвинением в адрес митрополита в Приговоре прозвучало: «Заведомо зная, что со времени издания Декрета Совнаркома от 23 января 1918 года все церковные организации лишены прав юридического лица и права владения капиталами, утверждал журналы Епархиального совета, рассылал от своего имени указания касательно бракоразводного процесса, судопроизводства церковников...»[68].

Что касается гражданских подсудимых и прежде всего преподавателя семинарии В. Н. Финикова, то его вина заключалась в частном издании «Новгородских епархиальных ведомостей», редактором которых он был в течение многих лет. Обвинялся в публикации материалов, враждебных советской власти. Эти враждебные материалы, хроникальные по сути, выглядели так: «В субботу на масленице по распоряжению местного исполнительного комитета расстрелян священник Бельской церкви Устюженского уезда Павел Кушников. Убиенному предъявлено было обвинение в сношениях с белой гвардией...» Или — «На днях совершенно произвольно представителями Перелучского волостного совета был схвачен в Ореховской волости, избит дорогою прикладами и кнутовищем священник села Орехово Иоанн Попов и заключен под арест в Перелучах. Лицо его — сплошная рана. Такой произвол переполнил даже меру революционного режима. По распоряжению из Боровичей Иоанн Попов освобожден из-под ареста...»[69].

Несмотря на подбор лиц, получивших входные билеты на заседание трибунала, невиновность митрополита Арсения и других обвиняемых была столь очевидна, что речь защитника А. М. Орлова была встречена овациями. Во время перерыва к митрополиту выстроилась очередь «под благословение».

Однако трибунал всех признал виновными и подверг наказанию лишением свободы от 3-х до 5-ти лет. Но учитывая амнистию ВЦИКа от 6 ноября 1920 года, наказание было определено условным. Митрополит, кроме пяти лет, был приговорен к высылке из Новгорода в Архангельск. Кассационный трибунал ВЦИК пересмотрел решение новгородского трибунала по жалобе митрополита на двойное наказание и высылку в Архангельск отменил[70].

Третий судебный процесс над новгородским духовенством состоялся в мае 1922 года. В вину обвиняемым ставилось противление изъятию церковных ценностей, хотя эта большевистская кампания прошла в губернии вполне мирно, в чем была несомненная заслуга митрополита Арсения. (Далее — в специальной главе. — ***И.С.***)

Но, несмотря на постоянную угрозу беды, сознавая, что новая власть начинает жестоко притеснять Церковь, люди по-прежнему поклонялись своим святыням и почитали их с тем же благоговением, как это было заведено предками. 16 мая 1922 года коллектив верующих бывшего Иверского монастыря обратился в Валдайский уездный отдел управления разрешить крестный ход с изнесением иконы Иверской Божией Матери из монастыря по селениям Валдайского уезда до г. Демянска. «...От селений присланы усерднейшие просьбы — не отказать им в принесении иконы, чтобы удовлетворить их религиозные чувства». Разрешение было выдано на 2 месяца: с 3 июня по 2 августа[71]. Интересен маршрут путешествия святыни: Старое Рахино, Ламерье, Локотско Валдайского уезда, далее в Демянск, Лучино, Семеновщину, Ильину Гору, Филиппову Гору и Полново. Тем же путем шло и возвращение в монастырь.

О том, насколько религиозные праздники прочно вошли в жизнь, что местная власть еще не решается, а, может быть, и не желает вычеркивать их из бытия, свидетельствует небольшое постановление Демянского уездного профбюро. Оно установило на 1922 год выходные дни, не считая революционных праздников, следующие: 7 января — Рождество, 19 января — Крещение, 7 апреля — Благовещение, 11 апреля — 2-й день Пасхи, 25 мая — Вознесение, 5 июня — Духов день, 28 августа — Успение, 21 сентября — Рождество Богородицы, 27 сентября — Воздвижение Креста Господня, 19 декабря — Николая Угодника. Уездный исполком это решение утвердил[72].

Наступивший 1924 год принес ощутимые перемены во всех сферах жизни. Медленно стала восстанавливаться разрушенная за семь лет войн и революций экономика. В политической жизни после смерти В. И. Ленина обострилась борьба за власть. Вопросы взаимоотношения государства и Церкви по-прежнему сохранялись на уровне Декрета 1918 года, союзный закон о религиозных организациях разработан не был. Вопросы решались на местах по-разному.

В Российской Федерации после упразднения V (VIII) отдела Наркомюста государственную политику отношений с Церковью стали определять и проводить, в основном, НКВД и ОГПУ. ВЦИКу осталось вырабатывать законодательные акты, чего долгие годы не было, а также различные инструкции и циркуляры. Он же решал вопросы о регистрации религиозных обществ и закрытии храмов.

25 августа 1924 года Президиум ВЦИК образовал при своем председателе секретариат по делам культов, возглавил который заместитель председателя ВЦИКа П. Г. Смидович. В обязанности этого секретариата входил разбор жалоб и заявлений по религиозным вопросам, которые потоком хлынули в столицу.

Органы НКВД осуществляли общий надзор за деятельностью религиозных организаций. Они же проводили регистрацию религиозных обществ, контролировали исполнение декрета об отделении Церкви от государства, выдавали разрешение на проведение съездов мирян и духовенства.

Отделы ОГПУ контролировали политическую деятельность духовенства и органов церковного управления. Эти отделы только еще поднимались на ноги, только-только осматривались по сторонам и набирались сил. Размах их деятельности в полный разворот придется на 1937 год. Но до него еще случится многое и многое.

Как уже говорилось ранее, в марте 1924 года «регистрационные функции и надзор по проведению декрета об отделении Церкви от государства, были переданы в административный отдел губисполкома»[73].

Уже через неделю, 31 марта, малый президиум губисполкома утвердил постановление административного отдела «об изъятии из пользования коллектива верующих приписных церквей быв. Зверина монастыря — Лазаревской, Семеновской», договор с которыми был подписан третьего февраля 1919 года. Семеновская и Тихвинская, как памятники старины, были переданы губмузею, Лазаревская — губкомхозу для хозяйственного использования.

5 мая ГАО постановил «храм Рождества Христова на Рождественском кладбище, фактически не находящийся в пользовании у коллектива верующих, из ведения коллектива изъять и передать Новгубмузею — как памятник музейного значения (2-я половина XIX в.)»[75].

24 мая ГАО передал в распоряжение губмузея церковь в честь Спаса-Преображения в Воскресенской слободе. 12 июня — ему же — церкви великомучеников Параскевы Пятницы и Прокопия, приписанные к Никольскому собору.

1924 год стал временем разгула административного отдела в области закрытия храмов. Вслед за перечисленными церквями, переданными в ведение губмузея, были ликвидированы приделы в честь святого Митрофана и святой великомученицы Ефимии — в нижней части собора Святого Духа (6 августа), Успенская церковь в Косинском монастыре, конечно, бывшем (9 сентября), моленная церковь в Селищенских казармах, церковь Покрова в Кремле (23 сентября). 26 сентября была ликвидирована церковь Федора Стратилата на Торгу. Поводом для этого стал ремонт храма, из-за чего верующие им не пользовались. Шесть церквей бывшего Юрьева монастыря были закрыты 18 ноября: Георгия Победоносца, Воздвиженья Честного Креста, Архистратига Михаила, Неопалимой Купины, святого великомученика Пантелеймона-целителя, Рождества Богородицы[74].

Основным доводом для закрытия ставилось нежелание самих верующих брать в пользование эти храмы. Но этому нежеланию были объективные причины: предстояло не только иметь средства на физическое содержание храмов, но и выплачивать высокий налог за аренду и не менее высокую страховую сумму. Верующие попадали в заведомо неприемлемые экономические условия и вынуждены были отказываться от своих церквей.

А вот Демянский уездный отдел управления сообщил в Новгород, что в 1924 году закрытия или ликвидации храмов не было, если не считать ликвидированную в 1918 году церковь при Демянском исправительном доме. Всего в уезде в 1924 году имелось 48 церквей[75].

В этом же 1924 году государственная власть впервые сделала попытку закрыть новгородский Софийский собор. 24 сентября административный отдел подал свое предложение в губисполком: «...с точки зрения охраны памятников старины оставление этой церкви в пользовании коллектива верующих или передача в пользование другой группы вызывает опасение за разрушение здания церкви, что уже имеет место в отношении крыши ее, а потому является крайне необходимым передача церкви в непосредственное заведывание Главмузея»[76].

Большой президиум губисполкома через неделю утвердил постановление административного отдела: «В целях сохранения от дальнейшего разрушения Софийского собора — войти с предложением во ВЦИК о необходимости закрытия и передачи собора в ведение Главмузея, поскольку собор представляет собой памятник старины»[77].

В прилагаемой справке сообщалось, что в соборе имеется 365 исторических предметов, некоторые — весьма ценные, «несмотря на то, что лучшие бриллианты и камни были изъяты в 1922 г». Среди оставшихся предметов: золотая, филигранная панагия «Пименовская» (XVI в.), золотой потир XVII в., «Сеченовская панагия». После изъятия церковных ценностей в 1922 году Софийский собор «в силу его особой надежности как места хранения, сделан хранилищем ценностей, поступивших в ведение музейного органа»[78].

Однако на этот раз центральная власть не поддержала действия губисполкома: 27 октября президиум ВЦИК сочинил письмо Новгородскому губисполкому, Главмузею, Отделу культов ВЦИК, П. П. Смидовичу, которым отменил постановление Новгубисполкома. Президиум предлагал передать Софийский собор тому коллективу верующих, который смог бы следить за его сохранностью. И здесь же рекомендовалось обратиться в Главмузей за ассигнованиями «необходимых сумм для сохранения исторических и художественных ценностей Софийского собора»[79].

На некоторое время вопрос о судьбе Софийского собора отдалился. Он по-прежнему оставался кафедральным храмом Новгородской епархии, на него не решились посягнуть даже обновленцы. Зато через два года, в октябре 1927 посягнул Музейный отдел Наркомпроса, подняв вопрос о передаче Софийского собора в Новгороде и музейное ведомство. «Главнаука» не возражала. Выставлены были убедительные причины с политической окраской: «В данном случае должно быть доказано, что рабоче-крестьянская власть лучше умеет хранить принадлежащие ей культурные ценности, чем духовенство, спекулировавшее на «святынях». Однако, «Главнаука» считает возможным взять на себя попечение о соборе только при условии предоставления ей необходимых средств».

Стоит обратить внимание еще на одно предложение «Главнауки» — по рекомендации академика И. Э. Грабаря предписывалось «удалить расположенную в непосредственной близости... Входо-Иерусалимскую церковь*, которая является центральной постройкой в кремле, загораживает собор и нарушает вид на него. Церковь эта представляет весьма посредственную постройку XVIII века и самостоятельной художественной ценности не имеет. Добытый от сломки строительный материал мог бы быть реализован для получения средств на поддержку собора-музея»[80]. И на этот раз Софийский собор остался в пользовании верующих.

Что четко бросается в глаза при изучении документов государственной власти — так это постоянное стремление урвать за счет Церкви, начиная от земель и ценностей, кончая изношенными дорожками. Декретом об отделении Церкви государство тотчас же присвоило себе все церковные и монастырские земли, здания всех духовных училищ

* Ныне здание лектория в Кремле.

и семинарий, церковно-приходских школ, притчевые дома при храмах. Самими храмами можно было пользоваться только на правах аренды. Вторым заходом — изъятием церковных ценностей в 1922 году — государство ограбило храмы изнутри.

Спустя несколько лет стали изыскиваться новые возможности для поборов. И таким средством стало обязательное страхование церковных зданий. Но как это было подано! Губернский страховой отдел 9 мая 1922 издал постановление: «Согласно ст. 164 Гражданского Кодекса, наниматель национализированного или муниципализированного предприятия или строения обязан страховать его в полной сумме за свой счет в пользу государства или местного Совета по принадлежности»[81].

Казалось бы, вполне государственное проявление заботы о сохранности любых зданий и строений. Но именно эта «забота» существенно ударила по коллективам верующих, особенно города Новгорода, храмы которого оценивались такими суммами (вполне понятно), что общины были не в состоянии их выплатить. Кроме страховой суммы религиозные общины должны были выплачивать налог в размере 1/8 процента стоимости здания, который ввел губисполком 7 февраля 1922 года[82]. Это экономическое нападение вызвало в 1926 году волну заявлений с отказом от аренды храмов. Но уже в феврале 1925 были закрыты церкви Петра и Павла в Кожевниках и на кладбище, кладбищенская церковь Десятинного монастыря и домашняя церковь на архиерейской мызе[83], Казанская церковь при Большевишерском стекольном заводе[84].

Рассчитывая на такой исход, губисполком еще 21 февраля 1925 года принял решение, которым здания всех ликвидируемых церквей, не имеющих исторической ценности, передавались в ведение отделов коммунального хозяйства. Им же передавалось и все имущество, «имеющее хозяйственно-обиходный характер», — для реализации, от которой 40 процентов дохода шло в пользу отделов, остальные 60 — в советский бюджет»[85]. Через несколько лет это решение окажется весьма на руку учрежденцам.

В 20-е годы церковная политика почти полностью сосредоточилась в органах НКВД и ОГПУ. Религиозные коллективы все больше ограничиваются в правах вести какую-либо общественную деятельность. Инструкции ВЦИК «воспрещали» им организовывать детские, женские, юношеские кружки, оказывали благотворительную помощь нуждающимся. Пока ВЦИК своими инструкциями вытеснял религиозные общины из коллективной жизни, пока местные органы НКВД и ОГПУ зорко следили за исполнением Декрета, проверяли лояльность духовенства, Политическое бюро было озабочено атеистической пропагандой в широком масштабе. Еще в начале 1922 года Пленум ЦК РКП (б) принял общую директиву о постановке антирелигиозной пропаганды. На ее основе секретарь ЦК РКП (б) В. М. Молотов и зам. заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б) Яковлев разработали циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды», датированный 4 февраля 1922 года[86].

Внешне, как это водится в практике большевиков, декларируется лояльный подход к религиозной проблеме: «не выпячивать этого вопроса на первое место, согласовать политику в данном вопросе со всей нашей экономической политикой». Следом за этими установками в печати началась пропагандистская шумиха, готовящая общественное сознание к запланированному ограблению храмов, затем — ярое антицерковное освещение судебных процессов над иерархами Церкви. Новгородская «Звезда» опубликовала серию материалов, в которых «этот вопрос» был именно «выпячен на первое место».

В предлагаемых методах ведения пропаганды авторы циркуляра называют печать, антирелигиозные диспуты, лекции и беседы. Для этого необходимо было готовить специальные кадры, для чего следовало создавать различные кружки по схеме:

1. Естествознание. Краткий курс с уклоном в сторону изучения эволюции мира.
2. Диалектический материализм. (Сжатый курс)
3. Вера и знание.
4. Религия и нравственность.
5. История религии.
6. Христианство и его эволюция.
7. Государство, Церковь, духовенство и их взаимоотношения.

Циркуляр требовал планомерной борьбы с религиозными предрассудками.

В следующем, 1923 году, в стране была проведена в наступательном духе «комсомольская Пасха». Губком партии выдал указания губкому Союза молодежи:

1. Крайне важно перенести центр празднества на углубленную антирелигиозную пропаганду, проводя достаточную подготовку участников празднества, к ознакомлению с историей праздника Пасхи.

2. Необходимо расширить число участников шествий, карнавалов и вечеров, привлекая к ним кроме членов Союза всех членов партии.

Соответствующие практические указания были выданы уездным комитетам[87].

В 1925 году в Москве под председательством Е. Ярославского (М. Губельмана) создается «Союз Безбожников». Его ячейки организуются на фабриках и заводах, в школах, учреждениях, избах-читальнях, клубах — везде, где только люди собираются в коллектив. В 1928 году в «Союзе Безбожников» состояло 200 000 членов, т. е. «один организованный безбожник приходился в СССР на 750 человек». Союз организовал издательство массовой антирелигиозной литературы, за два года распространил около 20 млн газет «Безбожник», 1,5 млн журнала с тем же названием, свыше 150 000 журналов «Антирелигиозник», выпустил тиражом около 8 млн непериодической печати: рабочие и крестьянские антирелигиозные учебники [88]. И в это же время Церковь лишается какой бы то ни было возможности вести миссионерскую работу. За ней было оставлено только право богослужения и обрядов.

А между тем, в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года, в ст. 13 было записано: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести Церковь отделяется от государства и школа от Церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

На деле же это признание осталось декларацией на бумаге для первых и неограниченной свободой пропаганды — для вторых. Как писал П. Б. Струве, «Советский фанатизм безбожия не имеет для себя никакого оправдания. Это — инквизиция без веры, религиозное безразличие без терпимости и благостности»[89].

Был создан «Союз Безбожников» и в Новгородской губернии, прежде всего — в школах и на промышленных предприятиях. Документы его не отличаются хорошим комплектованием, что свидетельствует о весьма посредственной работе. Значительную часть составляют повестки на собрания и пленумы, сообщения о срыве этих пленумов и переносе мероприятий. Какие вопросы пытались решать «безбожники»? Например, на совещании секретарей школьных ячеек СБ, которое состоялось 10 февраля 1928 года, обсуждалась атеистическая работа в школе:

— характеристика состава ячейки, рост-убыль;
— наличие актива, его характеристика;
— участие учительства в антирелигиозной пропаганде;
— помощь ячейке от организаций ВКП (б), ВЛКСМ;
— посещаемость собраний, вечеров;
— степень заинтересованности не членов работой СБ.
— количество верующих учеников и учителей в школе. Их социальная прослойка. Влияние верующих на общую массу учащихся.

Встречаются и такие сведения: в ячейку ВКП (б) сообщалось, что секретарь ячейки СБ не явился на совещание: «Это срывает зимнюю учебу, проводимую по заданию горкома ВКП (б)»[90].

Из документов районных комитетов «Союза безбожников» можно делать вывод, что работа их велась под давлением партийных организаций, носила формальный характер, членство поддерживалось, в основном, выплатой членских взносов. Конечно же, были и активисты, уверенные в правоте своего дела, но общая масса оставалась довольно-таки равнодушной к деятельности «безбожников».

Новый этап во взаимоотношениях государства и Церкви наступил в 1929 году. Начало ему положило вновь разработанное постановление Президиума ВЦИК — «О религиозных объединениях», которое вышло в свет 8 апреля и с некоторыми дополнениями и изменениями имело силу вплоть до 1990 года[91].

Постановлению предшествовал отчет антирелигиозной комиссии на заседании оргбюро ЦК РКП (б) в декабре 1928 года. С докладом выступил председатель комиссии Е. Ярославский. Он подчеркнул активизацию религиозных организаций и призвал строго следовать ленинскому Декрету. С подачи докладчика и родилось предложение организовать Союз безбожников, о котором уже шла речь. Проект резолюции по докладу рассматривался более месяца. Тем временем Политбюро приняло секретное постановление в виде письма в местные комитеты партии[92].

В письме отмечалось, что в общественном развитии заметен процесс «изживания религиозности», который, однако, тормозится. В этом сказывается недостаточное внимание к атеистической работе партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Обращалось внимание партийцев на стремление религиозных организаций приспосабливаться к новым социальным условиям. И здесь же в разряд противников социализма были отнесены духовенство, активные верующие, органы церковного управления.

Такое обвинение можно объяснить тем, что в деревне начиналась коллективизация сельских хозяйств. Работа продвигалась трудно, с большим моральным напряжением и человеческими жертвами. Поскольку основная часть духовенства служила в сельских храмах и жила в деревнях, лишенная избирательных прав, духовенству-то и было предъявлено обвинение в «мобилизации» реакционных и малосознательных элементов, в агитации против создания колхозов, в контрреволюционных планах и т. п.

Постановление Президиума ВЦИК «О религиозных объединениях» законодательно сузило круг возможных действий для религиозных обществ. Им запрещалось заниматься какой-либо другой деятельностью кроме как удовлетворением религиозных потребностей в пределах молитвенного здания. Запрещалась благотворительная деятельность и вообще какой-либо выход в общество.

Вместе с принятием «Положения» Президиум ВЦИК образовал постоянную комиссию по вопросам культов вместо существовавшего ранее секретариата. Председателем остался все тот же П. Г. Смидович.

В мае 1929 года состоялся XIV Всероссийский съезд Советов. Помимо решения социально-экономических проблем съезд много времени уделил обсуждению религиозной темы. И председатель Совнаркома РСФСР А. Н. Рыков, и нарком просвещения А. В. Луначарский в своих докладах остановили внимание на том, что религия и Церковь оказываются на стороне тех сил, которые препятствуют социалистическому строительству. Поэтому необходимо активизировать классовую борьбу.

На съезде прозвучали призывы:

— усилить борьбу за закрытие церквей;
— изымать культовые здания под социально-культурные;
— поддерживать коллективные обращения активистов о закрытии церквей;
— не позволять ремонтировать культовые здания;
— снимать колокола.

На съезде была изменена ст. 4 Конституции РСФСР. Если ранее за гражданами признавалось право «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды», то после изменений признавалась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В целом ст. 4 Конституции РСФСР стала звучать так: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести Церковь отделяется от государства и школа от Церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Прошедший в июле 1929 года съезд Союза Безбожников выдвинул лозунг, который еще более послужил накалу враждебности: «Борьба с религией есть борьба за социализм!».

Отзвук прошедших съездов и принятых документов тотчас же был услышан на местах.

Наконец-то музейные приверженцы получили право прибрать к рукам новгородскую святыню — Софийский собор. Уже 28 мая 1929 года заседала ликвидационная комиссия по Софийскому собору. Она осмотрела оставшиеся в храме ценности и не смогла принять единого решения: кому их передать? Музею? Госфонду? Лишь в октябре Леноблфо* и НовокрФО договорились изъять из Софийского собора все сереброризы и оклады с гробницы епископа Никиты. Последние сокровища, уцелевшие в марте 1922 года, через семь лет скрылись в тайниках Госфонда. Не обошлось здесь и без участия партийного аппарата[93].

ОкрФО сообщил, что Союз безбожников изъявил «желание на оставление серебряных риз и гробниц, находящихся в Софийском соборе, якобы для показательных целей, в силу чего как Окрмузей, так равно и ОкрАО воздержались от передачи серебра в Госфонд для отправки в центр». Однако окружной комитет партии не поддержал это желание, и все серебро было отправлено в центр[94].

28 мая 1929 года состоялся пленум коммунальной секции губисполкома, который уже был вправе поднять и решить вопрос о закрытии Тихвинской, Дмитриевской и Фроловской церквей, мотивируя такое решение остротой жилищного кризиса и... чрезмерным количеством церквей в городе. Закрываемые храмы были распределены под клубы: Тихвинская — водникам, Дмитриевская — заводу им. Халтурина, Фроловская — железнодорожникам[95].

В июле этого же года упали первые колокола с новгородских колоколен. 5 июля в Рудметаллторг были сданы колокола Демянского Богоявленского собора — 208 кг. Сюда же поступили колокола Клевичской, Буховской, Петровской, Ильиногорской церквей Демянского района, а также Медведской, Струпенской, Менюшской, Голинской церквей Медведского района[96].

Кампания закрытия храмов зарождалась исподволь, задолго до выхода апрельского положения, которое лишь закрепило новую политику в отношениях с Церковью. Подтверждением такому выводу может служить пример Боровичей. 5 сентября 1928 года Боровичский окружком получил секретное обращение зам. председателя облисполкома Иванова: «Поступающие в облисполком материалы о расторжении договоров с группами верующих на пользование церковным имуществом часто свидетельствуют недостаточно осторожный подход местных органов власти к этому вопросу. Особенно участились случаи расторжения договоров за последнее время без достаточных на то реальных оснований».

Подчеркивая, что такое отношение к весьма серьезной проблеме «порождает недовольство среди верующих, создает среди них кривотолки о притеснении религии и вызывает излишние жалобы на действия местных властей», зам. председателя облисполкома остерегал подчиненных от поспешных решений и действий. К сожалению, таких прозорливых и лояльных к верующим работников находилось не так уж много[97].

28 сентября была ликвидирована Троицкая церковь Духова монастыря — по решению Президиума ВЦИКа от 16 августа 1929 г. На основании постановления здание было передано окружному архиву и используется как архивохранилище по сей день. Все колокола, 5 шт., весом 104 пуда были сданы в переплав. Музею досталось Евангелие XVIII века и свыше 30 икон.

Даже в первые революционные годы — 1918—1920 — Церковь не испытывала такого жестокого атеистического натиска со стороны государства, какой оно предприняло с весны 1929 года. Поскольку с появлением «Положения о религиозных объединениях» покатилась волна закрытия храмов, постольку власть в очередной раз проявила свое стремление поживиться за чужой счет. 18 декабря 1929 года вышло негласное постановление ВЦИК и СНК о порядке закрытия молитвенных домов. Содержание его полтора года держалось втайне и лишь 21 июня 1932 года на его основании был составлен циркуляр для местных властей, который, конечно же, не подлежал оглашению. Документ предписывал культовое имущество держать на учете городских Советов и РИКов. При ликвидации храма следовало: «...те из них, которые не могут быть использованы РИКами, Горсоветами под культурно-просветительные учреждения или под жилье, а также которые не находятся в ведении или на учете сектора науки Наркомпроса как архитектурные памятники, должны числиться на учете местных особых частей по государственным фондам»[98]. Как показала практика, значительная часть закрытых храмов перешла в ведение отделов коммунального хозяйства.

Документы свидетельствуют, что в ситуации, когда появляется возможность наживы, ярко проявляются качества человеческого характера: ловкачество, двурушничество и... порядочность. В фонде окружного финотдела сохранился весьма примечательный рапорт, поступивший в феврале 1929 года в налоговый подотдел. Направил его инспектор по госфондам Н. А. Зыков: «21-го февраля с. г. я был вызван секретарем отдела ГПУ тов. Фарафонтовым для принятия участия в комиссии по осмотру и оценке ковров, дорожек, шкафов и др. имущества из церквей, находящихся в пользовании коллективов верующих, каковое имущество было изъято Окрадмотделом и передано не в порядке инструкции НКВ и особых распоряжений центра, как полагалось бы Окрфинотделу для реализации с торгов как госфонд республиканского значения, а ГПУ.

По выяснении вопроса в части порядка использования этого имущества тов. Фарафонтов сообщил, что таковое они полагают реализовать с торгов исключительно среди своих служащих, а часть имущества передана Окрадмотделу, за плату или бесплатно — для меня неизвестно, а равно также неизвестно, в случае такой реализации, куда будут обращены вырученные суммы.

---

* В 1927 году Новгородская область вошла в состав Ленинградской.

Я полагаю, что комиссия, созданная ГПУ в составе своего представителя — секретаря тов. Фарафонтова, завед. п/о ОкрАО тов. Бриллиантова с моим участием навряд ли может быть признана законной, так как в таковой участвуют представители заинтересованных учреждений, как-то ГПУ и ОкрАО, и кроме того, создается неправильное явление: лица и учреждения, производящие оценку имущества, в то же время являются и покупателями его...»[99].

Честный инспектор Н. А. Зыков предлагает создать другую комиссию из представителей других учреждений и предложить ГО ОГПУ «впредь до создания таковой комиссии от каких-либо реализаций и передач временно воздержаться». В заключение рапорта звучит беспомощный вопрос: «Куда дели пианино из лютеранской кирки?».

Автор этого бесхитростного рапорта, сам того не ведая, оставил для истории подлинную картину нравов, зарождавшихся в обществе к концу 20-х годов. Госфондовские склады были набиты разнообразным имуществом, отобранным от бесправных коллективов верующих. Чувствуется, что местные отделы ОГПУ забирают власть в свои руки, если уже не считаются с инструкциями НКВД и ВЦИК.

Приведенный рапорт, как младенческий лепет, конечно же не возымел никакого воздействия на совесть «огепеушников». 10 апреля 1930 года ОкрФО получает распоряжения: все годные ковры и дорожки направлять в адрес ГУПа. Туда же следовало отсылать все золотые, позолоченные и серебряные вещи. Зачастую эти вещи поступали без указания веса: «Взвешивание металла в предметах, переданных представителю отдела ГПУ, не производилось ввиду неимения весов на месте сдачи, а потому точный вес будет установлен особо»[100].

Власть продолжала обирать храмы, изымая чудом уцелевшие в 1922 году ценности. Все это богатство направлялось в иностранный отдел Московского банка. В январе 1930 года по этому адресу было отправлено 13967 г серебра: дарохранительницы, кадило, крест наперсный, дискос, звездица, венчик с ризы Неопалимой Купины, Тихвинской Божией Матери...[101] Тюками на склады поступали священнические облачения. ОкрФО рассылает на места директиву: «...имущество ни продаже, ни передаче для каких-либо целей не подлежит». 26 января 1930 года Старорусское райфо отправило 6 тюков с церковными облачениями в адрес ленинградской конторы Госторга Антиквариата. Большая его часть поступила из только что закрытого Знаменского храма Старой Руссы[102].

Для создания общественного мнения, на которое можно было бы сослаться при массовом наступлении на храмы, стали использоваться подписные листы. С 7 по 18 января 1930 года, частично в феврале на предприятиях и в учреждениях Новгорода заполнялись листы, в которые вносились фамилия, год рождения и ставилась роспись именуемого. Перед графою с подписями стояла преамбула:

«Мы, нижеподписавшиеся, признаем необходимость решительного наступления на очаги одурманивания трудящихся — церкви, и требуем закрытия в первую очередь церквей: Входоиерусалимскую с передачей ее библиотеке; часовни Чудного Креста — редакции «Звезды», Тихвинской и Николо-Кочановской — горбольнице, Фроловской — клубу железнодорожников и католического костела — клубу рабочих обувной фабрики.

Мы требуем также скорейшего снятия колоколов со всех церквей города для передачи их металлопромышленности...»[103].

Потертые на перегибах листы, замасленные, затасканные сотнями рук, сохранили для исторической памяти тысячи имен обманутых коммунистической пропагандой новгородцев. Если изучить возраст подписавшихся, то можно заметить, что он равнялся 16—22 годам, т. е. это были люди, которые уже не изучали в школах Закон Божий, а если ходили в храмы, то весьма непродолжительное время.

Все эти подписные листы были только поводом для закрытия новгородских церквей. Предназначались же храмы совсем под иное использование, чем объявленное в листах, да и храмы к закрытию намечались другие.

Еще 1 января 1930 года новгородский горсовет обратился в президиум окружного исполкома с ходатайством о закрытии в Новгороде 5 церквей — «для использования зданий культа под склады для хранения госхлебфонда»[104]. (А через неделю доверчивые новгородцы будут распределять храмы под клубы и библиотеки!)

Постановление президиума было составлено с максимальной убедительностью, на которую способен административный стиль: «Принимая во внимание, что все возможности размещения госхлебфонда в г. Новгороде исчерпаны, что Новгорсоветом использованы для этой цели все свободные помещения, пригодные для хлебогрузов, не исключая даже угрожающих обвалом, что единственным выходом из создавшегося положения является использование зданий культа, что остающиеся в г. Новгороде после закрытия 5-ти указанных церквей число молитвенных зданий всех вероисповеданий (34) при общем количестве населения города 34 000 человека вполне достаточно...».

К закрытию предназначались Покровский собор Зверина монастыря, Десятинного, церкви Николо-Кочановская и Никитинская[105].

Что касается количества — 34, то оно явно завышено в пропагандистских целях. Еще в 1920 году митрополит Арсений назвал в Новгороде 26 православных храмов, вырасти к 1930 году это число никак не могло, наоборот — за десять лет власть успела закрыть уже 15 православных церквей. Кроме православных в городе были католический костел, синагога и лютеранская кирха.

К ходатайству Новгородского горисполкома присоединился окружной исполком — с предложением закрыть еще пять церквей, но уже в Старой Руссе. Секретарь окрисполкома т. Котов с 3 по 7 января совершил поездку сначала в Ленинград, в облисполком, а оттуда — в Москву — во ВЦИК, чтобы утвердить свое ходатайство. Перед поездкой документы были посланы на согласование в административный отдел облисполкома и в отдел ОГПУ по Ленинградской области. Всесведущие органы сообщили, что в Новгороде у нас против закрытия этих церквей нет никаких возражений... Никаких недоразумений от этого не будет... Относительно Старой Руссы сотрудники ОГПУ проявили колебания: «...это дело вообще в Руссе не подработано так, как надо, и мы опасаемся, что могут быть недоразумения после их закрытия»[106].

Тем не менее 4 февраля в Окрисполком пришла из Москвы телеграмма «Закрытие десяти церквей утверждено». Подписал зав. секретариатом ВЦИКа Клингер[107].

В течение февраля все десять церквей были ликвидированы, имущество их распределялось в отдел ОГПУ, Госфонд,

музей. Некоторые богослужебные предметы разрешалось передать оставшимся по соседству коллективам верующих: из Николо-Кочановской — Федоро-Стратилатовской, из Десятинной — Двенадцати апостолов, из Никитинской — Молотковской. [106] Из церкви св. Никиты Госмузей получил два Евангелия 1703, 1744 гг., крест XVIII века, потир 1795 г., иконы XVI—XVII веков. ОГПУ захватило 22990 г серебра и позолоченный иконостас, с которого, по инструкции, требовалось смывать позолоту[108].

В феврале в Старорусском уезде были закрыты пять церквей, без всякой «подработки»: Духовская, Троицкая, Успенская, Петропавловская и Дмитриевская[109].

«Внимая» требованиям масс, президиум Новгородского горсовета 6 февраля 1930 года издал постановление:

«1. Воспретить всем коллективам верующих церквей Новгорода производить колокольный звон во вверенных им зданиях религиозного культа.

2. Снять колокола со всех церквей Новгорода и передать их в Рудметалл, использовав вырученные средства на постройку в городе Дома культуры»[110] .

... Колокол, колокольный звон. Наверное, это один из самых поэтических атрибутов христианского богослужения. Храм без колокола что человек без голоса. Колокола православных церквей, имеющие свободно закрепленные языки, обладают изумительной музыкальностью. Многообразие чувств можно извлечь из этого тяжелого металлического инструмента: радость праздника, печаль утраты, тревожный набат и вечерний благовест...

В общей колокольной массе были свои шедевры по мастерству исполнения, по долговечности служения, повидавшие на своем веку не одну смену царей и митрополитов.

И вот 1 февраля 1930 года пробил последний час для новгородских колоколов, окончательный. Окончательный потому, что гибель колоколов началась сразу же с приходом большевистской власти. Первыми замолкли колокола монастырей, которые были закрыты уже в 1918 году и в течение ближайших двух–трех лет.

В августе 1923 года Новгородский уездный исполком располагал списком «бесхозяйственных церквей, из которых могут быть изъяты колокола: Любань — при детдоме, Алексеевская дача Десятинного монастыря (12 верст от города) — 10 колоколов, Архиерейская мыза (артель «Остров») — 7 колоколов, церковь на быв. Кузнецовской фарфоровой фабрике, при бывш. Аракчеевских казармах». Фракция большевиков при исполкоме предложила «колокола использовать как металл на Питерских заводах, а вырученную сумму употребить на усиление Воздушного Флота»[111].

Наиболее ценные колокола звонили, конечно же, в Новгороде и в его первоклассных монастырях. На трехъярусной колокольне Хутынского монастыря насчитывалось 16 колоколов. Шесть из них имели свои данные:

— Большой, литый в 1796 году, вес 484 п. 30 зол.

— Колокол, литый при Борисе Годунове в 1599 году, — при Великом Князе Василии Ивановиче, при Федоре Иоанновиче, колокол, литый в 1758 году с изображением херувимов...[112]

Во время проверки имущества 14 мая 1924 года все колокола, приписанные к Губмузею, еще находились на своих местах. Но в июне 1934 года, когда решалась судьба колокольни монастыря: либо ее переоборудовать под водонапорную башню, либо отдать на слом, колокола уже не упоминались.

Многие десятилетия созывали на богослужение прихожан Никитинской церкви семь ее колоколов XVII века. Все они были сданы на переплав. Среди них был один с надписями на латыни. Вместе с колоколами попала в переплав металлическая люстра XVII века. Она была оставлена для музея, но шустрый представитель ОГПУ, не вникая в суть, распорядился сдать изделие в Рудметаллторг[113].

С Покровского собора Зверина монастыря было снято 7 колоколов весом по 80, 40, 18, 8, 6, 3, 1 пуд. В одной из сопроводительных записок промелькнула фраза: «Трудно снимать колокола без навыка»[114]. Да, таких «навыков» на Руси никогда не водилось.

Колокол Демянского собора весил 208 кг.[115] Боровичский горисполком опередил новгородский и уже 28 января принял предложение горрайсовета Союза безбожников — снять колокола со всех церквей города, перелить, вырученные средства направить на строительство водопровода»[116].

За десять дней января 1930 года Рудметаллторгу было сдано 18 колоколов общим весом 311 пудов[117]. Не один из ретивых исполнителей поплатился жизнью за дерзость поднять руку на церковный колокол.

Колокола с 49 церквей Новгородского уезда снимались с 30 октября по 1 декабря 1934 года на основании постановления Леноблисполкома от 21 сентября 1934 года[118]. Колоколов весом более пуда оказалось 196. Сняли 166 общим весом 66620 кг. Малые колокола весом менее пуда были переданы колхозам, ценные в историческом отношении — музею.

Последним наступлением на истерзанную новгородскую Церковь можно назвать закрытие в Боровичах Троицкого и Введенского соборов, которое начал наиболее активный в области Боровичский горрайком Союза безбожников. Еще 28 января 1930 года он подал в Президиум горсовета пространное предложение: «...В последнюю отчетную кампанию горсовета трудящиеся г. Боровичей не только настаивали на отобрании ряда церквей города в целях сокращения количества очагов религиозного дурмана, но и конкретизируют порядок использования их, учитывая, что возросшие культурные потребности населения требуют для их удовлетворения более разумного использования зданий религиозного культа. Так, Троицкий собор, который находится в пользовании общества верующих обновленцев, имеющих к тому же в своем пользовании Введенский собор, трудящиеся требуют переоборудовать под городской театр...».

Лютеранскую кирху предлагалось превратить в Дом физкультуры, еврейскую синагогу — в Дом безбожника, где поместилось бы и общество борьбы с алкоголизмом. Церкви Тихвинскую и Успения Богоматери ввиду маломерности — в книжные киоски и ларьки[119].

Горсовет утвердил эти предложения, и с положительной резолюцией они прошли по всем инстанциям.

К 1934 году Троицкий собор уже был переоборудован в театр. Трагическая судьба постигла собор Введенский: заложенный в 1775 году в память присвоения Боровичам статуса города, он был снесен с боровичской земли, а из кирпичей построен рабочий поселок. В это же время была разобрана колокольня городской кладбищенской Успенской церкви, кирпич которой пошел на достройку 3-го этажа хирургического корпуса городской больницы. С колоколами поступили «по порядку закона»[120].

Обстановка в стране к середине 30-х годов начала понемногу стабилизироваться. В селе улеглись страсти после

жестокой коллективизации. Миллионы наиболее работящих хозяйственных земледельцев были выселены в дальние края: Мурманскую область, на Алтай, в северные районы Сибири. Тысячи остались на местах: обобранные, лишенные земли и родного крова. Глухое недовольство проводимой политикой «раскрестьянивания», угнетения Церкви иногда прорывалось стихийными бунтами.

В марте 1930 года крестьянские «восстания» (так и в документе) прокатились по селам Пестовского района, входившего в состав Череповецкого округа, Михайловского района Бежецкого округа, в которых по непроверенным данным участвовало до пяти тысяч человек. Напряженное настроение передалось и в села соседствующего Ореховского района Боровичского округа.

30 марта 1930 года в президиум Ленинградского облисполкома поступило срочное донесение с неизменным грифом «совершенно секретно». Председатель окрисполкома Ушарнов и заворготделом Фофилов сообщали, что 28 марта «на проходящее собрание колхозников в дер. Анисимово Чернянского с/совета явилось из окружающих деревень до 100 человек крестьян неколхозников и сорвали собрание с возгласами:

— Долой колхозы!

— Освободить раскулаченных и возвратить имущество!

— Освободить помещение для попа!

— Восстановить занятую под клуб церковь!»[121]

Участники волнений пообещали, в случае отказа властей выполнить их требования, «насильственным образом» изъять из колхоза имущество раскулаченных односельчан.

На место выехали секретарь райкома ВКП (б), уполномоченный ОГПУ, сотрудники областной РКИ, 3 милиционера. В соседние районы выехали на перестраховку работники окружного исполкома. Поскольку прежний священник был арестован, в с. Черное доставили нового. 30 марта у церкви собралось около четырехсот человек, большая часть — мужчины. По напряженному настроению чувствовалось, что собрались они не для молебствия. Из рапорта известно, что особого шума на этот раз не было. Одним из требований стояло возвращение попа и его имущества[122].

Власть в деревне перешла в руки воинствующей бедноты, пустившей с торгов отнятое имущество, при этом не упустившей возможности поживиться за чужой счет. Но как показала дальнейшая действительность, чужое добро никому не пошло впрок.

В городах стало налаживаться промышленное производство. Внешне складывалось впечатление вполне приемлемой жизни.

Власть решила в такой обстановке пересмотреть свои взаимоотношения с Церковью. В апреле 1934 года состоялось объединенное заседание секретариатов ЦИК СССР и ВЦИК, на котором было решено образовать постоянную комиссию по рассмотрению культовых вопросов. Комиссия при Президиуме ВЦИК была упразднена. В состав союзной комиссии были включены представители Верховного Суда СССР, НКВД, ВЦСПС, Верховного Совета и Прокуратуры СССР, ЦК ВКП (б) и институт философии Комакадемии. Возглавил эту комиссию П. П. Смидович, после кончины которого в 1935 году — П. А. Красиков.

Перед новым органом стояли две задачи:

— разработать единый для Союза Закон о религиозных объединениях;

— добиться единства в деятельности и методах.

В качестве основной деятельности комиссии предлагалось разбирать жалобы и заявления верующих, отменять неправильные решения властей, вести учет религиозных объединений. На местах планировалось при Советах воздавать свои подобные комиссии.

Но так как единого союзного Закона о свободе совести не существовало, кроме РСФСР с ленинским декретом, каждая республика действовала по своему усмотрению.

Накануне 1936 года в Российской Федерации и области отношений государства и Церкви царило беспрецедентное самоуправство: культовые здания закрывались без соответствующего согласия ВЦИК, религиозные общества путем экономических притеснений разгонялись, новые общества не регистрировались. Все священнослужители на основании Инструкции ВЦИК были лишены избирательных прав и превратились в людей вне закона*.

В среде партийного и советского актива в 1937 году распространилось мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культах и даже исторического постановления ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г. — «О религиозных объединениях».

Тщетны были попытки П. А. Красикова отстоять единую государственную политику в церковном вопросе — в 1938 году была упразднена сама комиссия по культовым вопросам. Единственной организацией, которая продолжала заниматься церковной политикой, оставался церковный отдел в системе органов Госбезопасности. Духовенство здесь считалось противником социализма и советского строя, а религиозные общины — как тайная и явная контрреволюционная сила. Государственная власть пыталась создать безрелигиозное общество. Вождь безбожников Ем. Ярославский призывал атеистов к постоянным активным действиям. В 1939—1940 годы в России насчитывалось около 3000 церквей. В 25 областях не было ни одного действующего храма. Менее двадцати церквей осталось и в Новгородской епархии, и кампания их закрытия не прекращалась.

В 1937 году Шедомицкий сельсовет Боровичского района провел очередное «создание общественного мнения». После нескольких общих собраний колхозников была закрыта церковь Иоанна Предтечи в Шедомицах. Предполагалось здание приспособить под школу, но техническое заключение назвало ориентировочно сумму в 110 тыс. руб. для перестройки с минимальными удобствами. Церковь отдали под производственные мастерские. В январе-феврале 1941 года в Боровичском районе были закрыты храмы в селе Волок Волоковского сельсовета — Иоанна Предтечи и Успенская — в с. Нальцы Черноручейского сельсовета. 10 марта 1941 года Крестецкий райисполком принял решение о полной ликвидации Усть-волмской церкви.

Когда в ноябре 1943 года, т. е. сразу после создания Совета по делам РПЦ из Леноблисполкома пришел секретный запрос: представить к 15 февраля список действующих в районе церквей, РИК ответил 2 января 1944 года, что «в Боровичском районе действующих церквей не имеется. Всего же в районе 15 церквей, все церкви заняты для культурно-хозяйственных целей».

---

* «Инструкция о выборах в Советы» от 20. 10. 1930 г. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 44. Д. 55. Л. 53об.

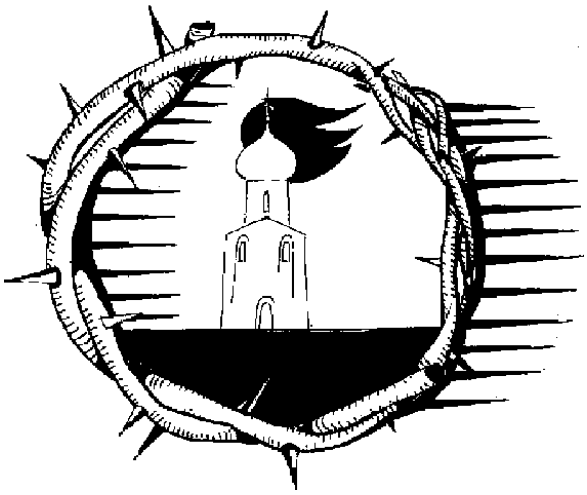
ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Установление советской власти в Новгородской губернии. Новгород, 1987. С. 63, 67.
[2] ГАНО. Р-822. Оп. 6. Д. 8. Л. 71—80.
[3] Новгородские епархиальные ведомости (далее — НЕВ). 1917. 1—5 дек.
[4] Там же. С. 11.
[5] Там же.
[6] Акты Святейшего патриарха Тихона / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 83.
[7] Валентинов А. А. Черная книга. «Штурм небес». Париж, 1925. С. 7.
[8] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 190. Л. 85.
[9] ГАНО. Р-213. Оп. 1. Д. 19. Л. 42—48.
[10] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 49. Л. 41.
[11] Там же. Л. 61.
[12] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 21.
[13] Там же. Д. 20.
[14] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 47. Л. 377.
[15] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 19. Л. 84—100.
[16] ГАНО. Р-277. Оп. 1. Д. 69. Л. 20.
[17] ГАНО. Р-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[18] Там же. Л. 20.
[19] ГАНО. Р-269. Оп. 1. Д. 1040. Л. 25, 26.
[20] ГАНО. Р-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
[21] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 121. Л. 1. Д. 115. Л. 31.
[22] ГАНО. Р-277. Оп. 1. Д. 160. Л. 5.
[23] Там же. Л. 6.
[24] Сборник узаконений и распоряжений от 30 января 1919 г. С. 2.
[25] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 190. Л. 31.
[26] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 19. Л. 90об., 91, 94об., 95.
[27] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.
[28] Там же. Л. 16, 19.
[29] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 6О.
[30] Там же. Л. 57, 59.
[31] Там же. Л. 56.
[32] Там же. Л. 55.
[33] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 153. Л. 103.
[34] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 127. Л. 127, 128.
[35] Там же. Д. 119. Л. 7.
[36] ГАНО. Р-269. Оп. 1. Д. 880. Л. 158.
[37] Там же. Д. 571. Л. 5.
[38] ГАНО. Р-217. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[39] Там же. Л. 3-4.
[40] Там же. Л. 7.
[41] Там же. Л. 11.
[42] Там же. Л. 8.
[43] Там же. Л. 197.
[44] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 227. Л. 8, 9.
[45] ГАНО. Р-277. Оп. 1. Д. 439. Л. 57.
[46] ГАНО. Р-280. Оп. 1. Д. 375. Л. 8.
[47] ГАНО. Р-121. Оп. 2, д, 62. Л. 21, 29, 31.
[48] Епископ Александр (Семенов-Тяньшанский). Православный катехизис. М., 1990. С. 122.
[49] А. К. Галкин. Митрополит Арсений и судебные процессы в Новгороде в 1920—1922 годах. Арсеньевские чтения. Новгород, 1993. С. 81.
[50] Разъяснение о вскрытии мощей / Звезда/ Новгород, 1919. №66. С. 2.
[51] А. К. Галкин. С. 82.
[52] Сборник М. Е. Губонина. С. 158.
[53] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 38. Л. 168.
[54] Звезда. Новгород, 1919. №92. С. 2.
[55] НЕВ.1919. №4. С. 14.
[56] Звезда. № 228. 26 сент. Р-270. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
[57] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 38. Л. 169.
[58] Там же. Л. 168.
[59] Там же. Л. 170.
[60] Там же. Л. 173.
[61] Там же. Л. 174.
[62] Там же. Л. 179.
[63] Там же. Л. 180—181.
[64] Там же. Л. 183—186.
[65] Там же. Л. 190.
[66] Там же. Л. 187.
[67] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 190. Л. 64.
[68] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 456. Л. 1—5.
[69] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 139. Л. 13, 14.
[70] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 456. Л. 5.
[71] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 19. Л. 17, 65.
[72] ГАНО. Р-277. Оп. 1. Д. 334. Л. 12.
[73] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 70об.
[74] Там же. Л. 66, 83, 94, 112, 165, 143, 198.
[75] ГАНО. Р-280. Оп. 1. Д. 296. Л. 22, 32, 43.
[76] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 155.
[77] Там же. Л. 156.
[78] Там же. Л. 159.
[79] Там же. Л. 173.
[80] Там же. Л. 171.
[81] ГАНО. Р-280. Оп. 1. Д. 379. Л. 4об.
[82] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 671. Л. 20.
[83] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 121. Л. 29, Р-218. Оп. 1. Д. 523. Л. 9. Д. 121. Л. 58.
[84] ГАНО. Р-268. Оп. 1. Д. 432. Л. 15.
[85] ГАНПИНО. Ф-69. Оп. 1. Д. 291. Л. 5.
[86] ГАНПИНО. Ф-107. Оп. 1. Д. 373. Л. 28.
[87] Антирелигиозный сборник. М., 1928. С. 33.
[88] Черная книга... С. 9.
[89] ГАНО. Р-2383. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[90] ГАНО. Р-248. Оп. 1. Л. 414. Л. 231.
[91] М. И. Одинцов. Государство и Церковь, М., 1991. С. 73.
[92] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3358. Л. 91, 156.
[93] Там же. Л. 156.
[94] ГАНО. Р-248. Оп. 1. Д. 414. Л. 222.
[95] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3924. Л. 290, 291.
[96] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
[97] Там же. Д. 3358. Л. 226.
[98] ГАНО. Р-804. Оп. 3. Д. 11. Л. 21.
[99] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3924. Л. 75.

[100] Там же. Л. 313.
[101] Там же. Л. 67, 77.
[102] ГАНО. Р-1244. Оп. 1. Д. 95. Л. 64.
[103] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3924. Л. 77.
[104] ГАНО. Р-1244. Оп. 1. Д. 871. Л. 1.
[105] Там же. Л. 26, 23.
[106] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3924. Л. 65, 79, 97, 127, 73.
[107] ГАНО. Р-218. Оп. 3. Д. 5. Л. 84.
[108] ГАНО. Р-218. Оп. 1. Д. 433. Л. 18.
[109] ГАНО. Р-138. Оп. 3. Д. 95. Л. 19.
[110] ГАНО. Р-1193. Оп. 1. Д. 3924. Л. 97, 14, 374, 190.
[111] ГАНО. Р-804. Оп. 1. Л. 5, 47, 68.
[112] ГАНО. Р-138. Оп. 3. Д. 99. Л. 72.
[113] ГАНО. Р-804. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
[114] ГАНО. Р-804. Оп. 1. Д. 13. Л. 265.
[115] ГАНО. Р-1123. Оп. 1. Д. 28. Л. 107.
[116] Там же. Л. 119, 122.
[117] М. И. Одинцов. С. 96.
[118] Там же. С. 138, 139.
[119] ГАНО. Р-803. Оп. 12. Д. 12. Л. 42, 19.
[120] ГАНО. Р-803. Оп. 5. Д. 24. Л. 1, 4.
[121] ГАНО. Р-153. Оп. 7. Д. 9. Л. 4, 5.
[122] ГАНО. Р-803. Оп. 12. Д. 60. Л. 20, 22.

Глава II

Самым решительным образом

За двухтысячелетнее свое существование христианские храмы и монастыри во всем мире подвергались нападениям иноземцев, ограблению и разрушению. Но трудно найти в церковной истории случай такого разбойного нападения в одночасье на все храмы и обители, которое учинила советская власть в марте 1922 года.

Долгая история Государства Российского с многочисленными политическими и стихийными перипетиями научила и мужика, и государство быть запасливыми — иметь и зерно, и капитал на случай непредвиденной нужды. За три года военного коммунизма (1918—1921) запас зерна истощился: большую часть конфисковали продотряды. Крестьяне едва сводили концы с концами. Новые урожаи родились скудными, и этому были свои причины: отток молодого крестьянства в армию (по архивным документам видно, какими угрозами загоняли мужика в Красную Армию, какая жестокая борьба велась с дезертирством, принявшим невиданные размеры), уничтожение землевладения, сокращение посевных площадей — не только из-за отсутствия рабочих рук, но и из-за непомерных поборов, насильственного захвата хлеба.

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха, которая усугубила уже надвигавшийся на страну страшный голод. Был он вызван прежде всего жесточайшей разрушительной гражданской войной, коммунистическими экспериментами в экономике, кровавым подавлением крестьянских восстаний в самых хлебородных районах России.

Следом за голодом шли верные спутники бедствия: тиф, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Воспоминания очевидцев не уступают ужасам средневековых летописных записей: люди ели кору, полевых животных, трупы умерших, случалось и людоедство. С Поволжья голод перекинулся в Сибирь, Крым, на Украину.

По официальным данным к началу 1922 года в стране насчитывалось свыше 23 млн голодающих. Миллионы погибли. Молодая советская власть в это время была озабочена войной в Карелии, укреплением Красной Армии, пропагандой мирового коммунизма, покупкой дворцов для своих полпредов в странах Европы, борьбой с контрреволюцией. Борьба с голодом была предоставлена общественным организациям. Создается беспартийный Всероссийский комитет помощи голодающим. В него вошли врачи, адвокаты, писатели, ученые. На выручку голодающим пришли крестьяне и сельские кооперативы благополучных губерний, профсоюзы рабочих, иностранные державы. Но весьма скоро ВЦИК признал комитет излишним, члены его были арестованы.

Одним из первых просителей за свой народ стал Патриарх Тихон. В августе 1921 года он основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим[1]. На весь мир прозвучало обращение Патриарха: «К тебе, Православная Русь, первое слово Мое. Во имя и ради Христа зовет тебя устами Моими святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, наполненным даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата...»[2].

Однако ВЦИК и этот комитет признал излишним и упразднил его. Но сознавая, что устраниться от опасности разразившегося голода ему все равно не удастся, правительство решило создать особую комиссию по координированию усилий государственных и общественных организаций в оказании помощи населению Поволжья — Помгол.

Казалось бы, в сложившихся условиях Церковь в виде религиозных общин смогла бы принять активное участие в работе Помгола. Именно о таком взаимодействии рассказывают документы Филиппогорского волостного совета Демянского уезда. В далекой глубинке нашли решение всем вопросам. 31 декабря 1921 года Филиппогорская волостная комиссия по оказанию помощи голодающему ребенку Поволжья обратилась к священникам и церковным советам Липицкой, Клевичской и Филиппогорской церквей: «...обращаемся к Вам с просьбой сказать слово в церкви о тяжелом положении вообще граждан Поволжья и, в частности, о голодающих детях, прибывших в нашу губернию из голодающих губерний.[3] С 24 декабря по 1 января проводится неделя помощи голодающему ребенку. Желательно произвести хотя бы единовременно церковный денежный сбор. Обратиться с просьбой к членам церковного совета провести по приходу сбор продуктов и вещей. Призовите граждан-прихожан Вашей церкви внести посильную лепту кто чем может в общую кружку детской нужды. Сбор произвести исключительно в пользу детей Поволжья, прибывающих в нашу губернию.

Волостная комиссия надеется, что духовенство горячо откликнется на нашу просьбу и не откажет в проповеди прихожанам Вашей церкви»[4].

Этот призыв нашел отклик в людских сердцах. Священник Клевичской церкви Александр Вознесенский 8 января 1922 года сообщил в волисполком: «...Мною было сказано соответствующее слово прихожанам и произведен денежный сбор в церкви, а затем и по домам — в пользу голодающих детей... Собрано всего деньгами 40310 рублей»[5].

Священник Липицкой церкви Василий Борисов вместе с прихожанами произвели такой сбор еще до обращения — 25 декабря. Собрано было 70456 рублей[6].

Но так обстояли дела в провинции, а в столице тем временем власть более двух месяцев разрабатывала бюрократические уловки, на которых она могла бы разрешить Русской Православной Церкви участвовать в работе Помгола. Соответствующее положение было утверждено только 1 февраля 1922 года. 28 февраля Патриарх снова обратился с воззванием к православному населению страны об усилении помощи голодающим, в котором разрешил сдавать в Помгол церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления:

«Мы допустили ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств возможность пожертвования церковных предметов, не

освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятие из храмов, хоть бы и через добровольное пожертвование, освященных предметов, употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство — мирянин отлучением от Церкви, священнослужитель — извержением из сана»[7].

Это решение Патриарха Тихона было с одобрением воспринято всей общественностью и укрепило авторитет Церкви в народных массах, что было весьма невыгодно молодой власти. Через неделю появившаяся надежда на улучшение дел рухнула и сменилась горьким отчаянием, предвидящим непоправимую беду: 26 февраля 1922 года высшая законодательная власть страны, ВЦИК, приняла постановление №46 о насильственном изъятии всех церковных ценностей, якобы — в пользу голодающих: «1. Предложить местным советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим»[8]. Этот декрет, практически, аннулировал все прежние компромиссные документы. Как не вспомнить отзыв о «Советах» незабвенного Ивана Бунина «Более наглых жуликов мир не видал»[9].

Долгие годы учебники советской истории подавали нескольким поколениям учащихся факт изъятия церковных ценностей как необходимую (и почти единственную!) меру для спасения голодающего Поволжья. Но рассекреченные в 90-е годы документы Политбюро открывают неведомую доселе подлинную цель предпринятой операции. Сущность же ее в том, чтобы использовать тяжелейшую ситуацию голода не для сотрудничества с Церковью, а для ее сокрушительного разгрома. «Вдохновителем и организатором» этого чудовищного замысла стало большевистское Политбюро. Осуществление его на деле предоставлялось ВЦИКу, а на местах — губернским и уездным исполнительным комитетам.

Архив Политбюро сохранил для истории на редкость жестокий и циничный документ. Приведу несколько моментов из уже пресловутого письма Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года:

«...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе[10] в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

— официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»[11].

Трудно найти силы и слова для нравственной оценки этого документа. Подумайте о другом: есть ли в нем хотя бы две-три фразы об использовании ценностей на поддержку голодающего населения? Голод — это только возможность расправиться со своим идеологическим противником, расправиться беспощадно и жестоко. А товарищ Калинин пусть уверяет всю страну, весь мир, что ценности пойдут на спасение человеческих жизней.

В то время, как упомянутый документ с грифом «строго секретно» на многие десятилетия осел в сейфе, редакции московских, а затем и провинциальных газет получили секретную инструкцию за подписью секретаря ЦК Молотова, датированную 24 марта: «Газетная кампания по поводу изъятий ценностей ведется неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Печатаются веселые сатирические стишки против попов вообще. Эта сатира бьет по низшему духовенству и сплачивает духовенство в одно целое...

...политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него»[12].

Первым у нас в Новгороде подвергся ограблению Юрьев монастырь. Глаз на него «положил» сам Троцкий, и сделал это задолго до принятия декрета ВЦИКом.

...7 декабря 1921 года Новгородский губисполком получил из Москвы шифровку за подписью Троцкого: «В силу возложенного на меня Совнаркомом поручения по сосредоточению ценностей, прошу ответить: первое — в чьем ведении находятся ценности, сосредоточенные в Юрьевском монастыре. Второе — какова их приблизительная общая оценка по вашим сведениям. Третье — на ком лежит ответственность за охрану. Четвертое — в чем состоят преимущественно эти ценности, сколько золота, серебра, драгоценных камней. Пятое — сколько вагонов нужно для перевозки этих ценностей. В случае надобности прошу принять меры по усилению охраны. Необходимые указания будут даны по получении от вас ответа»[13].

На расшифровку телеграммы секретарь-шифровальщик губвоенкомата потратил почти неделю, учитывая пересылку и т. п. На бланке стоит отметка «подлинник уничтожен». Такое промедление вызвало неудовольствие Троцкого, и из

столицы поступило напоминание. Наконец, губисполком уведомил члена Политбюро:

«— ценности хранятся в куполе Георгиевского Собора;

— сведений об оценке этих ценностей не имеется, так как оценки им никогда не производилось, но по частным сведениям, со слов знающих эти ценности, оценка их может выразиться около 6. 000. 000 рублей довоенного времени;

— на вывозку потребуется не более 2-х вагонов»[14].

На основании распоряжения Троцкого 5 января 1922 года губисполком образовал комиссию для оценки и изъятия ценностей Юрьева монастыря. Комиссию возглавил В. Пакун, председатель губернского и городского исполкомов. От губмузея в комиссию включили Н. Порфиридова[15].

Но Москве этого показалось недостаточно, и уже 10 января в Новгороде появились столичные представители: Каузов — от Совнаркома, Борисов — от Гохрана, Поздняк — от Московского ЧК. В 3 часа дня московские товарищи вместе с Пакуном и начальником губотдела юстиции И. Куприяновым прибыли в Юрьев монастырь. «Без мандатов», — подчеркнул в докладе правящему архиерею настоятель монастыря архимандрит Никодим. [16] Комиссия осмотрела запасы, сверила их наличие с описью и опечатала кладовую. На следующий день, 11 января, ровно в полдень названная комиссия приступила к изъятию исторических сокровищ[17].

Сохранился подробный доклад архимандрита об этой первой экспроприации: «...иконы оставляли без окладов или без риз. Ризы с икон снимали, ломали руками. Которые было не под силу сломать руками, те сминались человеческими ногами, как обыкновенный предмет. Верующие, видя это гнусное дело и поступок русского человека, отворачивали лицо...»[18].

Архимандрит представил митрополиту Арсению два акта на изъятые ценности, в которых 60 и 50 наименований. В их числе панагии с камнями (9), серебряные кресты, старинное столовое серебро. Были изъяты золотые часы датской работы, принадлежавшие графине Орловой-Чесменской. На одном из актов в правом верхнем углу владыка Арсений оставил провидческую резолюцию: «1922 января 24/6 февраля. Хранить на память для истории. А, может быть, придется и беречь как действительность, свидетельствующую о положении Церкви»[19].

Первый набег на Юрьев монастырь был совершен на основе декрета от 1 января 1922 года — об изъятии ценностей закрытых монастырей, церквей и из фондов Главмузея. Русские самодержцы пополняли национальные собрания шедеврами мировой живописи, ювелирного и прикладного искусства, а представители рабоче-крестьянской власти пустили эти сокровища на торги.

22 января секретная комиссия под председательством Троцкого познакомилась с результатами проведенной операции. После обсуждения доклада Базилевича комиссия совершенно секретным протоколом постановила:

«...признать необходимым во всех губерниях образовать только одну авторитетную комиссию при исполкомах по фактическому учету, фактическому изъятию и фактической отправке ценностей в Гохран, независимо оттого, в каких государственных хранилищах (музеях, складах ЧК, губфинотделах, закрытых монастырях) эти ценности хранятся»[20].

Все эти намерения аннулировал вышедший декрет об изъятии церковных ценностей. Уже накануне, 22 февраля, президиум Новгородского губисполкома получил из Москвы инструкцию местным комиссиям по изъятию церковных ценностей, по содержанию в два раза превышающую сам декрет. Эта инструкция была утверждена все на том же заседании 22 января.

Инструкция предписывала в недельный срок истребовать описи имущества и ценностей всех церквей, переданных в пользование групп верующих, чтобы установить «очередной порядок производства работ». В первую очередь, конечно, ценности следовало изымать из наиболее богатых храмов, монастырей, синагог, часовен и т. д»[21]. Поспешность намечаемой работы выдает примечание: «Комиссия приступает к работе в наиболее богатых храмах, не ожидая поступления всех описей по губернии»[22].

Привлекает внимание п. 7 относительно результатов узаконенного ограбления: «Все церковное имущество, изъятое на основании настоящей инструкции, пересылается в губфинотдел или уфинотделы для направления их в порядке инструкции местным комиссиям по учету, изъятию и содержанию ценностей от 23 января в центральный орган Гохрана на особый счет Цекомиссии Помгол для реализации на продовольствие, семена и т. д. для голодающих». И тут же примечание, которое не может не заронить сомнение: «Никакой реализации ценностей на местах не производится»[23].

Государственному разбою власть попыталась придать всенародную гласность как благому делу помощи голодающим и обязала губфинотделы и губкомиссии ежемесячно публиковать в газетах подробные перечни ценностей, изъятых из местных храмов, молелен, синагог. Создавалась видимость четкого контроля даже со стороны народных масс.

Пока губернские чиновники изучали полученные декрет и инструкцию, людей охватила тревога от предстоящей операции. Первыми поднялись на защиту своих святынь верующие Бронницкой, Никольской, Подберезской и Новоселицкой волостей. 26 февраля представители от коллективов всех приходов названных волостей провели объединенное собрание. Председательствовал на нем А. Сорокин, протокол вел А. Иришин. Первым вопросом собравшиеся приняли определение христианским святыням: «Церковь — есть мать каждого христианина... Все, находящееся в ней, есть достояние прихода».

Второй вопрос ставился для определения действия в возникшей ситуации — как защитить нашу святыню?

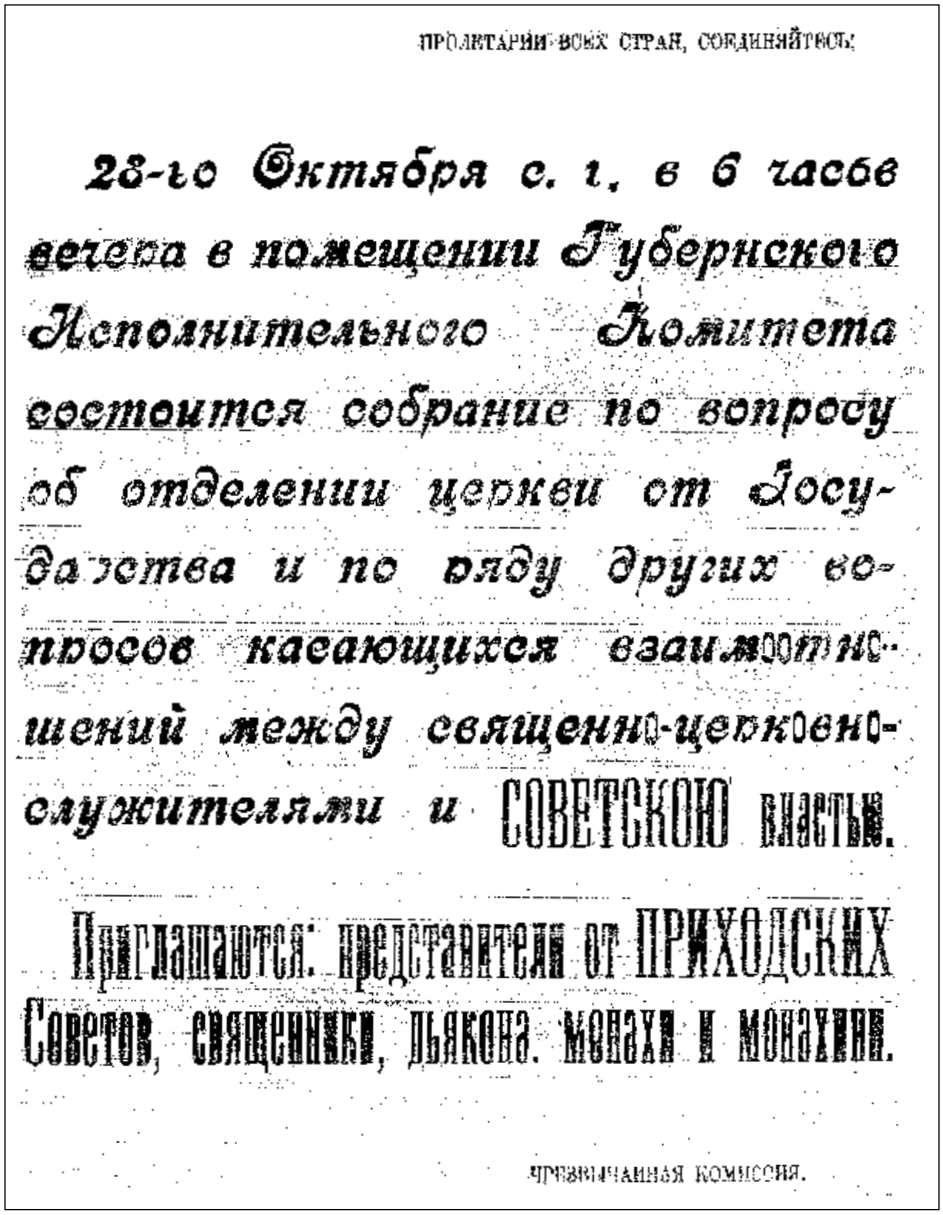
— «Ходят слухи, что вторично идет проверка церковного имущества, о котором мы, верующие, не сомневаемся и твердо уверены в том, что у каждой церкви нет утраты вещей...

Нам памятен 1918 год, в котором мы тоже перенесли страшный голод. Но никогда даже не допускали мысли и считали святотатством изъять какую-либо вещь из церковного имущества и обменять на хлеб. Приобретение же машин и тракторов (согласно газете) одна отговорка».

Собрание выразило сомнение, что изъятые ранее ценности Юрьева и Десятинного монастыря действительно пойдут на закупку хлеба, и постановило: командировать уполномоченных с наказом — все должно быть возвращено верующим, «...чтобы спасти голодающих, то мы жертвуем и делимся последним куском хлеба с голодающими, но через своих представителей»[24].

И снова я привожу резолюцию, которую 3 марта оставил на протоколе председатель губисполкома Пакун: «Этот документ передать в Губархив как исторический материал

Объявление ЧК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

28-го Октября с. г. в 6 часов вечера в помещении Губернского Исполнительного Комитета состоится собрание по вопросу об отделении церкви от Государства и по ряду других вопросов касающихся взаимоотношений между священно-церковнослужителями и СОВЕТСКОЮ ВЛАСТЬЮ.

Приглашаются: представители от ПРИХОДСКИХ Советов, священники, дьякона, монахи и монахини.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ.

для будущих историков, описывающих переходную эпоху во времена Великой Революции».

Как они были правы — и митрополит, и председатель губисполкома. Документы сохранились в архиве, ими действительно пользуются историки, на что рассчитывали оба. Но оценка событий идет уже по другой шкале ценностей, чем у председателя губисполкома. Думаю, что он тогда действительно верил в помощь Поволжью. Откуда было ему знать секретнейшие указания любимого вождя?

3 марта состоялось заседание президиума губисполкома, которое решило образовать комиссию по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) и утвердило ее состав. В комиссию вошли: член ВЦИК, председатель губисполкома Пакун, заведующий губфинотделом Лебедев. От губпомгола должен был войти представитель Симбирской губернии (она была «закреплена» за Новгородской) Захаров. Но тот сопровождал продмаршрут на свою родину, поэтому временно вошел член губисполкома Егорин[25].

В тот же день комиссия провела свое первое рабочее заседание, на котором решила организационные вопросы. Во всех уездных исполкомах предписывалось создать подкомиссии — по подобию губернской. Новгород и приходы в радиусе 15 километров относились к ведению губернской комиссии.

Следуя указаниям Инструкции губ. КИЦЦ распорядилась: «В наиболее богатых храмах комиссия приступает к работе, не ожидая поступления всех описей и договоров. Примечание: губ. комиссии в первую очередь произвести работы по изъятию ценностей в пределах района — ценностей Рижских церквей в кладбищенской церкви Десятинного монастыря; Десятинном монастыре; в Юрьевом монастыре и потом далее всюду»[26].

Губернская комиссия постановила всю работу по изъятию ценностей в пределах Новгородской губернии закончить к 10 апреля. Для непосредственных технических работ: оценка, взвешивание, упаковка и т. п. — была образована техническая подкомиссия в составе члена губкомиссии Егорина, начальника губернского отдела юстиции И. Куприянова, сотрудников губфинотдела — Смелкова, губ. РКИ — Линдемана. От губмузея в техкомиссию вошел Н. Порфиридов. Его кандидатуру утвердил Главмузей, о чем сообщила заведующая Троцкая телеграммой от 24 апреля. Заместителем Порфиридова на случай его отсутствия назначался Квашенкин[27].

В своих воспоминаниях о Новгороде Н. Порфиридов посвятил небольшую главу работе в этой комиссии, и по мере надобности я воспользуюсь его записями.

Через неделю стали создаваться уездные КИЦЦ: 10 марта — Боровичская, 11 марта — Валдайская, 12 — Крестецкая, 13 — Старорусская, 15 — Новгородская уездная[28]. Комиссии без промедления разослали в волисполкомы свои распоряжения: «Согласно инструкции ВЦИК от 28 февраля об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, предлагается с получением сего и прилагаемого отношения к настоятелям имеющихся в волости церквей в 48-часовой срок прислать для отправления в уисполком копии описей церковного имущества и инвентарные книги церквей...»[29].

15 марта в губернский финотдел поступила первая партия церковных ценностей, полученная без особых сложностей. Это были ценности Рижских церквей, эвакуированные в Новгород в 1916 году, во время первой мировой войны. В семи ящиках находилось 57 пудов 28 фунтов 48 золотников различных предметов из серебра, вес золотых вещиц — 72 золотника, 34 бриллианта, 4 аметиста и 1 рубин[30].

Едва закончился организационный момент, как стали очевидны многие непредвиденные и непродуманные сложности. В марте телеграфирует председатель Маловишерского

уездного исполкома Логинов: «(В) указанный период газет не получали, инструкции нет, ищем газет. Комиссию создаем. Ждем представителя губернского музея. Уполномочим кого-либо здесь. Укажите, какие средства расходовать (на) поездки на месте. Как предвижу, будут необходимы». На бланке стоит резолюция Пакуна: «Инструкции посланы. Спросить Порфиридова, кто может быть представителем губмузея. Сообщить: никаких средств на эти расходы специально не отпущено»[31]. Обратите внимание на последнюю фразу — о средствах. К ним придется вернуться и не один раз.

Спустя две недели губернская КИЦЦ провела второе заседание, на котором пополнила свой состав, введя в него председателя Губ. ЭКОСО П. Терешкова и зав. губполитпросветом П. Пожарского. Возникли осложнения с технической подкомиссией: И. Куприянов попросил освободить его от этой работы, где он оказался «упаковщиком и отправщиком». Комиссия просьбу удовлетворила, новым председателем стал Зорин из пригородной сельхозартели «Остров»[32].

Был в заявлении Куприянова на 3 машинописных страницах еще один момент, который подвигнул его на уход из техкомиссии — это несогласие с Пакуном по вопросу «разбазаривания ценностей Рижских церквей», которые из-за эвакуации оказались в Новгороде. В марте 1920 года специально созданная комиссия описала все имущество и запросило VIII отдел Наркомюста: как быть с этим достоянием в связи с тем, что Латвия ныне — независимое государство. «Между тем, — пишет И. Куприянов, — председатель комиссии тов. Пакун приказал подкомиссии часть указанного имущества ликвидировать, а именно: серебро сдать в Губфинотдел, ковры и т. п. — в губисполком, часть облачений — на верхнюю одежду в соцотдел.

Мною было указано тов. Пакуну на возможность неприятных последствий ликвидации означенного имущества, на что им было заявлено, что он правомочен распорядиться им, считая его национальным имуществом Р. С. Ф. С. Р»[33] (довоенная орфография).

Но, думается мне, не боязнь последствий заставила Куприянова выйти из подкомиссии, и даже не личные амбиции, а работа самой комиссии: «...считаю необходимым указать, что в губкомиссии по изъятию церковных ценностей вообще нет никакого плана работы. Не решено принципиально, что нужно изъять из храмов и монастырей, и чего брать не следует. Считаясь с серьезностью данного вопроса и могущими иметь место последствиями, я находил необходимым для губкомиссии серьезно и детально обсудить план ее работы, а главное — разрешить принципиально, какие предметы надлежит изъять из храмов и какие не следует брать. Все мои попытки выяснить у тов. Пакуна эти вопросы не увенчались успехом...»[34].

После такого заявления комиссия обязала В. Пакуна и П. Терешкова составить план работы и разработать инструкцию по изъятию ценностей для уездных подкомиссий[35].

Несомненно, Куприянов был прав, потому как ближе стоял к делу и знал ситуацию. С мест уже потоком пошли запросы:

— 14 марта Боровичская подкомиссия жалуется, что не все понятно — что можно изымать. Например, ризы на особо чтимых иконах[36].

— 15 марта запрашивает Старорусская подкомиссия: «подлежат ли изъятию престольные кресты и чаши, если они имеются в 1-м экземпляре? Подлежат ли снятию ризы с икон и обложки с Евангелий?»[37].

Поступил протокол Валдайской подкомиссии от 11 марта: «Запросить губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей о возможности замены подлежащих изъятию церковных ценностей одноценным количеством драгоценного металла или продовольствием по довоенной расценке»[38].

Через несколько дней снова запрос из Старой Руссы: «Изъятие церковных ценностей вызвало ряд недоразумений. Верующие на собраниях вынесли решение заменить церковные предметы хлебом или золотыми и серебряными вещами домашнего обихода по равноценности. Ждем указаний. Срочно. Настроение верующих возбужденное»[39].

Подкомиссия из Боровичей повторно запрашивает обстоятельного разъяснения о предметах, подлежащих изъятию: «...Изъятие риз, которые украшают престольные иконы и иконы, в честь которых выстроена данная церковь, несомненно вызовет серьезный шум среди верующих и обывательской массы. Уездная комиссия по изъятию ценностей просит дать исчерпывающее телеграфное разъяснение по данному вопросу, причем полагает, что изъятие всех риз без исключения излишнее: во-первых, в целях сохранения спокойствия в массах и во-вторых, ввиду бедности церквей это изъятие существенных результатов не дает. В Боровичском уезде имеется ряд церквей, в которых ценностей почти нет...»[40].

Похожее заключение поступает от Крестецкой подкомиссии: «...в описях серебряные церковно-богослужебные сосуды... едва 3—5 пудов серебра. Цифра крайне незначительна. Ризы 20—70 золотников. Ценность незначительна. Постановили: вышеупомянутые ценности не брать»[41].

Поток запросов заставил (наконец-то!) губернскую комиссию разработать инструкцию для волостных исполкомов, которая более доступным стилем излагала положения столичного циркуляра:

«...Предметы, деланные из золота и драгоценного камня, надлежат безусловному изъятию, ни в коем случае оставлены быть не могут.

В отношении серебряных вещей допускаются следующие исключения:

— могут быть оставлены верующим комплекты священных сосудов и дарохранительницы, необходимые для совершения таинств по количеству престолов церкви и при невозможности их немедленной замены теми же предметами из малоценных металлов — впредь до их замены;

— на таких условиях могут быть оставлены по одному Большому Евангелию и одному Малому Евангелию и одному напрестольному кресту на престол. Все остальные серебряные предметы подлежат безусловному изъятию»[42].

Пока губернская комиссия улаживала организационные вопросы, губернская газета «Звезда» приступила к одобрению и пропаганде решения правительства об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Начала она в пятницу 20 марта подборкой материалов под общим заголовком «Церковь и голод в Поволжье». В статье «Спасите гибнущих братьев!» редакция рассказывает о бедствиях в зоне голода и делает вывод: «Остается лишь один выход и одно спасение для голодающих — отдать для закупки хлеба церковное богатство». А далее следует: «Мы приводим в нынешней газете обращение ко всему христианскому миру лучшего представителя Православной Церкви,

московского протоиерея Введенского, который с содроганием и мольбой обращается ко всем верующим и призывает спасти голодного умирающего брата». «Не убий!» — такой призыв стоит в качестве заголовка над статьей А. Введенского, инициатора спровоцированного раскола в Православной Церкви, известного как обновленчество. «Я слышу робкие голоса: неужели все отдать, а как же совершать богослужение и т. д.? Нет, конечно, будут взяты только такие ценности, которые не нужны для самого богослужения, так что богослужение не прервется...Но пойдет ли это действительно голодающим — вот другой вопрос, который тревожит верующего. Да, как известно, в комиссии по оказанию помощи голодающим уже работают и представители Церкви (и духовные, и миряне). Помощь будет оказана действительно голодающим...»[43].

Воззвание же Патриарха Тихона газета полностью не публикует. Сообщение о нем, два абзаца и свои комментарии: «Воззвание Патриарха Тихона это еще лишний повод снова и снова говорить об учете церковного имущества и принудительном изъятии его на действительную, соответствующую ценности его помощь голодающим. Иначе всегда будет одно и то же: гора родит мышь!»[44].

Авторы газетных материалов изощрялись в заголовках: «Кащей на сундуке!» «К позорному столбу!», «Современные Пилаты».

В хоре обвинений и угроз неожиданно прозвучало письмо читательницы, зубного врача А. Покровской: «Прочитав статью «Выход из тупика», не могу не выразить удивления, почему все вопросы задаются служителям культа, которые являются в жизни церкви действительно таковыми, не имея права распорядиться ни одной вещью без согласия верующего народа — иначе, коллектива. Я, как член одного из коллективов, предложила бы задать подобные вопросы всем коллективам...Тут должен быть ответ всех верующих, а не отдельных лиц и тем более — служащих культа...»[45].

А что же новгородское духовенство во главе со своим митрополитом Арсением?

К этому времени у митрополита уже не было никакой официальной связи с церковным центром. Вся его переписка контролировалась. Воззвание Патриарха дошло до владыки в личном письме от неизвестного корреспондента. Но митрополит, как и все новгородцы, не понаслышке знал о бедственном положении в поволжских губерниях: он воочию видел вывезенных оттуда детей. Владыка попытался организовать в епархии церковный комитет помощи голодающим, подготовил воззвание к верующим, но его инициатива не только не получила поддержки у властей, но была и остановлена: комитет был запрещен, воззвание не разрешили к печати. И только в конце марта «Звезда» опубликовала обращение митрополита Арсения: «Ныне по лежащему на мне долгу архипастыря всей Новгородской Церкви обращаюсь к тебе, Богом дарованная паства, с мольбою об этой помощи во имя Христа, именем которого мы имеем счастье называться... Пожертвования могут быть деньгами, вещами и продовольствием. Кроме того, в последнее время ввиду все более усиливающегося голода. Святейший Патриарх благословил духовенство и приходские советы, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, приносить в жертву голодающим и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления...

Изъятие же из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, имеющих богослужебное употребление, является по церковным канонам... святотатственным актом...».

Рядом с обращением владыки был опубликован отклик, вернее комментарий заведующего губполитпросветом П. Пожарского «Давно пора!», в котором язвительно замечено: «Нам остается только пожелать, чтобы митрополит в самом непродолжительном времени точнее и конкретнее определил— какие именно предметы он подразумевает под словом имеющие или не имеющие богослужебного употребления»[46].

Писалось это, конечно, для малосведущих граждан с надеждой заручиться их поддержкой в предстоящем грабеже. На самом же деле все уже было определено и изложено в упоминавшихся инструкциях и засекреченных предписаниях. Трудно сказать, насколько сам владыка верил в искренние намерения большевиков оказать помощь бедствующим людям, но он проявил гражданскую солидарность с сотнями новгородцев, которые сдавали в комитет Помгола свои ценности. Митрополит сам принес в губернский комитет личные драгоценности: золотой крест с 11 бриллиантами, золотой наперсный крест без иконок, золотую панагию с золотой цепью. В панагии имелось 73 жемчужины, 2 хризолита, 2 сапфира, 2 рубина, 1 изумруд, 4 мелких жемчужины. Все это были награды за его архипастырское служение[47].

Поддержку Патриарху Тихону (до опубликования воззвания митрополита Арсения) выразили верующие Троицкого собора в Валдае. На собрании 19 марта они постановили: «Присоединяясь к воззванию Патриарха Тихона о помощи голодающим, изъявить от имени коллектива верующих согласие помочь голодающим пожертвованием теми по возможности ценностями собора, которые не освящены и не имеют никакого значения и необходимости к Богослужению...»[48].

Валдайский епископ Иосиф (Николаевский) вместе с несколькими священниками участвовал в расширенном заседании уездной комиссии Помгола, которая поручила ему «составить воззвание к верующим и сделать распоряжение о произношении проповедей на эту тему». Воззвание епископа «Звезда» опубликовала 26 марта: «...на заграничных рынках хлеб можно приобрести только на золото и серебро, которых нет в России. Недостаток звонкой монеты побудил правительство прибегнуть к богатствам церквей всех вероисповеданий. Откликнитесь с полной готовностью на это распоряжение.

Предметы, неосвященные и не имеющие богослужебного употребления из ваших храмов пожертвуйте в пользу голодающих, и не с ропотом и воздыханием, а с радостью и любовью, в надежде, что наши пожертвования облегчат горькую участь наших братьев, отрут не одну слезу и будут жертвою приятною Богу и спасительною для нас...».

События первых недель после опубликования декрета об изъятии церковных ценностей до середины марта поддерживали в народе надежду на разумное решение задачи: представители коллективов верующих вместе с членами комиссий ИЦЦ сверяли описи имущества, намечали предметы к изъятию, назначали сроки. И почти все верили, что ценности пойдут на закупку хлеба, почти все верили, что особо чтимые святыни можно будет заменить личными драгоценностями, а то и сразу продуктами, зерном. Не все ли

равно, на какое золото покупать хлеб? И разве не лучше и выгоднее сразу получить хлеб и направить его нуждающимся?

«...За означенные предметы к изъятию из нашего храма церковный совет согласился собрать серебром и уплатить за две маленькие ризы и тарелочки», — обратился председатель Бельского церковного совета Рысев и члены совета Громов и Петухов в Валдайскую уездную КИЦЦ[49].

Только 24 апреля «Звезда» опубликовала уточненное положение об изъятии церковных ценностей, в котором губернская КИЦЦ постаралась учесть многочисленные запросы и недоразумения. Больше всего людей волновала возможность выкупа священных предметов. Правила сформулированы в п. 8:

— «В отношении же приходских сельских и небольших городских церквей, при изъятии в них ценностей допустить право оставления без выкупа не более 3 фунтов серебра в общей сложности на одну церковь, в вес которого (3 ф. серебра) должны войти, конечно, наиболее священные сосуды. Все серебро, превышающее норму 3 фунтов, изымается...».

На выкуп ценностей с особо чтимых икон отпускался срок в 10 дней, за которые верующие должны были найти эквивалентную замену и золоту, и серебру. В случае промедления ценности отправлялись в Москву.

Документы губернской и уездных КИЦЦ свидетельствуют, что кампания проходила сумбурно, без четкой линии действия и конкретных сроков. Как уже упоминалось, первое заседание губернской комиссии 3 марта постановило «всю работу по изъятию ценностей закончить к 10 апреля». Первое же заседание секретной тройки, состоявшееся 28 марта, постановило «агитационную кампанию начать с 1 по 20 апреля»[50]. А как же тогда правительственное постановление, предписывавшее «в месячный срок со дня опубликования... изъять из церковных имуществ»?

31 марта губисполком получил телеграмму за подписью М. Калинина и В. Молотова, которая воспрещала какое-либо «мирное» изъятие и предписывала: «Первое изъятие ценностей начать (по) всей губернии одновременно, именно понедельник 24 апреля и проводить самым настойчивым и решительным образом»[51]. И хотя подписи на телеграмме Калинина и Молотова, в ее интонации и стиле чувствуется дух члена Политбюро Троцкого.

А изъятие по губернии в это время шло уже вполне большевистскими темпами. В губкомиссию поступают сообщения о первых результатах. Раньше всех сообщила о них столичная «Красная газета» за 12 марта. «Новгород. 10. В Новгородском уезде приступлено к изъятию из монастырей и церквей драгоценностей. В первую очередь изъяты золотые, серебряные и бриллиантовые украшения Юрьевского монастыря общей стоимостью в млн руб золотом. Из Десятинного монастыря изъято украшений на полмиллиона рублей золотом».

Приходят сведения из уездов.

16 марта из Боровичей: «Из Троицкого, Введенского соборов и Успенской кладбищенской церкви общий вес изъятых церковных ценностей и сданных в УФО 16 марта с. г. по кв. № 623 от 17 марта — 6 пудов 36 фунтов 89 золотников. Из церквей бывшего Свято Духова монастыря — 1 пуд 08 ф. 65 зол»[52].

Настоятель Троицкого собора протоиерей М. Ильинский обратился к правящему архиерею: «...считаю своим долгом доложить Вам о событиях текущего момента в г. Боровичи. Результат исполнения местной властью декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей. В соборе, в Свято-Духовом монастыре и в Спасской церкви это изъятие было произведено на 2-й неделе поста — в среду, четверг и пятницу»[53]. О каких-либо волнениях в рапорте не говорится.

10 апреля состоялось заседание бюро Новгородского губкома РКП (б), Губпомгола и губернской КИЦЦ. Оно рассмотрело состояние дел по изъятию церковных ценностей и решило продолжить агитацию в печати, а также обследовать все без исключения храмы губернии, в том числе синагоги, лютеранский и католический костелы. Золото предписывалось отбирать без всякого исключения, серебро не более 3 ф. оставлять в бедных церквях. Заседание постановило: «Сроком изъятия ценностей по всей губернии назначить понедельник 24 апреля и считать, что изъятие должно быть одновременным по всей губернии, настойчивым и решительным»[54].

Трудно уловить логику в определении сроков кампании: одни назначают конечным число 10 апреля, другие началом всей кампании — 24 апреля, а третьи уже с 15 марта опустошают новгородские храмы. Число 24 апреля значилось не рядовым в российском календаре 1922 года — это был второй день Пасхи. А накануне, 23 числа, собралась губернская КИЦЦ. Интересно отметить, что велся всего лишь третий протокол. Выходит, что за 1, 5 месяца ее члены лишь в третий раз собрались обсудить насущные вопросы. На «пасхальном» заседании комиссия ввела в свой состав представителей духовенства, определенных митрополитом: Н. Стягова, А. Серпухова, П. Беляева, К. Яковцевского[55]. Участие священнослужителей в комиссии было необходимым: в новгородских храмах за долгие века собралось много ценных икон, церковных сосудов не только прекрасной работы, но и особой святости и почитания. Среди икон некоторые считались чудотворными, и посягательство даже на их украшения могло вызвать резкое неудовольствие у верующих. Приглашенные священники и должны были на заседаниях технический комиссии определять по описям особо чтимые сосуды, иконы.

22 апреля поступила радиограмма от А. Енукидзе — еженедельно, в субботу сообщать о количестве изъятых ценностей[56]. В этот же день, 22 апреля, через газету «Звезда» к своей пастве вновь обратился митрополит Арсений: «Я уже неоднократно и устно — с церковной кафедры, и письменно через воззвания обращался к милосердию верующих о помощи голодающим. Благодарение Богу, голос мой был услышан, и новгородская Церковь явила себя щедрою благотворительностью...» И снова владыка призывает паству к смирению, спокойно расстаться с большинством церковных ценностей, оберегая, конечно, освященные сосуды и предметы, необходимые для богослужения. Митрополит выразил надежду, что все эти сокровища пойдут по назначению — голодающим братьям.

С 24 апреля изъятие церковных ценностей действительно пошло « в губернском масштабе». Вот как описывает обстановку тех дней непосредственный участник событий, член комиссии Н. Порфиридов:

«Первые дни работы комиссии, пока несколько не улеглись страсти у прихожан и не выработался опыт и техника, протекали тревожно и беспокойно. Около церкви или собора, в которых было назначено изъятие, обычно скапливалось в ожидании событий много народа не только из числа

прихожан. Внутрь пропускались вместе с членами комиссии члены приходский двадцатки и духовенство. Нечего говорить о том, что со стороны комиссии не допускалось бестактности. Культовые принадлежности: сосуды, кресты, Евангелия — брались и выносились с мест их хранения не иначе, как руками духовенства. Тут же комиссией решалось, что из ценностей будет оставлено в церкви для надобностей богослужения и что должно быть изъято»[57].

Уже 24 апреля завгубфо получил предписание из Москвы: немедленно выслать наличность и поступающие изъятые церковные ценности в Гохран[58].

В последних числах апреля губернский телеграф стучал с непреходящим усердием: уездные комиссии слали свои сведения по отдельным храмам, по волостям, первые суммарные результаты. Губерния, в свой черед, указывала, торопила, требовала. Первыми поступили на склад губфинотдела ценности городских храмов Новгорода. Драгоценности Софийского собора были сданы по 10 актам, составленным с 22 по 28 апреля.

Акт № 1. Блюдо, ризы, валики, подсвечники, оклады с Евангелий. 38 наименований предметов весом свыше 60 фунтов.

Акт № 2. 7 митр (с некоторых иконки сняты, оставлены верующим). 4 коронки с митр, обшитые жемчугом.

По акту № 3 сдавались серебряные раки со святынь, особо почитаемых многими поколениями новгородцев — с гробниц с мощами святителя Никиты, князей Мстислава, Федора, княгини Анны.

По акту № 5 проходил серебряный оклад с престола главного алтаря, в разобранном виде. Весил он 5 пудов 7 фунтов 21 золотник. Это был дар Софийскому собору от императора Николая I, принесенный 20 ноября 1831 года. Изделия с драгоценными камнями сдавались по акту № 4. Трудно перечислить все сокровища, переписанные в 10 актах. Общий вес изъятых ценностей составил 27 пуд. 30 ф. 72 зол. — серебра, золота — 7 ф. 75 зол.[59]

О состоянии Софийского собора после ограбления его государственной властью свидетельствует небольшая справка, представленная в губисполком в октябре 1924 года, когда на заседании Большого президиума решалась судьба новгородской святыни.

«Всего по музейной описи в Софийском соборе считается 365 предметов. Среди них имеются весьма ценные вещи (несмотря на то, что лучшие бриллианты и камни были изъяты в 1922 г.) Остались:

— золотая филигранная панагия, «Пименовская», XVI в. ;
— золотой потир, XVII в. ;
— «Сеченовская» панагия;
— панагия с алмазами, XVIII в.

...С 1922 года после проведения кампании по изъятию церковных ценностей Софийский собор, в силу его особой надежности, как места хранения, сделан хранилищем ценностей, поступивших при изъятии в ведение музейного органа...»[60].

27 апреля поступил акт о приемке ценностей, изъятых из Знаменского собора г. Новгорода[61].

Вот как описывает процесс изъятия его участник Н. Порфиридов:

«Одним из наиболее тревожных пунктов в городе был Знаменский собор. В нем находилась, можно сказать, главная святыня Новгорода — древняя и особо чтимая икона «Знамение» и большие ценности, накопившиеся от многолетнего неиссякаемого потока богомольцев и от вывоза «чудотворной» иконы по губернии. Достаточно назвать одну парадную ризу иконы. Эта известная всем горожанам риза, вернее — две, на той и другой стороне иконы, надеваемая на икону в торжественных случаях и затем убираемая в сейф, массивная, весом 12 фунтов 90 золотников, была из высокопробного червонного золота и украшена, кроме того, огромным количеством (2615) драгоценных камней: бриллиантов — 2062, рубинов — 9, изумрудов— 31, сапфиров — 6, алмазов — 38, «роз» — 326, жемчуга— 173 и других. (Перечень, приведенный автором, соответствует акту изъятия). Сделанная в XIX веке, риза эта художественной ценности собой не представляла, но материальной ценностью способна была одна перекрыть не только все остальные ценности Знаменского собора, но едва ли не всего города.

Когда ее вынули из сейфа и положили перед комиссией, на некоторое время установилось молчание. Что она, конечно, не может быть оставлена для отправления культа, было ясно.

— Наверное, на нее будет претендовать Губмузей? — разочарованно задал вопрос председатель комиссии.

— Нет, предмет не представляет музейной ценности, и Губмузей на него не претендует.

Ответ был неожиданным и для комиссии, и для прихожан. Первая опасалась, что музей «лишит» ее предмета, самого ценного по всей губернии, вторые, вероятно, надеялись, что хотя бы таким образом предмет все же останется в городе.

Губмузей имел в виду оставить за собой и оставил вторую ризу с иконы «Знамение». Она была простая, серебряная, никак не равнявшаяся по материальной ценности с золотой, но на ней находились подлинные, перенесенные с какого-то древнего предмета маленькие дробницы (миниатюрные иконки) XII века, исполненные в технике перегородчатой эмали. Эти эмали стали одним из замечательнейших экспонатов Новгородского музея...»[62].

Огромные состояния были вывезены из Юрьева монастыря, не считая «январского набега».

...Письма, справки, отчеты, переживая время, становятся бесценными свидетелями своей эпохи. Их простые фразы, порой по-деловому сухие, приобретают новый, более глубокий смысл и доносят до нас такую информацию, которая была недоступна современникам. Среди актов и отчетов затерялось письмо с грифом «секретно» на имя председателя губисполкома В. Пакуна:

«Спешите в Юрьев монастырь для изъятия золота, серебра и прочих драгоценностей в пользу голодающих, а то скоро туда спортится дорога, и тогда будет тяжело вам проехать. Там еще много осталось драгоценностей совершенно ненужных для культа. Я уже на днях писал в газете, что мраморные гробницы черносотенного архимандрита Фотия и графини Орловой покрыты серебряными досками в несколько пудов серебра. Мраморные престолы также покрыты серебряными досками. В Георгиевском соборе стоит пустая серебряная рака-гробница, ибо тело Феоктиста похоронено в земле под спудом, а на его могиле и стоит эта рака как эмблема.

На иконе Георгия в два аршина длины серебряная риза и многое другое, что должно быть изъято на нужды голодающих. Помните, что Георгиевский собор не взят верующими в свое пользование[63] и является храмом совершенно свободным, из которого Вы можете изъять беспрекословно. Спешите, пока крестьяне относятся пассивно, а то кадеты

и эсеры, пролезшие в коллектив верующих, ведут свою преступную агитацию и могут повредить делу. Тщательно просмотрите Спасский собор и вообще все храмы и ризницы, где еще много серебра.

С коммунистическим приветом

А. Иванов, заведующий

бюро истпарта

2 марта 1922 года»[64].

Но техническая подкомиссия № 3 (для ускорения работы комиссия разделилась на три группы) только 24 апреля добралась до монастыря. Она сдала в губфинотдел 12 ящиков с ценностями старейшей новгородской обители. Семь из них содержали сокровища собора во имя великомученика Георгия. В первом — 17 лампад, во втором — серебряная рака с мощей св. Феоктиста весом 8 пуд. 5 ф. 36 зол., в третьем — 4 сребропозлащенных пластины с престола — 4 пуд. 9 ф. 33 зол., риза сребропозлащенная — 3 пуд. 14 ф., 38 зол., крест запрестольный. Общий вес этих ящиков составил 34 п. 12ф. 30 зол. серебра. Одиннадцатый ящик сдавался без указания веса: ризы, венчики, блюдца[65].

Изъяла комиссия и серебряные «доски» с могилы архимандрита Фотия, о которых волновался работник истпарта. В начале июня серебряная надгробная плита весом 4 пуда 29 фунтов была передана Губмузею для возвращения на место. «От неосторожного снятия и перевозки некоторые накладные украшения на плите (херувимы, терновый венец) повреждены», — указывалось в сопроводительном документе[66].

О возникшем в монастыре разногласии вспоминает Н. Порфиридов. «Он касался массивного, двухпудового серебряного чеканного кувшина в виде орла, на музейном значении которого член комиссии от Губмузея настаивал. Кувшин не был тогда передан Губмузею, его повезли в составе первой партии ценностей в Москву в качестве «конфликтного». Там его художественно-музейное значение было подтверждено экспертами центральной комиссии, но в Новгород он уже не возвратился. Юрьевский кувшин-орел украшает экспозицию Оружейной палаты»[67].

Ценности Десятинного монастыря из 90 наименований уместились в 5 ящиках. Общий вес серебряных изделий составил 11 п. 3 ф. 13 зол.[68]

Но такими сокровищами владели самые известные, старейшие храмы и обители. Их ценности накапливались в течение столетий как подношения именитых граждан, купеческих и ремесленнических общин, членов императорской фамилии. Была такая традиция у православных россиян: в знак благодарности Богу дарить в храм не только иконы, но и драгоценные ризы, оклады на Евангелия. Многие завещали после смерти часть своего имущества монастырям и церквям. И была это не расточительность по нынешним понятиям, а подлинная мудрость, потому как долгие годы после смерти имя дарителя упоминалось в молитвах, а ценности служили людям красотой своей, а то и существенной подмогой в случае большой нужды. Однако большинство же церквей, особенно сельских, имели только самое необходимое для богослужения, что видно и по документам.

24 марта в Крестцах состоялось заседание уездной тройки: председатель исполкома Трунин, завуправделами Сергеев, завфинотделом Модестов. Они изучили представленные описи имущества всех церквей уезда и постановили: «...Из представленных описей комиссия усматривает, что в церквах Крестецкого уезда ценностями можно назвать только серебряные церковно-служебные сосуды, но их так мало, что если взять все без исключения, и то наберется всего-навсего около 3—5 пудов серебра — цифра крайне незначительная. Но так как все эти сосуды являются необходимыми для богослужения, а излишних комплектов ни в одной церкви не имеется, то изъятие их нецелесообразно...

Постановили: вышеупомянутых ценностей не брать, о чем довести до сведения губкомиссии по ИЦЦ, предоставив последней перечень ценностей в церквах уезда»[69].

Разумеется, губернская комиссия не могла согласиться с крестецкими товарищами и обязала их ценности изъять или же принудить верующих выкупить свои богослужебные сосуды. Цифра 5 п. 15 ф. 93 зол. так и значится в итоговых результатах по Крестецкому уезду[70].

Нечто похожее произошло и в Демянском уезде. Еще 23 марта уездный исполком отправил в Новгород свое сообщение: «Проверка и просмотр описей имущества Демянского собора показала, что в последнем имеется серебра в церковных сосудах, крестах и т. п. вещах не более 1 п. 20 ф. Кроме того, есть ризы на иконах (более чтимых местным населением), две из них весом по полпуда, другие весу меньшего. Золотых вещей совершенно не имеется. Мнение уездной комиссии таково, что взять почти ничего не приходится, ибо более ценные ризы на иконах, являющихся более чтимыми местным населением...

По ценностям городского собора можно судить, что в иных церквах и приходах, как более бедных, мы и того не найдем... Желательно в срочном ответе знать мнение губкомиссии: следует ли приступать к изъятию ценностей из городского собора, кои являются слишком мизерными.

Председатель исполкома Устинович

Председатель КИЦЦ Бровцын»[71].

Из 116 церквей и монастырей Новгородского уезда в 13 ценностей не было вообще[72].

Эти примеры рассказывают нам, что многие исполнители на местах объективно оценивали ситуацию. Зная только одну цель кампании — помощь голодающим, они понимали, что от мизерного изъятия толку мало. Было бы гораздо естественнее и реальнее собрать личные ценности у граждан, а также и продукты. От этого не отказывались ни в одному уезде. Но предписание власти было одно и бесповоротно: ценности у церквей изъять!

Пришлось и Демянской комиссии проводить намеченное изъятие. Работа началась 24—25 апреля, по прибытии воинского отряда из 56-й дивизии, поэтому каких-либо выступлений со стороны населения не наблюдалось. «Следует отметить, — указывалось в отчете, — что прибыл отряд отнюдь не как карательный. Вызван лишь с целью присутствия войсковой части при проведении операции»[73].

Всего из храмов Демянского уезда было вывезено 18 п. 32 ф. 76 зол. серебра, 19 зол. золота и нитка жемчуга в 14 золотников[74].

Только в первой декаде мая в Новгород стали поступать конкретные сведения о ходе кампании.

8 мая из Валдая. «Изъятие церковных ценностей проходит успешно. Закончена работа в валдайских церквах, Короцком, Ригодицком монастырях, Котлованской церкви работы заканчиваются. Без этих церквей поступило на 4 мая в Валдайский финотдел 8п. 7ф. 83 зол. серебра. Золота, драгоценных камней нет»[75].

Телеграмма из Малой Вишеры: «По 7 мая поступило церковных ценностей натуры и замены серебром два пуда, золота — два с половиной грамма, монетою 33 руб. 40 коп»[76].

Наиболее сложные условия сложились в Старой Руссе. Весной 1922 года в губернии наблюдалось большое наводнение, особенно высокий уровень отмечался в Приозерье. Реки, впадающие в Ильмень, вышли из берегов и надолго перекрыли дороги.

Телеграмма из Старой Руссы: «20 мая. Изъятие ценностей (в) городе закончено, направлены (в) Новгород. Уезде вследствие наводнения, разрушенных переправ только приступаем (к) изъятию.

Председатель Кофаль»[77].

Понимая, что со стихией никакими декретами не сладишь, председатель губисполкома и губернской КИЦЦ В. Пакун отправился в Москву, где добился продления срока изъятия на 10 дней, о чем и сообщил телеграммой 22 мая. «Темп работы должен быть удвоен», — подчеркивалось в депеше[78].

Всякая кампания, проводимая поспешно, без должной подготовки, сталкивается с определенными последствиями. Вот, к примеру, жалоба, поступившая в губернскую КИЦЦ и губфинотдел: «Приемка ценностей от представителей волостей, привезших их в Новгород, протекает крайне медленно, непрестанно поступают жалобы, что при сдаче каких-нибудь 5 фунтов приходится проживать в Новгороде 4-5 суток, дожидаясь очереди. Просим расширить работу приемочной комиссии как можно скорее — иначе поступление ценностей страшно задерживается»[79].

Определенную сложность бешеной работе по изъятию ценностей создавали высокохудожественные произведения XVIII — начала XIX веков, которые хранились во многих монастырях и храмах, не говоря уже об изделиях более раннего периода, уцелевших в наиболее древних обителях. Русские мастера с давних веков почитали за честь исполнить свою работу для Церкви: будь то напрестольный крест затейливой чеканки, сосуд ажурной резьбы, ризы на особенно чтимые иконы. Привозились изделия и из заморских стран. Накапливаясь веками под сводами храмов, они составили национальные сокровища, а наши монастыри стали первыми российскими музеями.

И вот теперь, лишая народ его достояния, правительство посчитало нужным кой-что оставить в ведении Главмузея и губернских музеев. Для экспертов, оценивающих предметы искусства, была разослана специальная инструкция, указывающая, что можно оставить как музейные ценности: «Безусловно недопустима ликвидация ценностей, имеющих древность, кончая 1725 годом. В виде исключения допустима ликвидация ценностей эпохи от 1725 по 1835 годы»[80]. Предписывалось не нарушать сложившиеся интерьеры древних обителей, храмов, которые составляли единый ансамбль какой-либо эпохи.

Из Москвы радиотелеграммой за подписью Калинина была разослана инструкция о транспортировке изъятых художественных ценностей: упаковывать в отдельную тару, вести особый учет, за повреждения сопровождающие несут строгую ответственность. Авторы инструкции, предвидя, что могут возникнуть разногласия между представителями КИЦЦ и губмузеев, рекомендовали «спорные» предметы отправлять на экспертизу в Москву[81]. Именно по такой причине и Юрьевский кувшин-орел оказался в столице.

С воцарением советской власти большинство новгородских монастырей оказались закрытыми: земли и капиталы национализированы, храмы по договору отошли к группам верующих, в некоторых обителях оставшиеся монахи создали сельскохозяйственные артели, где в скрытой форме поддерживался общежительный монастырский устав. В несколько отличном положении оказался Валдайский Иверский монастырь: «Постановлением коллегии Петроградского областного отдела по делам Музеев и охраны памятников искусства и старины от 22 февраля 1921 года здания Иверского монастыря близ г. Валдая Новгородской губернии со всем находящимся в нем церковным имуществом, признаны имеющими исключительно исторически-бытовое и художественное значение. Соответственно сему все внутреннее убранство храмов означенного монастыря, представляющее собой ценный художественный исторический ансамбль, должно быть сохранено в неприкосновенности, в настоящем его виде... Ввиду сего изъятие церковных ценностей из Иверского монастыря в части, составляющей художественно-историко-бытовой ансамбль (Никоновская эпоха), как нарушающее цельность этого памятника XVII века, не должно быть допускаемо»[82].

Это письмо за подписями зав. отделом охраны В. Ерыкалова и уполномоченного отдела охраны Моласа было отправлено 3 мая из Петрограда в адрес хранителя музея Валдайского Иверского монастыря. Гораздо ранее этого письма, не предвидя такой «охранной грамоты», завгубмузеями Н. Порфиридов 11 марта просил Валдайский уездный исполком заблаговременно уведомить его о времени изъятия ценностей Иверского монастыря[83].

Несмотря на предупреждение из Петрограда уездная комиссия все же конфисковала некоторые ценности обители. При этом присутствовал сам епископ Иосиф. Из монастыря в фонд Помгола было вывезено 1п. 4ф. 55 зол. серебряных изделий, среди них — 7 цепей от архимандритских крестов[84].

Музейные фонды в результате изъятий церковных сокровищ пополнились множеством прекрасных изделий, в основном, из серебра. Например, из Никольского собора в Губмузей поступили оклады с Евангелия XVII века, 3 лампады того же времени. Из церквей Новгородского уезда было сдано художественных изделий по весу 2 п. 25 ф. 93 зол. серебра, 217 предметов без указания веса[85].

Золото, как показала жизнь, приносилось в храмы в малых количествах. Видимо, библейский урок с золотым тельцом пошел впрок многим христианам. Зато серебро — самый обиходный металл, обладающий целительными силами. И еще можно узреть одну закономерность, изучая описи изъятых сокровищ: самым любимым украшением для святынь у новгородцев был жемчуг, символ непорочной чистоты, за ним шли алмазы и бриллианты — эти камни чутко улавливали пламень свечей и отражали его неповторимым мерцанием. Другие драгоценные камни — сапфиры, изумруды, рубины встречались в описях в единицах.

Нам уже никогда не увидеть наши храмы в том великолепном убранстве, которое оформилось заботами многих поколений в течение столетий. Позволю себе воспользоваться описанием чужестранца, корреспондента «Берлинер Тагеблатт» Пауля Шеффера:

«Ущерба не описать инвентарной описью. Всего сильней и глубже действует утрата общего живописного эффекта внутренностей этих соборов, их мягкой и вместе гнетущей

и смущающей таинственности. Ее уже нет. Бывало здесь из тьмы (лишь наверху, близ купола, несколько разряженный свет), светили тысячи маленьких и больших свечей. Свет их играл на серебре, на золоте, богатых тканях, темных ликах святых, на тяжелых формах паникадил, на тяжелых роскошных ризах.

С XVIII века укоренился обычай оставлять на виду только лица, руки и ноги святых, скрывая все остальное под золотом или серебром; но эти матовые панцыри на всех стенах, у всех колонн и алтарей, на которых играл свет восковых свечей, более всего наполняли храмы неведомо откуда притекавшей, торжественной, струящейся жизнью...- Теперь все «эти ризы сорваны. Даже с медных футляров, прикрывающих гробницы патриархов, сняты серебряные бляхи. Парчовые покровы свалены грудами или сложены в ящики. Все лампады, паникадила и серебряные светильники сданы для переплавки. Оставлен только дар казаков из отобранного ими у французов похищенного церковного имущества — массивный канделябр в Архангельском соборе в 400 кило весом. (Автор описывает храмы московского Кремля. — ***И.С.***) Пощажен «для образца», чтобы видели, какое тут богатство было прежде. Оставлены и некоторые малоценные исторические достопримечательности.

Но общее впечатление — ужасающей пустоты. С гробницы митрополита Петра сорвана серебряная рака, в которую было вделано изображение святого — теперь видны только голова, руки и стопы — на темной опечатанной доске. Тошно становится от этого зрелища. Большевики хозяйничали здесь беспощадно, систематически — беспощаднее, чем французы в 1812 году. Забраны даже все священные сосуды, так как Кремлевские церкви бездействуют. Оставлены, — потому что их невозможно взять, — знаменитые двери с золотой резьбой в Благовещенском соборе. Но над дверьми собора со знаменитой иконы Христа Спасителя, перед которой некогда молился Лжедмитрий, содрана серебряная риза...»[86].

Несомненно, что и в Новгородском, Софийском, Знаменском соборах, в десятках других картина была схожей с приведенным описанием. Помертвели ограбленные храмы. Лики святых с печалью взирают на суетящихся людей, упаковывающих в ящики собираемые веками сокровища. Газета «Звезда» постоянно уведомляет читателей, откуда и сколько вывезено.

«2 мая. Всего в Старой Руссе изъято серебра 9п. 36ф. 67 зол. 54 доли, золота — 20 зол. 12 дол., жемчуга на материи - 17ф. 92 зол., бриллиантов 23 13/32 карата, алмазов 17/64 карата».

20 мая. Из Боровичей. «Изъято церковных ценностей по городу и уезду по 16 мая включительно и сдано финотделу серебряных вещей 22 пуда...».

«28 июня. 24 июня отправлена в Гохран вторая партия церковных ценностей. Серебра 324 пуда 7ф. 35 зол. 90 дол... жемчуга 1 пуд 10ф. 9 зол. 93 дол. ...».

В губернскую КИЦЦ стали поступать окончательные сведения.

«8 июня 1922 г. Новгородская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей доводит до вашего сведения, что изъятие по Новгородскому уезду вполне закончено. Сдано серебра в губФО 83 пуда 11д. 39 зол. ...»[87].

10 июня секретарь ВЦИК А. Енукидзе телеграфирует в Новгород, что крайним сроком изъятия устанавливалось 20 мая. «До сих пор нет сведений об окончании кампании вашей губернии. Предлагается немедленно сообщить причины задержки, срок окончания, результаты кампании»[88].

Двенадцатого числа В. Пакун спешно отвечает: «По ходатайству ввиду стихийных бедствий срок изъятия губернии был продлен. Изъятие заканчивается в последнем уезде. К 15-му будет закончено. Всего изъято около 400 пудов серебра, из них часть уже отправлена в Москву»[89] .

Москва неусыпно следила за ходом изъятия, требуя обязательные отчеты за декаду, напоминала о сроках.

...Вещи везут на перрон, бросают в открытый вагон. Но так бывает только в стихах, к тому же — в детских. У взрослых все по-другому. Приведу небольшую служебную записку с памяткой «срочно». Адресована она в отдел управления: «Губкомиссия по изъятию церковных ценностей просит Вас назначить и выслать на 24 сего июня к 11 часам дня к зданию губфинотдела для погрузки в вагоны ценностей — 12 человек рабочих из числа заключенных, находящихся в лагере принудительных работ»[90].

Рассказ пространен, но еще ни разу не говорилось о том, насколько благополучно происходило изъятие — тихо? Мирно? Безропотно? Было все — и ропот, и волнения, и даже пролитая кровь. Пролилась она один раз, и случилось это в самом начале похищения ценностей, но отзвук трагедии не затихал до майских дней.

Весть об изъятии церковных ценностей облетела губернию в одночасье. Народ заволновался. Даже предварительную сверку имущества по описям люди восприняли как само изъятие. В богатых же храмах так оно и было, что предписывалось инструкцией.

Повышенное беспокойство захлестнуло Старую Руссу. Атмосферу накаляли слухи и сплетни, провокационные разговоры. Намерение уездного Совета приступить 15—16 марта к описи имущества было воспринято как непосредственное изъятие. Так написал губернский репортер в газете «Звезда». И ведь слукавил. А, может быть, и сам не ведал. Вот передо мной протокол заседания старорусской КИЦЦ от 15 марта 1922 года. В нем четко написано: «Постановили — приступить к изъятию ценностей в первую очередь в Спасопреображенском монастыре, Воскресенском соборе и Косинском монастыре»[91].

Уже вечером 15 марта, после окончания службы, в ограде Спасо-Преображенского монастыря колыхалась людская масса. К ней присоединялись прослышавшие о предстоящем мероприятии. Никто не хотел расходиться по домам. В толпе сновали провокаторы, которые называли время начала действий: то в 11 утра, то в три пополудни.

Мало, наверное, в жизни таких страшных явлений, как разъяренная, неосведомленная толпа, готовая взорваться диким насилием от малой искры. Сперва собравшиеся решили избить помощника коменданта Старой Руссы, который по долгу службы оказался в толпе. За него отважилась вступиться гражданка Екатерина Купцова. Гнев массы обрушился на беззащитную женщину. С трудом удалось вынести ее беспамятную и укрыть в покоях епископа Димитрия, который проживал в монастыре на покое.

Но волнения на этом не закончились. Уже с утра 16 марта город напоминал бурлящий котел. Народ ринулся защищать свои ценности и святыни. Репортер губернской газеты неоднократно подчеркивал фанатизм и провоцирующую роль священнослужителей, которые, якобы, подбивали верующих на сопротивление. Но ведь неверующих людей нельзя заразить фанатизмом, а верующие и сами станут

защищать свои святыни — на то они и святыни, что никто не смеет посягнуть на них.

Старорусссцы собрались возле своего кафедрального собора. Вся площадь перед ним и ближайшие улицы были заполнены людьми. В воздухе ощущалась атмосфера погрома. Нужен был только повод. И он вдруг нашелся — такой неожиданный, непредвиденный... Надо же было такому случиться, что именно в этот день, 16 марта, в Старую Руссу приехали за поросятами крестьяне из соседней Псковской губернии, Порховского уезда Иван Изотов, Федор Лихачев и Иван Козлов. Приезжих поразила гудящая толпа, всевозможные слухи об изъятии ценностей. И они, не думая о каких-либо последствиях, движимые обыкновенным любопытством, протиснулись сквозь плотные ряды стоящих на соборной площади и вошли в Воскресенский собор — поглядеть на эти самые ценности.

Вошли они в храм не перекрестясь, так как были старообрядцами, и стали внимательно осматривать собор и его убранство. Когда один из них приблизился к иконе, стараясь прочесть потемневшую надпись, к нему подошла прихожанка, дежурившая в соборе.

— Что вы здесь делаете? Что рассматриваете?

— Да вот иконы разглядываем...

Наверное, вопрошавшая не дослушала ответ до конца. Ей было достаточно двух слов «иконы разглядываем», чтобы закричать на весь храм:

— Вот они, грабители! Бей их!!!

Людская толпа, пребывавшая в состоянии сверхнервного напряжения, только и ждала этого призыва. Полагаю, читатели смогут представить себе картину растерзания трех беззащитных людей. Через какое-то время им удалось вырваться на улицу, и побоище выплеснулось следом. В свалке пострадали многие. Подоспевшие работники уездного исполкома, получив свою долю тумаков, скрылись и вызвали конный отряд. И только эта военная сила смогла рассеять погромщиков и водворить спокойствие. Оружие, к счастью, не применялось.

Избитый и изуродованный Иван Козлов вскоре скончался, тяжелые повреждения получили и его сотоварищи. Всю вину за это «кровавое дело» губернские власти возложили на духовенство, которое, якобы, провело среди горожан и крестьян контрреволюционную агитацию. Было арестовано несколько участников и свидетелей событий. Уголовное дело рассматривала выездная сессия Новгородского ревтрибунала по военному отделению.

В полдень 11 мая в концертном зале «Каскад», расположенном в парке Старорусского курорта, начался судебный процесс по обвинению старорусского духовенства и мирян в сопротивлении декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. В помещении собралось полторы тысячи человек, около театра осталось еще более. Возникло опасение, что толпа может снести легкую постройку летнего зала. Для поддержания порядка в помощь пешему караулу прибыл кавалерийский отряд.

Председательствовал на процессе И. А. Куприянов, который год назад возглавлял показательный суд над митрополитом Арсением. Защитники были прежние — А. Орлов и А. Рабинович. На скамье подсудимых — два старорусских священника: Владимир Пылаев и Владимир Орлов, дьякон Илья Подобедов, монах Иона и 18 жителей Старой Руссы и соседних сел. Среди них: А. Бурихин, В. и И. Малышевы — крестьяне, 8 человек — базарные торговцы, один —без определенных занятий, 6 человек уже имели ранее судимость.

Губернская газета броско подавала репортажи о процессе:

«За серебро и золото. Контрреволюционное выступление духовенства и мирян в Старой Руссе».

Что же выяснилось во время допроса обвиняемых?

Половина их оказалась совершенно неграмотными людьми, а вторая половина имела не только грамотных, но и лиц со средним и высшим образованием.

Первым держал ответ священник Успенской церкви Владимир Орлов. Он обвинялся в том, что будучи в д. Бряшная Гора 6 марта, вел с крестьянами беседы об изъятии церковных ценностей и подстрекал их сопротивляться этому изъятию. Сам Орлов не отрицал, что говорил с крестьянами о ценностях, но советовал не противиться, поскольку бесполезно выступать против декрета, и по возможности заменить ценности продуктами.

Центральной фигурой процесса стал священник Свято-Духовской церкви Владимир Пылаев. Это имя неоднократно встречалось мне в документах Новгородской духовной консистории: среди преуспевающих учеников, а затем и выпускников духовной семинарии, среди студентов Московской Духовной Академии, доводилось читать его письма к друзьям по поводу кончины любимого наставника. Даже в таких незначительных моментах угадывалась незаурядная личность. Не мог скрыть ее обаяния и губернский репортер: «Этот гражданин — центральная фигура всего процесса. Моложавое лицо, лишенное почти всякой растительности, открытый взгляд, свидетельствующий о непреклонной воле и энергии этого человека. Свободная осанка, лишенная той напряженности и угодничества, которые так свойственны представителям православного духовенства, довольно приятный и спокойный голос, обдуманные и обличенные в литературную форму ответы обвиняемого — все это производит выгодное для Пылаева впечатление».[92]

Среди старорусских погромщиков проходила базарная торговка Евдокия Архипова. Вот как ее описал репортер: «Это — молодая, дородная и краснощекая женщина довольно бойкая и дерзкая, но на ее несчастье судьба отметила подсудимую такой нескрываемой меткой, таким бросающимся в глаза отличительным знаком, как деревянная нога, которую врачи приделали Архиповой вместо настоящей, ампутированной хирургом.[93].

Конечно, Евдокия на суде отрицала свое участие в побоище, но свидетели доказали обратное и все отмечали, что орудием зверства Архипова использовала свою деревянную ногу, которой она одному упавшему выбила зубы, другому наступила на живот... Другие участники погрома также не отличались сдержанностью и милосердием. Свидетели пытались, в основном, доказать, что все страсти были нагнетены священниками, которые называли изъятие ценностей незаконным актом. «Лучше умереть, чем отдать ценности», — приводились слова Владимира Пылаева.

С обвинительной речью на процессе выступил работник губисполкома Л. Пипер — пропагандист и агитатор с ораторским талантом. Речь его была пламенной. Обвинитель «яркими красками» обрисовал положение в стране, героическую борьбу советской власти с мировыми врагами, раскрыл причины голода и причины, побудившие правительство приступить к изъятию церковных ценностей. Конечно же, в речи давалась уничтожающая критика архипастырей,

вина за случившееся возводилась на патриарха и митрополита, поскольку они в своих воззваниях не определили четко, что является неприкосновенной святыней, а чем можно пожертвовать, тем самым создали возможность противиться исполнению декрета.

Второй обвинитель Н. Еремеев выступил против непосредственных погромщиков:

«Мы знаем, что в Ветхозаветном храме даже убийца и насильник мог спастись от разъяренной толпы, и пока он находился в храме, считал себя в безопасности. Не таков, однако, оказался храм христианский! Ни сам Христос, ни его ученики не могли, как мы видим, остановить низменных страстей у этих убийц и погромщиков, — начал он с евангельских истин и перешел к характеристике обвиняемых. Он не щадил основных зачинщиков и потребовал применить к ним высшую меру наказания — расстрел. Особо это касалось девицы Е. Архиповой, которая «не только била, не только, калечила невинных людей, но после побоища у ней хватило дерзости и наглости бахвалиться своим кровавым делом»[94].

Защитник А. Иванов обратил внимание суда на то, что в основе процесса лежит вековая борьба светской власти с духовной из-за имущества, доказал на фактах, как исподволь новая власть через газеты, агитацию и прочие приемы готовила общественное мнение к мысли о необходимости декрета об изъятии церковных ценностей. Второй защитник А. Рабинович, выступавший ранее на процессе по делу митрополита Арсения, в феврале 1920 года, снова показал свои блестящие способности адвоката. Главный смысл его речи — достаточно крови, расстрелов. Революционный суд не должен выносить смертных приговоров невиновным. А виновность у большинства относительная:

— С одной стороны — голод и матери, поедающие трупы своих детей, с другой стороны — вековые традиции и религиозный экстаз. С одной стороны — кованые веления декрета, с другой — грозные слова Патриарха: низвержение из сана и отлучение от Церкви... Где искать выход?

Третий защитник А. Орлов взял под свое покровительство священника Владимира Пылаева. Он представил суду его как представителя лучшей части русского духовенства — идеалиста с чистой и светлой душой.

— Пылаев бескорыстно работает по научным изысканиям и вносит крупицу своих дарований в сокровищницу человеческой мудрости. Он бескорыстно служит советской власти в самый острый момент разрухи и старается наладить хозяйство страны, отдавая безвозмездно свой практический опыт в запутанном и сложном деле по разбивке сенокосных угодий для крестьян. Он по доброй воле в качестве брата милосердия перевязывает раны умирающим красноармейцам. Можно ли хоть на минуту допустить, чтобы этот человек чем-нибудь хотел помешать утолению мук голодающих? — Защитник призвал революционный суд к справедливости и милосердию.

Суд ушел на совещание в 23 час. 45 минут. До 4 часов 25 минут утра 12 мая собравшиеся терпеливо ждали объявления приговора. Зачитал его член ревтрибунала Курдов. Виновными были признаны все обвиняемые. Священники Владимир Орлов и Владимир Пылаев, крестьянин Назар Смыслов были приговорены к высшей мере — расстрелу. Девица Е. Архипова, изувечившая следователя и нанесшая смертельные раны своей деревянной ногой, получила пять лет лишения свободы, остальные сроки были и того меньше. Суд призвал власть рассмотреть вопрос о виновности Патриарха Тихона и митрополита Арсения[95].

Несколько по другому выразили свой протест изъятию церковных ценностей жители Новгорода. Они провели 24 марта собрание во Входо-Иерусалимском храме и открыто высказались против постановления правительства, с которым собравшихся познакомил представитель губкома П. Терешков[96].

Учительница Иванова подчеркнула, что церковные ценности — это «вклад наших умерших предков. Этот вклад живущие христиане обязаны оберегать и передать их в полной сохранности своему поколению»[97].

Среди наиболее резких выступлений прозвучали слова Евгении Михайловой, дочери генерал-майора. Человек она была весьма образованный:закончила Павловский институт, Бестужевские курсы, два года слушала лекции в парижской Сорбонне. Вполне естественно, что она объективно оценила ситуацию:

— Советское правительство само виновато, что в стране вспыхнул голод. Оно из Поволжья вывезло весь хлеб. Четыре года только берет, берет, берет... Считаю, что ценности только Юрьева монастыря уже превышают запланированный вклад всей губернии...

Это собрание закончилось очередным заседанием ревтрибунала. На нем в качестве свидетеля появился митрополит Арсений. Что хотели судьи услышать от владыки? О связях с Патриархом Тихоном? Нет никаких связей. Вся переписка контролируется властями. О согласованных действиях духовенства и части мирян по оказанию сопротивления при изъятии ценностей? Как митрополит, он слышал о существовании такого декрета, но самого декрета не получал и не читал — губернские чиновники не посчитали нужным ознакомить его с таким документом. Конечно, его потрясли старорусские события. Именно поэтому он в своих воззваниях и проповедях постоянно призывал к спокойствию, призывал не отвечать злом на насилие.

Что касается агитационного собрания группы верующих Софийского собора, организаторы которого попали на скамью подсудимых, то он слышал о нем вскользь и не знал, по какому руслу оно пойдет. Он не мог благословить такое собрание, потому как понимал его безуспешность и гибельность в нынешней ситуации. Так оно и случилось: четыре организатора, в том числе и Е. Михайлова, были приговорены к расстрелу[98].

Случались волнения и в селе. С кольями и топорами прихожане окружали свою приходскую церковь и не подпускали к дверям членов комиссии. Те чаще всего обращались за помощью к милиции или к воинской силе, расквартированных по соседству частей, если таковые имелись. В крайнем случае дело заканчивалось дракой. Подобные волнения были отмечены в Луженской волости Демянского уезда[99]. Но без арестов и предания суду все-таки не обошлось. На 24 января 1923 года в исправдоме содержалось 26 человек, осужденных за оказание сопротивления при изъятии церковных ценностей[100]. Президиум губисполкома 6 марта обратился в Президиум ВЦИК: «...заслушав на своем заседании 6-го февраля с. г. в присутствии представителя губкома РКП (б) ГСПС, прокуратуры, губсуда и ГОГПУ вопрос об осужденных за агитацию против декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей и, принимая во внимание успешную и безболезненную сдачу в Новгородской губернии церковных ценностей, а также и то обстоятельство,

что осужденные уже отбыли известный срок наказания, постановил просить губсуд о применении досрочного освобождения к отбывшим свыше половины срока наказания.

Что же касается тех осужденных, которые не отбыли еще срока наказания, но активного своего участия в выступлениях не принимали, — на том же заседании постановлено войти в Президиум ВЦИК с ходатайством о помиловании этой группы осужденных, оставив без освобождения лишь наиболее рьяных сторонников контрреволюционной церковной политики...»[101].

С благополучной оценкой исхода операции, данной властями, можно согласиться. В других областях России изъятие церковных ценностей сопровождалось многотысячными бунтами и жестокой расправой. Одной из таких трагедий можно считать столкновение воинского отряда на двух автомобилях с пулеметами и прихожан Шуйского соборного храма в Ивано-Вознесенской губернии.

«Московские известия» 28 марта 1922 года писали: «Набатный звон продолжался 1,5 часа и стянул на площадь огромные толпы народа. Войска были встречены градом камней и револьверными выстрелами. Четыре красноармейца были оттерты толпой и жестоко избиты. После первого залпа в воздух второй залп был дан по толпе. Этим залпом было убито 4 человека и 10 тяжело ранено, после чего толпа рассеялась. К вечеру был произведен целый ряд трестов, и комиссия по изъятию ценностей продолжала свою работу, забрав из собора 3 1/2 пуда серебра».

Нечто похожее случилось и в Смоленске, где изъятие ценностей назначалось на 28 марта. «Пятитысячная толпа в день изъятия церковных ценностей, собравшаяся по набатному звону, который раздался одновременно во всех церквях, пыталась пробраться сквозь цепь курсантов, причем рассеять толпу удалось только пулеметной стрельбой вверх»[102].

Народные волнения прошли в Ростове, в Петрограде — возле Казанского собора. «Московская правда» № 35 сообщила, что «на местах было 1414 кровавых эксцессов». Десятки священнослужителей, в том числе и епископов, были арестованы по обвинению в агитации против конфискации церковных ценностей.

Ожидали сопротивления и со стороны Новгородского митрополита Арсения. «В Новгородской губернии положение осложнялось с одной стороны особой многочисленностью и густотой церковно-монастырской сети, с другой — тем, что глава ее, митрополит Арсений, был убежденным противником изъятия»,[103] — писал в своих воспоминаниях Н. Порфиридов. А этот «убежденный противник» трижды обратился через газету к своей пастве, призывая ее «не отвечать злом на насилие». И сам проявлял выдержку и спокойствие, смиренно принимал удары судьбы, воспринимая их как выражение воли Божией. Владыка прекрасно понимал, что его сопротивление поддержат и священники, и миряне. Но он также знал, что в столкновениях прольется человеческая кровь, оборвутся жизни. Можно ли с такими жертвами равнять какие-либо ценности? И только его поведение, воистину христианское смирение, удержали народные массы от многочисленных бунтов. Не зря же губернские власти оценили исход операции «безболезненным».

Жаль только, что память изменила музейному работнику, а может, это лукавство автора, когда он писал: «Отголоском кампании по изъятию церковных ценностей был суд над митрополитом Арсением. Послушать публичный процесс над «владыкой», бывшим еще в недавнем прошлом суровым громовержцем, пасшим свою паству «жезлом железным», было одинаково заманчиво и для верующих, и для неверующих. Самый большой в городе концертный — зал бывшего Епархиального дома в кремле, служащий теперь театром, ломился от публики...»[104].

Суд над митрополитом действительно был, как уже упоминалось, в феврале 1920 года. Состоялся он по указанию партийной власти страны — провести показательные процессы для острастки, обвинение было сфабриковано. Обидно, что бывший семинарист Н. Порфиридов, смещая исторические факты, забыл евангельскую истину: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Марк, IV, 22).

***

Все то, о чем говорилось до сих пор, так или иначе уже освещалось в исторической литературе, журнальных публикациях, воспоминаниях современников. Освещалось по-разному, в зависимости от политической обстановки в стране и от мировоззрения авторов. Как бы там ни было, об изъятии церковных ценностей знает (по крайней мере — слышало) не одно поколение. Большинство наших граждан до сих пор наивно верит, что ценности пошли на помощь голодающим Поволожья.

Но постарайтесь вспомнить — встречались ли в публикациях нашей прессы, вплоть до 1994 года, итоговые сведения этой умопомрачительной операции? Можете ли вы назвать вес изъятых ценностей? Их стоимость? Сколько было закуплено зерна на вырученные средства? И в какие губернии пошло это зерно?

Рассекреченные после августа 1991 года документы Политбюро ЦК РКП (б) за 1922 год только сейчас открыли для нас подлинную цену проведенной операции. Небольшая их подборка была впервые опубликована в журнале «Новый мир» в №8 за 1994 год под заголовком «Политбюро и Церковь». Автор публикации Н. Покровский в комментарии пишет:

«Приступая к работе над «Архивами Кремля», мы гадали, на что пошли церковные ценности. На успешную денежную реформу, проведенную министром финансов Г. Я. Сокольниковым? На индустриализацию? Источники дали ответ неожиданный. Партия сумела собрать в государственную казну лишь ничтожную часть предполагаемых церковных богатств, и мы вряд ли когда-нибудь узнаем, куда делась основная часть. Была ли разграблена в гражданскую войну, еще до 1922 года? Или, быть может, растащена в ходе самой акции по изъятию?»[105] С утверждением по поводу грабежа в гражданскую войну посмею с автором не согласиться, так как описи имущества перед изъятием сличались с описями на 1917 год, и недостатка драгоценностей отмечено не было, что зафиксировано в архивных документах.

По приблизительным подсчетам авторов, изучивших документы архива Политбюро, ценностей было изъято на сумму — 4 650 810 руб. 67 коп. — по курсу 1922 года, в золотых рублях. (Соотношение к прежней валюте 1 рубль 22-го года — 10 000 руб). А вождь пролетариата 19 марта 1922 года писал о сотнях миллионов и миллиардах золотых рублей, которые следовало отнять у Церкви.

Полученную итоговую цифру Н. Н. Покровский сопоставил со сметой расходов технических комиссий по изъятию церковных ценностей в стране. В смете — чисто технические расходы на транспорт, грузчиков, упаковочные материалы. Смета была составлена на один только месяц (!) в сумме 2. 000. 006 рублей, затем сокращена до 1. 559. 592 рубля. Это цифры государственного масштаба[106].

А как выглядит губернский масштаб? Подтверждает выявленное соотношение.

Сейчас трудно понять, было ли это упущено преднамеренно или же это результат «кавалерийского рейда», но до мая ни на одном заседании губернской технической комиссии не ставился вопрос о средствах хотя бы на упаковку и перевозку ценностей. И только 2 мая Президиум губисполкома озадачился этой проблемой. Было постановлено: «Впредь до получения от уездных комиссий по изъятию церковных ценностей смет на потребные для них суммы — ассигновать из параграфа особо последнего в распоряжение Губ. КИЦЦ временно 250 млн. рублей, поручив тов. Пакуну при поездке в Москву исходатайствовать для этой цели перед центром соответствующие кредиты»[107].

Уездные комиссии со сметами не задержались: одна за другой стали поступать служебные записки.

Из Валдая. «Сумма расходов по изъятию ценностей будет равняться около 200 млн. (курс прежний)»[108].

Из Маловишерского уезда. «...грубо приблизительно 20 000 руб. Знаками выпуска 1922 г.»[109].

Из Крестец. «Сумма минимум сто (100) миллионов рублей».[110]

Из Демянска. Называются 120 000 000 рублей[111].

Из Боровичей. 500 000 000 рублей[112].

Старорусская комиссия запросила столько же[113].

Новгородский уезд. 143 500 рублей знаками образца 1922 г.[114]

16 мая финансовый отдел ВЦИК телеграфировал в Новгородский губисполком о переводе в его адрес 100000 рублей знаками 1922 года (т. е. 1 млрд.) — на расходы по изъятию церковных ценностей, 10 000 руб. из них были выданы Пакуну лично во время его командировки в Москву[115].

В чем заключались все эти расходы? Во-первых, упаковочные материалы. Как предписывала секретная инструкция (вся переписка по этому вопросу велась под любимым большевистским грифом «секретно»), «...церковные ценности должны быть помещены в прочную деревянную или металлическую тару, обвязаны дважды накрест веревкой или проволокой»[116].

Исполнители старались не отклоняться от указаний инструкции.

«На отношение от 3 мая сообщаю, что для отсылки церковных ценностей в Новгород необходимо, по моему мнению, упаковать ризы в один ящик, а все остальное — в другой. Для этой цели мною получены из отдела народного образования три ящика, в каковых можно отправить мелкие вещи. Для риз следует сделать ящик длиною 2 арш. 10 верш., шириною 2 арш. 4 вершка и глубиною 14 вершков. В такой ящик можно положить все ризы в том виде, в каком они приняты, т. е. в несогнутом. Для устройства этого ящика необходимо получить по заявлению мастера 6 досок теса и 3 фунта гвоздей. Мастер, Николай Федоров, просит за работу ящика и укупорку ценностей 3 аршина материала на брюки и деньгами 1. 000. 000 рублей...»[117].

Во-вторых, транспортировка этих ценностей. 6 мая член президиума ЦК Помгола (ЦПГ) Винокуров телеграфировал: «...различных губерний поступают запросы, каким способом производить перевозку ценностей в Москву. Вторично сообщаем: таковая перевозка железнодорожными и водными путями производится бесплатно. ЦПГ непосредственно возместит расходы НКПС. НКПС поставил свои органы на местах в известность этом циркуляре номером 7234449. Просим всех недоразумениях ссылаться на указанные циркуляры»[118].

Но если НКПС мог принимать ссылки на циркуляры, то природа с таковыми не считалась. Сообщение Новгородской уездной комиссии: «Из числа 2-х церквей, не сдавших ценности, одна церковь залита водой, т. ч. изъятие приходится отложить до конца половодья.

Доставка ценностей с мест обошлась комиссии несколько дороже из-за половодья, постигшего Новгородский уезд, вследствие которого нельзя было пользоваться обычными дорогами и приходилось платить за доставку ценностей водным путем по вольным ценам»[119].

Новгородский водный путь — это, конечно, не государственный водный транспорт, а рыбацкие лодки, нанимавшиеся для быстрейшей доставки ценного груза в губфинотдел. Перевозчики за такой груз брали втридорога.

Расходы за одну неделю по Новгородскому уезду, с 13 по 19 мая, составили 25 740 000 рублей[120]. Это только за одну неделю, в одном уезде! И на весьма малые расстояния.

Но пока средства значились на телеграфных бланках. Новгородская уездная комиссия проявила завидную находчивость. В один и тот же день, 26 мая, от нее поступили ходатайства сразу в два адреса.

«В губпродком... ввиду особой важной и ответственной работы членов комиссии, просит выдать для поощрения и премирования работников комиссии 5 пудов белой французской муки»[121].

«В Губ ЭКОСО». Новгородская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей ввиду отсутствия средств просит отпустить для уполномоченных комиссии, работающих на местах по изъятию ценностей, воинских команд, сопровождающих ценности с мест и для премирования технического состава комиссии, несущего сверхурочную работу, — возможное количество продуктов: муки, мяса, сахару, и масла»[122].

Еще один вид затрат — воинские команды, сопровождающие ценности. Сие предписано инструкцией:

«п. 5. Транспорт ценностей сопровождается вооруженной военной охраной.

п. 6. Конвоиры и охрана ценностей при транспортировании представляются начальникам гарнизона по представлению местной комиссии по учету и сосредоточению ценностей, преимущественно из состава ЧОН или курсантов»[123].

Президиум губисполкома 30 мая снова обращается в Москву: «Принимая во внимание те значительные расходы, затраченные на организационные надобности губернии, которые не могли быть удовлетворены отпущенным кредитом 100 000 рублей выпуска 1922 года, просим ЦГ Помгол о дополнительном отпуске на вышеуказанные надобности средств в сумме 300 000 рублей выпуска 1922 года. (3 млрд.!), необходимых как для расчета произведенных затрат, так равно и для успешного окончания хода работ кампании по изъятию[124].

Ответ от 1 июля приходит секретной телеграммой: «...сего числа на основании предложения ЦГ Помгола ВЦИК от 30 т/м переведено по телеграфу через госбанк 50 000 руб. вып. 1922 г.»[125].

Но Москва шлет и другие телеграммы: «10 июня. Крайним сроком изъятия церкценностей устанавливалось 20 мая. До сих пор нет сведений об окончании кампании вашей губернии. Предлагается немедленно сообщить причины задержки, срок окончания, результаты кампании». Депешу подписал секретарь ВЦИК А. Енукидзе[126].

Отправка новгородских сокровищ в Гохран началась в мае. Седьмого числа убыли Рижские ценности в 9 ящиках и новгородские — в 6. Один из них был заполнен драгоценными камнями и золотом. Следующая отправка состоялась 24 июня. Для нее и были затребованы заключенные. Им пришлось погрузить 50 ящиков, 40 из них содержали предметы из серебра. Последняя зафиксированная отправка состоялась 31 июля[127]. А рассчитывали завершить эту кампанию в марте-апреле!

Всего Гохран получил из Новгорода ценности в 91 ящике: 3 — с золотом, 3 — с драгоценными камнями и в золотой оправе, 2 с золотой и серебряной монетой и 83 ящика — серебра. Окончательная цифра в отчете на 31 июля составила: серебра — 560 пудов 12 фунтов 75 золотников; 18 фунтов 72 зол. 73 доли — золота; камней и камней в золотой оправе — 2 пуда 18 фунтов 10 золотников[128].

Больше всего ценностей, конечно, было вывезено из Новгорода и уезда: 294 п. 15 ф. 70 зол. (в пересчете на серебро). Далее — Боровичский уезд: 80 п. 29 ф. 91 зол. За ним вполне закономерно идут Старорусский: 39 п. 26 ф. 24 зол., Валдайский — 22 п. 29 ф. 54 зол., Маловишерский — 9 п. 7 ф. 35 зол. И менее всех результат был в Крестецком уезде, о чем уже говорилось[129].

Путем арифметических действий на уровне начальной школы попытаемся приблизительно вычислить, во что же обошлось это узаконенное ограбление наших церквей. Стоимость 1 пуда серебра в 1922 году можно определить по документам Политбюро: 271. 240 руб.: 1567 пуд. — 172 руб. (округленно). Значит 560 пудов серебра стоили в знаках 1922 года почти 96320 рублей., 18 фунтов золота — 3665, 6 рублей, 2 пуда изделий из камней с золотой оправой оценим по жемчугу. Это составит почти 40 000 рублей. Вся наша приблизительная, округленаая сумма составит 140 тысяч рублей знаками 1922 года.

К полученным от ВЦИК 16 мая 1922 г. 100 000 рублей прибавьте 50 тысяч, высланных через Госбанк. И что получится? ***Мы получим такой результат, в который не только трудно, но даже страшно поверить — стоимость всех изъятых церковных ценностей в губернии равняется стоимости затрат на само изъятие. Эти расчеты подтверждают расчеты, сделанные по документам Политбюро в масштабах страны: изъятые у Церкви ценности пошли на разгром самой Русской Православной Церкви.***

Думается мне, что организаторы кампании, вернее, ее исполнители, не посвященные в установку вождя от 19 марта, сами ужаснулись и долго не могли поверить в полученные итоги.

Иначе чем можно объяснить, что дело об изъятии церковных ценностей в Фонде губисполкома кончается запросом президиума губисполкома, направленным в губфинотдел 28 октября 1922 года: «В присланном Вами отчете о поступлении церковных и других ценностей от церквей и частных лиц Новгородской губернии и сведениях и количестве отосланных в Гохран значится о поступлении таковых и отправке только по 31 июля.

Президиуму губисполкома известно, что после указанного Вами срока (31 июля) церковные и др. ценности продолжали поступать, но о них у Вас в отчете ничего не указано. Дайте объяснение»[130].

Ни в фонде губисполкома, ни в фонде губфинотдела ответа на этот запрос обнаружить не удалось. И вдруг с неизъяснимым изумлением я обнаруживаю традиционно секретное циркулярное послание, датированное 24 февраля 1925 (!) года. Оно адресовалось всем ЦИКам автономных республик и областей, всем губисполкомам:

«Уважаемые товарищи! 29 декабря 1924 года № 4208 нами был разослан на места циркуляр, коим мы запрашивали сведения о количестве изъятых церковных ценностей. Эти сведения нам необходимы для составления общего отчета (схватились! — ***И.С.***) о проведенной кампании... особая секция КССХ ВЦИК обращается к Вам со вторичной просьбой независимо от представления отчетов в порядке указанного циркуляра, представить нам дополнительно в возможно кратком и вместе с тем исчерпывающем виде данные, указывающие на самую обстановку, в которой протекала кампания по изъятию церковных ценностей. В частности, мы считаем очень важным остановиться на следующих моментах: сколько времени продолжалась кампания, как относились к ней различные группы населения, имели ли место эксцессы и прочее»[131].

Зампредседателя особой секции КССХ ВЦИК Моргунов назначил срок ответа 15 марта. Губернские чиновники телеграфировали в Москву 11 числа: «Настоящим сообщается, что никаких сведений в админотделе по вопросу изъятия церковных ценностей на территории Новгородской губернии не имеется, за исключением сведений, данных на циркуляр от 29 декабря 1924 года»[132].

В переводе на современные меры из Новгородских церквей летом 1922 года было вывезено:золота — 7кг 681,6 г; серебра — 9 тонн 179 кг 894,4 г; драгоценных камней, их же в золотой оправе — 40 кг 177,8 г.

Познав «самоокупаемость» этого неслыханного грабежа национальных сокровищ, невольно вспомнишь слова одного из свидетелей старорусской трагедии: «Все равно эти ценности пойдут на галифе комиссарам...»

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Вострышев М. Божий избранник. М., 1991. С. 95.

[2] Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. М., 1994. С. 176.

[3] Несколько санитарных эшелонов прибыли осенью 1921 года в Новгородскую губернию. Они доставили 1526 детей из Самарской, Симбирской и Казанской губернии. 675 считались сиротами. Волжан разместили по детским домам, некоторых взяли семьи.

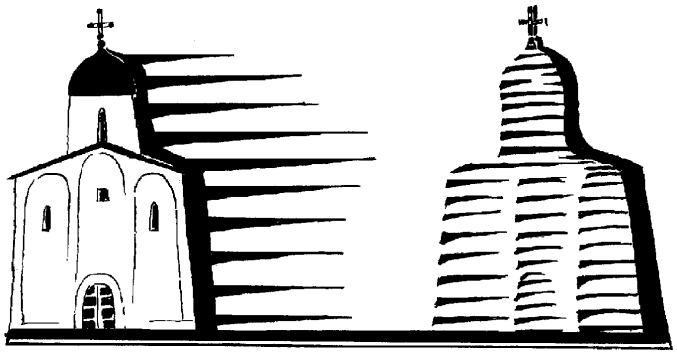
[4] Государственный архив Новгородской области. Далее — ГАНО. Р-121. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.
[5] Там же. Л. 46.
[6] Там же. Л. 39.
[7] Валентинов А. А. Черная книга. «Штурм небес». Париж, 1925. С. 254.
[8] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 113.
[9] И. Бунин. Окаянные дни. С. 14.
[10] 10 апр. — 19 мая в Генуе работала международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием 28 государств, в т. ч. и Советского государства. Советская делегация выразила готовность обсудить вопрос о форме компенсации быв. иностр. собственников при условии признания Советского госва де-юре и предоставления ему кредитов. СЭС. М., 1980.
[11] Новый мир. 1994. № 8. С. 192.
[12] Источник. Вестник. 3/1995. С. 115.
[13] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 282 .
[14] Там же. Л. 284.
[15] Там же. Л. 344 .
[16] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 543. Л. 2 .
[17] Там же. Л. 5.
[18] Там же. Л. 7.
[19] Там же.
[20] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 2. Л. 37.
[21] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. 26.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 16.
[25] Там же. Л. 7.
[26] Там же.
[27] Там же. Л. 153.
[28] Там же. Л. 44, 49а.
[29] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
[30] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 50.
[31] Там же. Л. 47.
[32] Там же. Л. 45.
[33] Там же. Л. 39.
[34] Там же. Л. 40.
[35] Там же. Л. 45.
[36] Там же. Л. 44.
[37] Там же. Л. 72.
[38] Там же. Л. 75.
[39] Там же. Л. 84.
[40] Там же. Л. 44.
[41] Там же. Л. 101об.
[42] ГАНО. Р-214. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.
[43] Звезда. 10 марта. 1922. №54.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 87.
[47] Там же. Д. 339. Л. 2.
[48] ГАНО. Р-214. Оп. 4. Д. 3. Д. 5.
[49] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 70. Л. 23.
[50] ГАНПИНО. Ф-115. Оп. 1. Д. 473. Л. 9.
[51] Там же. Л. 4.
[52] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 129об.
[53] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 544. Л. 7.
[54] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. л. 143.
[55] Там же. Л. 144.
[56] Там же. Л. 154.
[57] Порфиридов Н. Новгород. Воспоминания. Лениздат, 1987. С. 136.
[58] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 171.
[59] Там же. Д. 338. Л. 15—25.
[60] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 159.
[61] Там же. Оп. 1. Д. 338. Л. 123.
[62] Порфиридов Н. С. 138.
[63] Ошибка автора письма. Георгиевский собор находился в пользовании верующих по договору до 11 ноября 1924 года. ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. №06.
[64] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 18—19.
[65] Там же. Д. 338. Л. 48.
[66] Там же. Л. 66.
[67] Порфиридов Н. С. 139.
[68] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 338. Л. 84—86.
[69] Там же. Д. 346. Л. 102.
[70] Там же. Д. 337. Л. 177.
[71] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.
[72] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 337. Л. 214.
[73] Там же. Д. 436. Л. 213.
[74] Там же. Д. 339. Л. 213.
[75] Там же. Д. 346. Л. 169.
[76] Там же. Л. 173.
[77] Там же. Л. 224.
[78] Там же. Л. 227.
[79] Там же. Л. 139.
[80] Там же. Л. 147.
[81] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. 76.
[82] ГАНО. Р-214. Оп. 4. Д. 3. Л. 34.
[83] ГАНО. Р-2662. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
[84] Там же. Л. 43.
[85] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 338. Л. 211. Д. 337. Л. 215. Этим же отделом был наложен запрет на изъятие ценностей из Грузинского собора, которые относились к эпохе Аракчеева. Р-218. Оп. 1. Д. 179. Л. 71.
[86] Валентинов А. А. Указ. соч. С. 282.
[87] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 337. Л. 215.
[88] Там же. Д. 346. Л. 269.
[89] Там же. Л. 270.
[90] Там же. Л. 316.
[91] Там же. Л. 82.
[92] Звезда. 17 мая. 1922. №106.
[93] Там же.
[94] Звезда. 31 мая. № 110.
[95] Там же.
[96] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 50.
[97] Звезда. 28 мая. № 115.
[98] Звезда. 2 июня. № 119.
[99] ГАНПИНО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.
[100] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 420. Л. 80.
[101] Там же. Л. 84.
[102] Валентинов А. А. Указ. соч. С. 56; Известия ВЦИК. № 166. 27 июля. 1922.
[103] Порфиридов Н. С. 136.
[104] Там же. Л. 141.
[105] Новый мир. 1994. №8. С. 199.
[106] Там же.
[107] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 165.
[108] Там же. Л. 180.
[109] Там же. Л. 181.
[110] Там же. Л. 182.
[111] Там же. Л. 183.

[112] Там же. Л. 184.
[113] Там же. Л. 185.
[114] Там же. Л. 208.
[115] Там же. Л. 209.
[116] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Д. 166. Л. 15.
[117] Там же. Л. 157.
[118] Там же. Л. 243.
[119] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 214.
[120] ГАНО. Р-218. Оп. 1. Д. 179. Л. 80, 81.
[121] Там же. Л. 100.
[122] Там же. Л. 71.
[123] ГАНО. Р-215. Оп. 1. Л. 166. Л. 15.
[124] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 254.
[125] Там же. Л. 304.
[126] Там же. Л. 269.
[127] Там же. Л. 316, 327, 328.
[128] Там же.
[129] Там же.
[130] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 346. Л. 334.
[131] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 92.
[132] Там же. Л. 93.

Употреблявшиеся меры веса драгоценных металлов:
пуд — 16, 38 кг
фунт — 0, 409 кг
золотник — 96 долей — 4, 266 г
доля — 1/96 золотника — 44, 43 мг
карат — 200 мг

Глава III

Испытание расколом

Через полтора месяца после захвата церковной власти группой А. Введенского обновленческое поветрие докатилось до Новгорода. Какими путями? Скорее всего, благодаря двум прогрессивным священникам А. Нименскому и Н. Екатерининскому. По их инициативе 5 июля 1922 года, в среду, состоялось собрание городского духовенства. На его проведение было получено разрешение гражданских властей. В повестке дня значилось:

— о новом Высшем Церковном Управлении;

— создание по распоряжению ВЦУ пресвитерского управления при епископе;

— об организации группы «Живая Церковь»;

— о составе пресвитерского управления при епископе;

— временные выборы в управление;

— отношение новгородского духовенства к ВЦУ[1].

Извещение о собрании подписал временно управляющий Новгородской епархии епископ Крестецкий Серафим (Велицкий).

Откликнулось 45 человек. Для многих оказалось полной неожиданностью, что в их среде образовалась группа прогрессивного духовенства: Алексей Нименский, Николай Екатерининский, Николай Братоновский, Алексей Успенский. Они и составили пресвитерское управление при епископе, которое, как свидетельствует запись в протоколе, «никаких сведений о новом ВЦУ не имеет»[2].

Докладывали на собрании А. Нименский и Н. Екатерининский. В жизни Русской православной церкви происходят крупные события. Патриарх Тихон по предложению группы прогрессивного духовенства Москвы и Петрограда сложил с себя высшее управление церковными делами, — сообщили они. — Управление взяла на себя группа духовенства под председательством епископа Антонина (Грановского). Они и образовали ВЦУ. Какие же лозунги нового движения?

— Белый епископат: разрешить женатым пресвитерам проходить епископское служение; разрешить второбрачие священнослужителям; разрешить монашествующим по снятии обетов вступить в брак.

— Пресвитерское управление при епископе.

— Признание справедливости социальной революции. (Это положение появилось по требованию советской власти, которая, как стало вскоре ясно, поддерживала новое движение в Церкви.)

— Единая церковная касса[3].

— Наша задача, — говорили инициаторы, — вывести Церковь во внеполитическое положение. Как заявил представитель гражданской власти в Новгороде, если представители Церкви не будут заниматься политикой, то не будет никаких репрессий по отношению к ним.

Собрание проявило неожиданную осмотрительность и никаких конкретных решений не приняло, но постановило:

— Для выяснения современного положения церковных дел и ВЦУ командировать в Петроград и Москву двух делегатов — протоиерея Константина Яковцевского и священника Федора Тихомирова.

— Впредь до возвращения делегатов остальные вопросы (о ВЦУ, о создании групп «Живая Церковь» и т. п.) оставить открытыми[4].

Посланцы новгородского духовенства вернулись из столиц через две недели. На сей раз на собрание 19 июня собралось в Знаменском соборе 50 человек. Прежде всего были заслушаны доклады делегатов.

...Сначала новгородцы отправились в Петроград, «чтобы избежать ошибок». Они встретились с управляющим Петроградской епархией епископом Ямбургским Алексием (Симанским), с которым хорошо были знакомы по служению последнего епископом Тихвинским. Владыка познакомил гостей с докладом протоиерея А. Введенского «со товарищи» и резолюцией на нем Патриарха. В Епархиальном управлении беседовали с новопоставленным епископом Иоанном (Альбинским), членом ВЦУ протоиереем А. Беляевым, известным канонистом протоиереем Т. Налимовым, активным обновленцем протоиереем А. Боярским.

Во встречах и беседах новгородцы уловили, что петроградское духовенство настроено против ВЦУ и «Живой Церкви»:

— ВЦУ они считают не имеющим канонического преемства власти, поскольку захватило ее незаконным путем;

— «Живую Церковь» воспринимают как организацию, вносящую партийность в церковную жизнь.

В Москве новгородские посланцы добрались до высших инстанций ВЦУ — епископа Антонина, протоиерея Е. Белкова, повстречались с бывшим секретарем Патриарха Нумеровым. От него они узнали о подробностях отречения Патриарха Тихона.

Делегаты сделали вполне объективный вывод о новой церковной власти: «...слабым местом ВЦУ является то обстоятельство, что как и всегда бывает в подобных случаях, оно опирается прежде всего на всех недовольных прежней церковной властью, среди которых есть много лиц, далеко не безупречных в нравственном отношении и за то пострадавших, оказывающих иногда вредное влияние на дела»[5].

Интересно заключение новгородских делегатов:

«...Мы пришли к убеждению в необходимости признать ВЦУ как единственный фактически существующий правящий орган, могущий при добром желании довести церковь до восстановления законной церковной власти, имеющей быть установленною Поместным Собором...

В жизни нашей епархии считать необходимым проведение в кратчайший срок следующих мероприятий:

— организация временного, до съезда, епархиального управления из пресвитеров под председательством епископа...

— организация таких управлений по уездам.

— Поставление из белого духовенства епископов по всем городам, где их нет. Посвящение их должно быть произведено в Новгороде»[6].

Беззвучные строки протокола не в силах передать взволнованной атмосферы, которая сложилась на этом собрании. Но даже по наличию вопросов, по ответам и резолюции можно представить, что равнодушных не было.

Единогласия не наблюдалось, не наблюдалось и полного согласия с установками ВЦУ:

«п. 5. Признать необходимым, что как для объединения управления и решения общих дел Русской Православной Церкви, так и для подготовки к будущему Собору, должен участвовать высший орган в Церкви, а потому образовавшееся в Москве ВЦУ признать до Поместного Собора Временным центральным органом». «За» проголосовало 27, «против» — 11.

Весьма красноречивы и следующие пункты Постановления:

«6. Собрание признает необходимость многих реформ в церковной жизни (но нравственность вне социальных революций), Реформы церковные должны быть строго обдуманы и приняты Соборным разумом канонически собранного Собора Русской Церкви, почему до созыва Собора, во избежание раскола в Церкви, не должны быть производимы реформы, несогласные с канонами и определениями Соборов.

7. ...Вступление в союз «Живая Церковь» предоставить свободному усмотрению духовенства с тем, что невступление его в этот союз не должно быть понимаемо как нежелание видеть обновление церковной жизни и для невступивших не должно сопровождаться какими-либо отрицательными последствиями...»[7].

Нежелание новгородского духовенства поддержать реформаторский курс обновленчества почувствовали «прогрессивные» деятели и выразили «Особое мнение», заслуживающее внимания:

«Настоящим честь имеем заявить, что наш отказ вступить в состав Епархиального пресвитерского управления вызван следующими соображениями:

1. Мы не согласны с постановлением общего собрания новгородского городского духовенства, коим за епископом как председателем пресвитерского управления оставляется право «вето», ибо тем самым нарушается общий принцип коллегиальности Пресвитерского Управления... Все превращается в лучшем случае в Епархиальный совет, в худшем — в Духовные консистории старого типа. Таким постановлением, если не устанавливается вновь произвол — епископа, то создается тормоз, ибо разум одного человека становится выше коллективного разума.

2. Не согласны, что монашествующему духовенству предоставляется равное с белым право на занятие епископских кафедр, что коренным образом противоречит основному принципу ВЦУ «Белый епископат». Монашествующее духовенство может быть, по нашему мнению, допущено и то в исключительных случаях, к такому высокому служению, ибо оно доказало полную неспособность к управлению делами Церкви, тем более, что самое постановление было принято под влиянием черного духовенства, присутствовавшего на этом собрании почему-то с правом такого же решающего голоса, как и представители белого духовенства и, конечно, в высшей степени заинтересованного в получении епископства»[8].

13 августа пасторское собрание состоялось в Боровичах. Его участники ознакомились с обстановкой в Петрограде, Москве и Новгороде. Принятое постановление, в отличие от новгородского, было немногословным, не было и особых мнений. Боровичан волновало учреждение в их городе епископской кафедры, вопрос о которой был предусмотрен еще митрополитом Арсением в 1919 году согласно Указу Святейшего Патриарха Тихона. Для организации кафедры была создана особая комиссия под руководством настоятеля Троицкого собора Михаила Ильинского в составе трех священников и пяти мирян.

Пасторское собрание утвердило рекомендации комиссии:

— Кафедральным храмом для епископа считать Троицкий собор, при нем же и местожительство епископа.

— Открыть при соборе 1 протодьяконскую и 2 штатных дьяконских должности.

— Церквям и монастырям содержать епископа продуктами[9].

Выборы в пресвитерское управление, проходившие 4 сентября, оказались весьма бурными и подтвердили начинающийся в новгородском духовенстве раскол. Отец Павел Беляев, настоятель Софийского собора, отказался от предложения вступить в пресвитерское управление. Вместо него дал согласие протоиерей Александр Серпухов.

Управляющий епархией епископ Крестецкий Серафим пожелал оставить свой пост и удалиться в Вяжищский монастырь, где он прослужил уже более 8 лет. Владыка согласился лишь быть помощником вновь избранному епископу Новгородскому Александру (Лебедеву)[10].

Еще 20 августа Высшее Церковное Управление уведомило, что оно утвердило «в должности членов Новгородского епархиального управления» протоиереев К. Яковцевского, М. Войка, А. Серпухова, священников Ф. Тихомирова, Г. Цветкова, архимандрита Макария (Опоцкого). Управляющим архиереем в сане епископа ВЦУ утвердило Александра Лебедева, уполномоченным ВЦУ по Новгородской епархии — протоиерея Вячеслава Немова.

...Новый епископ Новгородский Александр, в миру Александр Васильевич Лебедев, родом был из священнической семьи, закончил калужскую духовную семинарию, затем — Московскую Духовную Академию, получив диплом кандидата богословия. Большая часть его жизни была посвящена воспитанию юношества: после непродолжительного служения в Калужской епархии А. В. Лебедев получает назначение на должность законоучителя в Череповецкое реальное училище и женскую гимназию. В 1901 году он переезжает в Новгород и начинает служить в обеих новгородских гимназиях. В 1906 году А. В. Лебедев был возведен в сан протоиерея, награжден орденом Св. Анны III ст. С 1914 по 1919 год А. В. Лебедев «был безработным пенсионером». С 1919 был настоятелем городской Молотковской церкви. К моменту избрания епископом в августе 1922 года был — и 62-х лет от роду[11].

При определении кандидатов для поставления во епископы на уездные кафедры наибольшее число голосов получили архимандриты Иоаникий, Тихон, протоиереи Н. Соколов, М. Фаворский, священник А. Нименский, и все они отказались войти в число кандидатов[12].

Непредвиденные сложности возникли с поставлением епископов в уезды. Их избрание происходило путем подачи записок. Избранными кандидатами оказались протоиереи К. Яковцевский, А. Ваучский, М. Смелков (Демянский собор), М. Твердынский, А. Быстров (Крестецкий собор) и архимандрит Макарий (Опоцкий).

Проект распределения новоизбранных епископов по уездам в первой редакции предлагал следующую расстановку:

— Тихвин — протоиерей М. Твердынский,
— Кириллов — протоиерей А. Ваучский,
— Череповец — протоиерей М. Смелков,
— Боровичи — архимандрит Макарий,
— Демянск — протоиерей А. Быстров,
— Старая Русса — протоиерей К. Яковцевский.

А далее начались непредвиденные перемены в настроениях и намерениях новоизбранных епископов и епархиального управления. НЕУ предложило епископу Серафиму кафедру в Боровичах, о чем владыка и поспешил уведомить настоятеля Троицкого собора протоиерея Михаила Ильинского. Ответ пришел весьма неожиданный: приветствуя назначение епископом Боровичским «как человека нам уже знакомого, простого в обращении, с высоким молитвенным духом», протоиерей сообщал положение дел в Боровичах.

Ободренные новыми веяниями как в обществе, так и в церковной среде, духовенство и миряне пожелали избрать пастыря-архиерея из своей среды. Такое доверие они оказали священнику Николаю Гиляровскому, но ВЦУ сочло нужным направить его в Баку. Тогда общее собрание выдвинуло три кандидатуры: архимандрита Макария (Опоцкого), архимандрита Сергия (Сперанского) и епископа Серафима. Но пока боровичане определяли срок выборов, епархиальные власти сами решили судьбу кафедры. «Не мое дело разбирать причины такого поспешного решения Новгородского Епархиального Управления в вопросе весьма серьезном для боровичан, — писал М. Ильинский, — но я должен зафиксировать тот факт, что такое решение без опроса местного православного населения вызвало протесты как со стороны духовенства, так и особенно от мирян, ибо и в Новгороде поставлен епископом кандидат, избранный свободно духовенством и населением»[13].

Автор просил епископа повременить с приездом, тем не менее встретить его обещал колокольным звоном.

Одновременно протоиерей М. Ильинский обратился и в Епархиальное управление:

«— ...нельзя ли предоставить пастве право избрать местного епископа из предложенных кандидатов;

— ...нельзя ли отклонить всякое назначение епископа в Боровичи без опроса местного населения;

— В Боровичах разнесся слух о назначении в Боровичи епископом Серафима — бывшего Крестецкого»[14].

Несмотря на такую взволнованную обстановку епископ Серафим отважился выехать к новому месту своего служения.

Тем временем в НЕУ стали поступать заявления от кандидатов в епископы. Священник Голинской церкви протоиерей Вас. Лебедев в письме от 25 сентября пишет: «Мои немолодые лета и уже соединенные с ними телесные немощи требуют по времени покоя и служат предвестниками смертного конца. При наступающей моей инвалидности жалко бросить свой домашний угол... Жизнь в деревне... Далеко отстал от современной жизни, требующей от епископа высокого ума, твердой памяти, энергичной деятельности и прочих достоинств и научного знания... Я вынужден слезно просить Епархиальное управление исключить меня из числа кандидатов во епископа и милостиво простить меня за выраженное мною ослушание»[15].

Следом поступает послание от протоиерея Передской церкви Боровичского уезда Павла Демянского: «...честь имею заявить, что, принося искреннюю благодарность за внимание к моему недостоинству, изъявить свое согласие на принятие епископства не могу — епископское служение настолько высокое служение, что я считаю себя совершенно недостойным его. За последнее время я настолько физически ослабел, что не в силах выполнять теперь обязанности, которые возлагает это высокое звание...»[16].

Заявления «ослабевших старцев» были приняты к сведению. Незанятые кафедры в Тихвине и Устюжне предложены священникам Д. Устрицкому и Н. Осницкому. В протоколе № 42 от 27 октября 1922 года заседания Епархиального управления зафиксировано их, а также протоиерея М. Смелкова согласие «принять назначение». Наречение и хиротония должны были состояться в Новгороде, но ни того, ни другого не произошло: через две недели в управление поступает обращение священника Селищенской церкви Валдайского уезда Д. Устрицкого: «По тщательном и всестороннем обсуждении вопроса об епископстве в г. Тихвине или Устюжне я пришел к заключению, что жребий епископского служения для меня неподходящ как по слабости здоровья, так и особенно по недостаточности твердости характера, столь необходимой в столь трудное для Церкви время, почему беру свои слова обратно и прошу не считать меня кандидатом на епископство в Тихвин или Устюжну»[17].

Следом за Д. Устрицким просит освободить от принятия сана и Н. Осницкий и оставить его при своей Соминской церкви в Устюженском уезде[18].

О полученных отказах было незамедлительно сообщено в ВЦУ, которое в это время по-прежнему пыталось противостоять Патриарху Тихону. 1 сентября в Новгород поступило циркулярное распоряжение за № 821: «Высшее Церковное Управление в заседании своем от 23 августа с. г. протокол № 36 постановило:

1. Прекратить вознесение за богослужением имени Патриарха Тихона и

2. возносить за оным поминовение по следующей формуле: «Вселенские Православные Патриархи, Высшее Церковное Управление, преосвященные епископы, честное пресвитерство, во Христе дьяконство и весь причт и люди...».

Настоящее постановление ВЦУ предписывает незамедлительно объявить через благочинных всему духовенству епархии к неуклонному исполнению».

Циркуляр был подписан заместителем председателя Совета протоиереем В. Красницким[19].

Но не закончился и сентябрь, как ВЦУ снова шлет в Новгород гневное указание, наличие которого свидетельствует о сложной обстановке в епархии и о неприятии большинством священников нового церковного движения. Требуя неукоснительного исполнения предписания № 821, ВЦУ предупреждает: «...неисполнение означенного распоряжения будет служить знаком явной политической контрреволюционности, ибо поминовение имени Патриарха уже не является актом церковным при существующих условиях, а явной политической демонстрацией; а также не просто неподчинением распоряжениям ВЦУ, определенной политической игрой под церковным покровом. Неся на себе ответственность за общественный мир церковный, ВЦУ предлагает ЕУ доносить о лицах, не подчинившихся сему предписанию, увольняя немедленно от занимаемых должностей всех настоятелей церкви, где таковые распоряжения

не будут исполняться». Сие витиеватое послание подписали митрополит Антонин и А. Введенский[20].

Несмотря на столь строгие указания и даже угрозы, большая часть новгородского духовенства отказывалась поддерживать обновленческое движение. Наиболее твердую позицию занял епископ Валдайский Иосиф. 24 декабря 1922 года он созвал собрание клириков и мирян уезда. В принятой резолюции собрание подтвердило, что не признает каноничности власти Высшего Церковного Управления, зато признает «вред для Православной Церкви от проводимых ими в жизнь изменений в канонах и обрядах Православной Церкви».

Участники собрания потребовали «немедленного, не позднее февраля 1923 года созыва Всероссийского Поместного Собора согласно правил созыва собора 1917 года». В заключение собрание постановило: «Временно, признавая и подчиняясь власти епископа Валдайского Иосифа, который имеет управлять на правах самостоятельного епископа», жить без уездного пресвитерского совета[21].

Епархиальному управлению епископ посчитал нужным сообщить: «Для поддержания мира и успокоения возмущенных умов, особенно мирян я согласился заведывать духовными делами уезда только до созыва Епархиального съезда духовенства и мирян»[22].

Уже через неделю из Москвы поступило распоряжение — епископа Валдайского Иосифа вызвать в ВЦУ для объяснений по вопросу об автокефалии в его викариатстве, на что владыка смиренно отписал: «...я болен, предстоит тяжелая операция, и поехать не только в Москву, но и в Новгород не могу. До сих пор управляю делами уезда только в пределах, данных мне архиереем, о чем и прошу уведомить ВЦУ»[23].

Не менее напряженно складывалась обстановка и в Старорусском уезде. Священники по-прежнему возносили на ектенье Патриарха Тихона, отказывались выполнять указания как ВЦУ, так и Епархиального управления.

Интересные сведения излагает в своем отчете протоиерей Павел Парфинский — благочинный 1-го Старорусского округа, который 8 и 9 декабря знакомил сослуживцев с постановлением ВЦУ № 821.

Наместник Спасо-Преображенского монастыря иеромонах Макарий заявил благочинному, что настоящее предписание примет к исполнению и подпишется под ним, если подпишутся другие настоятели старорусских церквей.

Протоиерей Желобовский, настоятель Свято-Духовой церкви, от подписи отказался и ничего не сказал о новой формуле поминовения. Белонецкий, настоятель Благовещенской церкви, на предписания ВЦУ и Епархиального управления «махнул рукой, не желая знакомиться с содержанием». Муравьев, настоятель Дмитриевской церкви, от подписи также воздержался: «ему легче от должности отказаться, чем со стороны своего прихода подвергаться испытаниям, какие приходится испытывать мне от моих введенских прихожан», заметил мимоходом в отчете отец благочинный. Единственным, кто подписал директиву, был протоиерей Поспелов, настоятель Петропавловской церкви, при этом он попросил копию — «для своего коллектива»[24].

До конца декабря 1922 года во многих старорусских церквях звучала прежняя форма поминовения: Патриарха Тихона, митрополита Арсения, епископа Димитрия[25]. При опросах одни священники отрицали сей факт, другие уклонялись от конкретного ответа[26].

Уполномоченный ВЦУ по Новгородской епархии протоиерей В. Немов представил властям подробный отчет о положении дел в подведомственной епархии, который и был заслушан 29 декабря на заседании ВЦУ. Принятое постановление мечет «гром и молнии» в адрес новгородских священников:

— епископа Валдайского Иосифа призвать в Москву для разборки вопроса об автокефалии;

— епископ Боровичский Серафим увольняется на покой с предупреждением: «если он не признает ВЦУ, НЕУ и епископа Александра, то будет выслан за пределы епархии».

— За неподчинение ВЦУ и НЕУ, за несочувствие обновленческому движению Высшее Церковное Управление уволило настоятеля Новгородского Никольского собора протоиерея И. Созина и уволило от должности с запрещением священнослужения настоятеля Спасской церкви в Новгороде Н. Семеновского — впредь до его раскаяния»[27].

Положение в Старорусском и Валдайском уездах настолько озаботило членов ВЦУ, что 6 пунктов постановления из 16 касались непосредственно этих уездов:

— «поручить НЕУ обратить особенно внимание на уезды Старорусский и Валдайский, приняв самые решительные меры к ликвидации в них автокефалии и стремления к ней. Уполномоченному протоиерею Немову предлагается иметь особенно наблюдение за исполнением настоящего предписания».

— «В целях успокоения епархии разрешить собрать Епархиальный съезд прогрессивного духовенства, сообщив о времени созыва ВЦУ».

— «Для более успешной борьбы с автокефалией и укрепления обновленческого течения в Новгородской епархии командировать для постоянной работы туда члена Пленума ВЦУ протоиерея А. Нименского для участия его в работе Новгородского Епархиального Управления на правах его члена».

Получил указания и епископ Александр (Лебедев), возглавлявший обновленческое движение в епархии: «...обратить особое внимание на обновленческое течение, раскрывая пред верующими его сущность и необходимость, для чего рекомендовать ему выезды по епархии».

Протоиереи Нименский, Немов и Братоновский получили от ВЦУ благословение «совершать с показательной целью на русском языке богослужение по городам и селам»[28].

Чувствуя свое бессилие перед священниками — приверженцами Патриарха Тихона (для них в скором времени стали использоваться определения «тихоновцы» или «староцерковники») обновленцы стали обращаться за содействием к государственной власти. Первыми это сделали руководители ВЦУ во главе с А. Введенским. Как пишут авторы «Очерков по истории русской церковной смуты», «не надо было быть историком, чтобы сообразить, где было это место, в котором делалась религиозная погода — в кабинете Е. А. Тучкова, одного из руководящих работников ОГПУ»[29].

Подобные «взаимоотношения» быстро достигли губернских управлений. Уже в июле 1922 года Новгородский губком РКП(б) разослал ответственным секретарям укомпартов следующее письмо с обязательным грифом «совершенно секретно», под которым вершилась вся деятельность относительно Церкви: «...имеются сведения, что в печати или устной агитации появляются сведения о том, что Советская власть в лице исполкомов, ГО ОГПУ и партии оказывают поддержку новому течению в Церкви. На основании

строгой директивы ЦК мы обращаем Ваше внимание на то, что ОФИЦИАЛЬНО какое бы то ни было вмешательство в дела Церкви ни для органов Советской власти, ни тем более для партии БЕЗУСЛОВНО НЕДОПУСТИМО ни в смысле содействия, ни в смысле противодействия.

Пора понять, что ФАКТИЧЕСКИ, поддерживая то или иное течение в Церкви, власть и партия вовсе не ставят себе целью действительную поддержку такового, и относится к этим течениям благосклонно только потому, что всякое новое течение раскалывает Церковь, что конечно приходится только приветствовать.

Поэтому, настаивая на осторожной, вполне конспиративной поддержке новых церковников, Губком в то же время возлагает ответственность на бюро укомов в целом за те случаи, когда это содействие станет достоянием масс и расшифрует наше действительное отношение к церковному вопросу»[30]. В основание этого обращения заложена телеграмма ЦК РКП)б) за № 5308с.

Как видите, двурушническая политика большевистского ЦК просматривается во всех его действиях: декларируется одно, на деле осуществляется противоположное.

Копии этого письма получили партийная фракция губисполкома, губернский отдел ОГПУ, ответственный секретарь губернской газеты «Звезда».

Следующие два документа без всяких сомнений свидетельствуют о тесном сотрудничестве обновленческих священников с органами ОГПУ. 23 января 1923 года член ВЦУ протоиерей А. Нименский и уполномоченный ВЦУ по Новгородской епархии протоиерей В. Немов представили в НЕУ свой доклад о продолжающемся в церквях возношении имен Патриарха Тихона и митрополита Арсения. Жалуясь на непослушание священников, на неисполнение распоряжений Управления, они пишут: «Получается церковный разврат, которому надо положить предел и обезопасить себя от неприятных последствий со стороны гражданской власти». Далее ретивые служители советуют копию распоряжения ВЦУ за № 821 отправить в Новгородское отделение госполитуправления. А далее... Далее они предлагают:

«...2. О всех лицах, не подчиняющихся епархиальному управлению, сообщать в ВЦУ и копию — в ГПУ (с заявлением, что НЕУ снимает с себя ответственность...)

3. В первую очередь сообщить, что такими лицами являются в Новгороде священник Спасской церкви Н. Семеновский, в Старой Руссе — протоиерей А. Пылаев, священники Болонецкий и Желобовский, именующий себя священником дьякон Введенской церкви Соболев и псаломщик Духовской церкви Михайловский.

...Если Епархиальное управление с нашими предложениями не согласится, мы, в свою очередь, о таком несогласии с целью обезопасить уже лично себя, должны будем довести до сведения гражданской власти о принятых нами мерах»[31]. Далее следовали имена и подписи. Наверное, это один из первых политических доносов, так обстоятельно оформленных. Новгородский отдел ГПУ с готовностью распорядился, получив такое «верноподданническое» послание: «...незамедлительно указать губотделу на тех священнослужителей в губернии и самом Новгороде, которые, несмотря на указания ВЦУ, продолжают поминать его (Тихона), и тем самым способствуют внедрению в массы контрреволюционных воззрений.

Указание вами на таких лиц может послужить вам в оправдание и снятие с себя ответственности»[32].

Конечно же нашлись охотники «снять с себя ответственность». В фонде НЕУ имеется, например, «Дело по доносу священника Луженской церкви Демянского уезда Андреева на священника той же церкви Павла Знаменского, как непризнающего существующее Епархиальное управление»:

— «я слышал, что о. Павел Знаменский обозвал Епархиальное управление еретическим»,

— «За литургией преосвященного Александра не поминал, поминал Патриарха Тихона...»

— «из его проповеди следовало: прихожанам не признавать новых епископов, священников, рукоположенных не православными, а обновленцами...»[33].

Основная масса доносов поступала, в первую очередь, в органы НКВД и ОГПУ. В Новгородский уездный отдел управления 17 апреля 1923 года из Ракомского волисполкома поступило сообщение, помеченное «секретно»: «доношу до Вашего сведения, что в Георгиевской церкви, по имеющимся сведениям, происходило поминовение Патриарха Тихона. Поминовение производить велел член коллектива верующих Павел Гуров. Настоящий факт ВИК считает преступным, ибо церковь производит поминовение контрреволюционера, каковым является Тихон... Одновременно сообщено милиционерам, чтобы произвести следствие»[34].

В напряженной обстановке всегда объявляются люди, четко чувствующие политику власть имущих, даже если эта политика и не растолковывается на страницах губернской газеты.

Примером такого ярого исполнения чиновничьего долга можно привести случай из практики административного отдела Демянского уезда. Заместитель начальника Богданов, будучи в командировке в селе Новая Русса приказал тихоновцам служить в церкви по-обновленчески. «Кроме того, Богдановым отбирались подписки от служителей культа. Последние обязывались совершать религиозные обряды по-новому, что порождало у массы возмущение, якобы гражданская власть вмешивается во внутренний распорядок православной религии и насильственно гонит ее»[35].

Но не успел еще начальник отдела т. Карасов разобраться со своим подчиненным, как кто-то из его окружения уже поспешил уведомить вышестоящее начальство. Из Новгорода поступили грозные указания: проверить, разобраться, донести... Сведения, конечно, подтвердились, т. Богданова от занимаемой должности немедленно отстранили, верующим объявили, что «они служение могут производить так, как они желают...»[36].

Думаю, что подобные «радетели» находились и в других уездах, только не все истории фиксировалось в документах.

Осознав, что обновленчество пользуется поддержкой всесильного ОГПУ, многие священники стали уклоняться от открытого сопротивления и искать менее выразительные формы протеста. Для этой цели стал использоваться экономический вопрос — отчисление взносов в общую членскую кассу ВЦУ, причем ведущую роль стали играть коллективы верующих.

20 января 1923 года коллектив верующих Перекомской церкви Новгородского уезда постановил:

— Денежных сумм из владения коллектива и прихожан никому не отдавать и никаких отчетов не представлять.

— На содержание Высшего и Епархиального управлений ничего не давать, а выданные суммы по 10 млн. руб на означенное управление церковным старостой без ведома коллектива — считать ошибкой.

— Подписи затребовать обратно.

— коллектив верующих и прихожане постановили впредь до постановления Собора повсеместно никаких распоряжений ни Высшего Церковного Управления, ни Епархиального Управления не принимать как неканонических и незаконных»[37].

Братия Перекомского монастыря обратилась к своему благочинному, священнику Курицкой церкви В. Светловскому: «любим святую Православную нашу веру, изложенную святыми Апостолами и отцами, а также изложенную в Символе веры. Никакой другой Церкви неканонической и незаконной не признаем»[38].

В феврале 1923 года НЕУ получило рапорты нескольких благочинных о невозможности выделить назначенные суммы для содержания центрального и епархиального аппаратов.

Благочинный 4-го округа Тихвинского уезда Я. Бойков сообщал: «сознавая всю важность финансовой стороны дела для проведения в церковную жизнь новых начал, при всем своем желании и старании у меня нет ни малейшей возможности представить эти и другие сборы и отчеты к сроку совершенно»[39].

Более обстоятельное послание пришло от благочинного 5-го Старорусского округа священника В. Попова: «30 января ст. ст. у меня было пасторское собрание, на котором был поднят вопрос и о 14-млн. взносе от церквей округа на нужды Новгородской епархии. Священники со своей стороны не прочь дать эту сумму, но оговариваются: «А как советы?» Советы же (приходские) вообще несочувственно относятся к обновленческому движению и потому деньги, если и дают, то с большою неохотою и оговоркою: «А вам куда они? На ваших комиссаров что ли? У нас и без вас в церкви нужд много, а доходов нет». Вот какой ответ получается обыкновенно на просьбу о деньгах на нужды епархии...

Не благочинные виноваты, а виновато положение, создавшееся в настоящее время в Православной Церкви. Прежде я знал, что если кто не отдаст мне беспрекословно на епархиальные нужды, так это один г. Юхнов (староста), а теперь я уверен, и то не вполне, что уплатит один г. Шматов, а остальные 11 — нет.

Много нужно хлопот употребить и благочинному, и местному священнику, чтобы склонить их к пожертвованию на дело для них несимпатичное. Поэтому не благочинных нужно винить в оскудении епархиальной казны, а постараться вывести должно Церковь из того критического положения, в какое она поставлена теперь. Для этого нужно если не Поместный собор, созыв которого не от нас зависит, и обойдется дорого, то по крайней мере Епархиальный съезд. Этот обойдется дешевле и может быть оборудован скорее»[40].

Это послание столь красноречиво в оценках происходящих событий, что было бы непростительно давать его в изложении.

Окружное благочинное собрание духовенства и мирян 5 округа Белозерского уезда, состоявшееся 14 марта 1923 г., отказалось отчислить средства на нужды ВЦУ[41].

По-прежнему стоял вопрос и о вакансиях на епископские кафедры. 14 марта старорусское уездное собрание духовенства и мирян провело выборы епископа Старорусского, викария Новгородского. Баллотировалось пять человек: А. Тогатов, К. Яковцевский, В. Устрицкий, архимандрит Антонин и епископ Макарий (Опоцкий). Наибольшее число голосов получил протоиерей Свинорецкой церкви А. Тогатов[42]. А вот благочинническое собрание духовенства и мирян 1-го Тихвинского округа, которое происходило 14 декабря 1922 года, постановило: «Назначение епископа в город Тихвин признали неблаговременным ввиду материального бедственного положения приходов, где местное духовенство само голодает, а других средств содержания нет»[43].

1923 год закончился волнениями среди прихожан старорусской Введенской церкви. Представители уездного исполкома обследовали церковь и обнаружили в подсобном помещении «контрреволюционную» литературу, а во время богослужения услышали в поминовении имя Патриарха Тихона, а также арестованных священников Ростовцева, Пылаева, Орлова[44]. Усмотрев во всем этом злостную контрреволюцию, УИК решил расторгнуть договор с коллективом верующих, а церковь закрыть.

Несмирившиеся прихожане обратились с жалобой в V отдел Наркомюста и губисполком, изложив суть дела. Обнаруженная «куча книг» (819 шт.) не что иное, как учебная библиотека церковно-приходской школы, которая закрыта. В поминовении Патриарха Тихона и священников никакого «злого умысла» против правительства не было. «Мы даже готовы допустить, что некоторая демонстративность и была, но она ни в коем случае не относилась к правительству, а к обновленцам», — говорилось в заявлении.

Относительно поминаемых Патриарха и священников староруссцы пояснили: «То, что эти лица считаются контрреволюционными, нас во время молитвы не касается. Духовного же сана они надлежащим духовным судом не лишены, а потому по нашим правилам продолжают быть духовными руководителями Православной Церкви.

Так как правительство никаких религий не признает, то мы считаем, что для него совершенно безразлично, как и за кого мы молимся, а поэтому нам и в голову не приходило, что правительство этим может быть задето»[45]. Прихожане также сообщили, что их приходской священник П. Парфинский «отпал в обновленчество», за что приходской совет Введенской церкви уволил его от службы.

История эта после длительной переписки закончилась тем, что Введенскую церковь передали верующим обновленческого толка, о чем президиум губисполкома 22 июня 1924 года сообщил в Президиум ВЦИКа с пояснением: «В пользовании группы старого толка имеется 15 церквей»[46].

1924 год стал временем напряженного противостояния Тихоновцев и обновленцев. Оно выразилось прежде всего в борьбе за владение храмами и началось в январе письмом верующих г. Боровичей в губернский административный отдел — вернуть заявителям церкви, «отданные в распоряжение обновленческих священников». В самой этой фразе заключается основной смысл противостояния — церкви в распоряжении священников того или иного толка. Сами прихожане, судя по множеству архивных документов, не очень-то вникали в суть разногласий между противоборствующими сторонами. Они шли прежде всего за своими духовными отцами, за своими приходскими священниками, под наставничеством которых прожили многие годы. Конечно же они доверяли им и в выборе дальнейшего пути.

Именно по этой причине так накалилась обстановка в Боровичах. Переписка на 63 листах о городских храмах совершила круг через губернские инстанции и V отдел

Наркомюста. Суть жалобы заключалась в том, что городские власти расторгнули договоры с группами верующих при Троицком соборе, церквях Спасской, Свято-Духова и женского монастырей без всякой на то причины и передали эти храмы обновленцам. «Тогда как все население города составляет 15 тыс. человек, а с окрестными пригородными деревнями 25 тыс. человек, принадлежащих к старому течению Православной Церкви»[47].

V отдел Наркомюста своим распоряжением № 1960 от 23 января 1924 года предложил Новгородскому губисполкому «урегулировать возникшие между группами споры из-за обладания храмами в Боровичах мирным путем, распределив в каждом приходе наличные храмы между группами старого и нового толков по возможности сообразуясь с количеством населения, и предоставив каждому толку в каждом приходе во всяком случае по 1 храму с обязательством жить мирно и не нарушать общественного порядка»[48].

Однако местные власти проигнорировали московское указание, и в столицу снова пошли жалобы. Здесь уже сам заведующий V отделом, член коллегии Наркомюста П. Красиков шлет в губисполком за личной подписью требовательное распоряжение о регулировании поднятого вопроса. Всего же на жалобы боровичан из Москвы поступили: телеграмма НКЮ № 1602, два распоряжения от 23 января — № 1960 и 12 февраля и, наконец, телеграмма Президиума ВЦИК от 15 февраля 1924 года. Ответ держать пришлось Малому президиуму губисполкома. В постановлении от 24 февраля он определил: предложить Боровичскому уисполкому немедленно передать староцерковникам одну из церквей — Спасо-Преображенскую или Троицкий собор (по своему усмотрению). Договор, заключенный УИКом с коллективом обновленцев с одной из указанных церквей, должен быть расторгнут[49].

Здравому смыслу непостижимо: Церковь, отделенная от государства, находится в беспрекословной зависимости от этого отделившегося государства, которое решает ее проблемы по своему усмотрению. Только сейчас, на расстоянии десятилетий, приобретя какие-то свободы и понятия о правовом государстве, начинаешь осознавать, в каком же бесправном обществе мы жили.

После всех перипетий обновленческое течение стало располагать в Боровичах Троицким, Введенским и Никольским соборами, Успенской и Тихвинской церквями. В ведении тихоновского течения остались пять церквей бывшего монастыря Якова Праведного, церковь бывшего монастыря «Взыскание погибших», в самом же городе — Спасо-Преображенская[50].

В это же время подобная жалоба поступила в орготдел ВЦИК от верующих г. Демянска. Проблема все та же — все храмы переданы в руки обновленцев, староцерковников не регистрируют. 3 апреля 1924 года из Президиума ВЦИКа поступило предложение: разделить храмы полюбовно. Пришлось административному отделу губисполкома рассмотреть и эту жалобу. Выяснилось, что староцерковников в Демянске осталось 303 человека, обновленцев — 1001. Поэтому им отдали Богоявленский собор, Крестовоздвиженская церковь отошла к приверженцам Патриарха Тихона[51].

Если в Боровичах и Демянске верховенствовали обновленцы, то в Новгороде ситуация сложилась противоположная. В 1925 году, когда обновленческое движение достигло своего наиболее мощного размаха, особенно после кончины Патриарха Тихона, в Новгороде обновленцы владели всего лишь часовней Чудного Креста около Волховского моста. Неудивительно, что вновь образовавшаяся группа верующих-обновленцев обратилась в губисполком с ходатайством передать в ее пользование Знаменский собор.

Губисполком всесторонне изучил состояние церковных дел и постановил передать обновленцам просимый храм — у верующих тихоновской ориентации остались Софийский, Никольский соборы и 44 приходских церкви. ВЦИК, куда с жалобой обратились тихоновцы, оставил в силе решение новгородских властей[52].

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что центром обновленческого движения в Новгородской епархии становятся Боровичи, тогда как исторический центр Новгород, его кафедральный собор, практически все церкви находились у сторонников Патриарха. Неудивительно, почему именно в Боровичах в феврале 1925 года появился не кто иной, как сам Александр Иванович Введенский. Представлялся он как московский профессор, доктор богословия, митрополит Александр Введенский. В заявлении в административный отдел Боровичского горисполкома он написал: «Прошу разрешить прочитать мне три лекции по прилагаемым тезисам. Эти лекции, читаемые мною по всей России, имеют своей задачей разгром церковного черносотенства (тихоновщины тоже) с точки зрения политической (Христос и Антихрист), религиозной — есть ли Бог, и бытовой — женщина, брак, свободная любовь и Церковь»[53].

Отказа профессору не было, и два дня, 10 и 11 февраля, в Красных казармах собиралась публика слушать знаменитость, покупая при этом входные билеты от 40 коп. до 1,5 руб. стоимостью. Этот визит описан начальником Боровичской милиции в докладной от 5 марта: «По вызову обновленцев приезжал в Боровичи митрополит Введенский для чтения лекций. Собрал 1200 рублей и уехал в Москву, обещая там за них хлопотать, но до сего времени ничего утешительного для обновленцев нет, хотя последние не теряют надежды на получение от Синода материальной поддержки»[54].

Единой Новгородской епархии в эти годы, практически, не существовало. Официально оформленное Епархиальное управление обновленческого толка не могло считаться единой властью единой Церкви, так как существовала и другая Церковь — Патриаршая. Ее возглавлял канонический митрополит Арсений, хотя и находившийся в ссылке. Обязанности временно управляющего епархией доводилось исполнять попеременно нескольким лицам — архиепископам Серафиму (Велицкому), Иосифу (Николаевскому), Венедикту (Плотникову), Алексию (Симанскому)*.

Относительно митрополита Арсения ВЦУ распорядилось по-своему: 2 ноября 1922 года Президиум ВЦУ уволил владыку от управления епархией и назначил ему местом жительства Иверский монастырь. Затем назначение было изменено на Саровскую пустынь[55]. Ни того, ни другого, как известно, не произошло: в июне 1923 года после освобождения из-под ареста по делу Патриарха Тихона митрополит Арсений был сослан в Среднюю Азию — сначала в Ашхабад, затем переведен в Ташкент, где в 1933 году ему была доверена святительская кафедра. В сане митрополита Ташкентского и Среднеазиатского 10 февраля 1936 года он и покинул сей мир.

---

* Акты святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 936.

Напряженная политическая борьба, которую развернули в столицах обновленческие лидеры, ставила Русскую Православную Церковь в неимоверно сложные условия: поддерживаемые правительством реформаторы постоянно клеветали на православное духовенство — «тихоновцев», обвиняя их в тайных контрреволюционных происках, в сопротивлении советской власти. Фактов у обличителей не было, да и не могло быть, поскольку Патриарх, понимая невозможность возврата к прежним порядкам, открыто заявил о лояльности Русской Церкви к установившемуся порядку и постоянно призывал своих клириков смиренно принять обстоятельства.

Такая установка Святейшего позволяет понять действия новгородского православного духовенства. В декабре 1924 года управляющий Новгородской епархией архиепископ Иосиф Николаевский обратился в губернский административный отдел за разрешением созвать съезд духовенства и мирян до 150 человек на два заседания: утреннее и вечернее. Весьма многозначительна цель этого съезда:

— «засвидетельствование единодушного искреннего желания покончить навсегда со всеми недоразумениями в отношении Советской власти;

— выражение полной ей преданности и всецелой готовности поддерживать ее во всех ее добрых начинаниях, направленных ко благу трудящихся»[56].

Далее шли вопросы организации епархиальной жизни. Но последний стоит привести дословно: «об изыскании средств в пособие на поддержание и лучшее сохранение новгородского кафедрального собора, имеющего не только общеепархиальное, но и мировое значение замечательнейшего памятника древности, подвергающейся опасности разрушения...».

В эти годы Политический сыск набрал повсеместную силу, поэтому запрос архиепископа незамедлительно был направлен в губернский отдел ОГПУ. Ответ пришел только через месяц. Такое промедление, надо думать, было вызвано не забывчивостью или нерасторопностью «ОГПушников», а преднамеренным расчетом продержать в тревоге и неопределенности архиепископа Иосифа, возглавлявшего тихоновское течение в губернии. «По политическим соображениям» в ходатайстве было отказано. Соображения были обстоятельно изложены: «...все граждане СССР должны по крайней мере лояльно относиться к существующей власти, и особого принесения «верноподданнических» чувств, в особенности со стороны служителей религиозного культа Советской власти не требуется, т. е. последняя в таковых не нуждается».

Не оставлен без внимания и последний вопрос предлагавшейся повестки: «...ГАУ следит за сохранением государственного имущества, переданного коллективам верующих, которые и отвечают перед гражданской властью, а в случае несоответственности коллектива» само собой, договор расторгнуть, имущество передать гражданской власти[57].

Трудно назвать этот документ ответом — скорее, отповедь, вызывающе пренебрежительная, в которой ощущается общее настроение властей по отношению к Церкви, особенно к ее тихоновскому толку. Тем не менее, несмотря на отрицательную окраску документа, сейчас он сообщает много интересной и даже положительной информации: в епархии сохранились устои Русской Православной Церкви. Они настолько сильны, что решаются провести в Новгороде епархиальный съезд духовенства и мирян! Сохранилось епархиальное управление. Правда, это управление, в отличие от обновленческого, в административном отделе не зарегистрировано. Но оно существовало, и с ним считались. Имелась в Новгороде и пастырская школа для подготовки священнослужителей, которой заведовал преданный соратник митрополита Арсения В. Н. Фиников. О ее содержании также стоял вопрос в повестке недозволенного съезда[58].

История с епархиальным съездом на этом не закончилась. 25—26 февраля 1925 года уже в Старой Руссе состоялся съезд духовенства и мирян, сторонников обновленческого течения. Зная, что оно поддерживается властями, начальник старорусской уездной милиции Шумский разрешил провести съезд, не уведомив об этом губернский отдел. Такое «самоуправство» подчиненного разгневало губернское начальство, которое, конечно же, «имело сведения» о случившемся. Представленный отчет и копия протокола «общего собрания духовенства и мирян» всесторонне обрисовывают состояние обновленчества в Новгородской губернии.

Интересно само разрешение вопроса. Ходатайство о созыве «епархиального собрания духовенства и мирян Новгородской епархии» было послано в Священный Синод Епархиальным управлением, пребывавшим в Боровичах. Сюда же поступил и Указ Синода от 20 января с благословением на проведение собрания. Этот адрес в переписке с центральной властью дает право считать, что обновленчеству не удалось обосноваться в Новгороде, и епархиальному управлению пришлось перебраться в Боровичи. О невозможности «устроить епархиальное собрание в Новгороде» говорил на его открытии и архиепископ Александр[59].

Одной из задач собрания было открытие Старорусского уездного церковного управления. Кроме этого предполагалось провести переизбрание уездных церковных управлений, рассмотреть вопрос о средствах содержания Уездных церковных управлений и уездного епископа. Обращает на себя внимание третий пункт повестки: «Об избрании уездной комиссии по борьбе с тихоновщиной». Попытка создать организованное сопротивление свидетельствует о собственной слабости и неуверенности в своих силах и правоте.

Однако собрание поручило борьбу с тихоновщиной уездному управлению и уполномоченному. В уездное управление по Старорусскому уезду вошли архиепископ Александр, протоиерей Введенской церкви П. Парфинский, священник Спасо-Преображенского кафедрального собора К. Русаков. Уездным уполномоченным стал Н. Виноградов. От мирян в управление вошли Е. Александрова и Ф. Небылицын.

Вновь избранному Уездному церковному управлению собрание предложило возбудить перед Св. Синодом ходатайство «о назначении архиепископа Новгородского Александра настоятелем Старорусского Спасо-Преображенского собора как кафедрального».

Чувствуя даже скрываемую поддержку властей, обновленческие деятели отважились на весьма смелые планы: «Возбудить ходатайство перед гражданской властью о разрешении обновленческому духовенству вести беседы с детьми о вере и нравственности христианской во внеучебное время.

— Духовенству вести такие беседы не только в церквях, но и в деревнях». (Декретом об отделении Церкви от Государства это запрещалось. — ***И.С.***)

Представляя губернскому административному отделу все материалы состоявшегося съезда, уездный начальник пишет: «Выбранное уездное церковное управление просит о его регистрации, в чем прилагается их ходатайство. Со своей стороны прошу просьбу удовлетворить. Съезд духовенства и мирян был обновленческого течения»[60].

Этот документ был датирован 30 марта, а ответ ГАО — второго апреля. Он настолько примечателен, что привожу его полностью:

«Ввиду того, что вопрос о допущении существования Епархиальных управлений, а также и их организационной форме в настоящее время разрешается НКВД совместно с заинтересованными ведомствами, Адм. Губ. отдел предлагает от какого бы то ни было оформления (уставы, положения, регистрация) указанных организаций, независимо от характера создающих их религиозных течений, воздержаться впредь до особого распоряжения, установив за деятельностью таковых соответствующий надзор»[61].

Оставлю без комментариев губернский эпистолярный стиль, умудрявшийся обходиться одним предложением. Но сколько вопросов можно поставить к этому предложению?

— С какими «заинтересованными ведомствами» решает НКВД судьбу епархиальных управлений? Ведомственной может быть только Церковь. Но какая? Русская Православная? Или обновленческая? А если множественное число — с той и другой?

— «Независимо от характера создающих их религиозных течений»? Если так, значит, «обновленчество», имевшее до сих пор приоритет и поддержку властей, переходит на общее положение? Тогда чем это вызвано?

— Установление «соответствующего надзора» за всеми организациями подтверждает предположение об изменении роли обновленчества в планах государственной власти.

Так или иначе, но ответ был дан 11 апреля. Не рискую связать такую постановку вопроса с кончиной Патриарха, последовавшей 7-го апреля, хотя от существовавшего тогда правительства ожидать можно было самых невероятных решений и поступков. Не мудрено и в этом случае подумать: обновленчество было главной силой в борьбе с Патриархом. А если Его не стало? Не стало нужды и в реформаторах?

Поскольку в задачу предпринятого исследования не ставилось освещение общего положения Русской Православной Церкви в стране, то я ограничусь изложением лишь нескольких основополагающих событий. Как известно, первому Патриаршему местоблюстителю, каковым стал по завещанию Святейшего митрополит Крутицкий Петр (Полянский), недолго пришлось исполнять свои обязанности: по обыденной в то время клевете он был обвинен в тайных контрреволюционных замыслах, 10 декабря 1925 г. арестован и сослан в Сибирь. Предвидя такой исход судьбы, митрополит Петр составил завещание о передаче своих обязанностей воспреемникам. По обстоятельствам им стал митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский)[62].

В июле 1927 года Патриарший Местоблюститель с несколькими иерархами выступил с известной декларацией, в которой изложена позиция лояльного отношения Церкви к советскому государству, звучит призыв к духовенству и верующим быть «верными гражданами Советского Союза»[63].

К этому времени в противостоянии обновленцев и тихоновцев Новгородской епархии намечались перемены. Основным препятствием, на которое налетел весьма непрочный корабль обновленцев, стал госналог за эксплуатацию храмовых сооружений. Как бы ни хитрили, ни заигрывали власти с церковными реформаторами, как бы ни оказывали им политическую поддержку, в экономическом вопросе они оказались неподатливы. Уже к концу 1924 года две боровичские церкви — Спасо-Преображенская и «Взыскания погибших» были переданы от обновленцев «без всяких трений». Но переданы не просто так: тихоновцы заплатили всю задолженность обновленцев[64].

В бедственном положении оказался и коллектив верующих обновленцев при Введенском и Троицком соборах: с 1923 года не смогли выплатить причитающиеся с них налоги за эксплуатацию здания и страховые суммы. «При всем своем желании уплатить не могут, ибо состав группы этих коллективов не обеспечивает материальной стороны. Посещаемость также невелика, доходов от совершения служебных обрядов нет и других источников поступлений денежных сумм не имеется, а о ремонте церковных зданий и говорить не приходится», — так охарактеризовал положение обновленческих групп начальник Боровичского отдела милиции в марте 1925 г.[65] В конце мая он уже высказал свои определенные выводы: «Передача от обновленцев тихоновцам соборов повлечет гибель обновленческому движению. Тихоновцы с целью стараются овладеть названными соборами и тем самым помешать проведению в жизнь воли рабочих масс города по изъятию таковых, на что обновленческая группа более склонна отдать соборы в пользование рабочих под культурные цели, лишь бы не отдать тихоновцам»[66]. Так оно и случится впоследствии.

Привлекает в этих служебных посланиях не духовное противостояние в поисках Божественной истины, не борьба за свою веру, а обыкновенные земные тяжбы за владение имуществом, в данном случае — храмами. Тем не менее за этими тяжбами стояла государственная политика, направленная на раскол церкви.

Несмотря на казалось бы прочное положение обновленчества в Боровичах, и здесь у него имелась сильная оппозиция тихоновцев во главе с епископом Боровичским Никитой (Стяговым). Его судьба была тесно связана с митрополитом Арсением, с которым Стягов познакомился еще во Пскове и последовал за владыкой в Новгород, куда тот получил назначение. Свыше десяти лет протоиерей Н. Стягов служил ключарем Софийского собора и был регентом архиерейского хора. 23 апреля 1924 года, будучи уже вдовым, Николай Стягов принял постриг с именем Никита и получил назначение в Боровичи викарным епископом тихоновской церкви. Трудно всесторонне осветить деятельность владыки, так как большая часть его канцелярии была изъята сотрудниками ОГПУ во время арестов. Зато сохранились документы местных органов ОГПУ, из которых можно почерпнуть интересные сведения об атмосфере церковной жизни в Боровичах.

В июне 1927 года боровичские «ОГПушники» вздумали возбудить дело против «группировки боровичского духовенства и купечества». Интересно начало «меморандума по агентурной переписке»: «В связи с последними политическими событиями — англо-советским разрывом, убийством полпреда тов. Войкова в Польше — среди староцерковников и бывшего купечества в г. Боровичи Новгородской губернии стало наблюдаться сильное брожение. Все духовенство во главе с тихоновским епископом Никитой Стяговым стало собираться у попа Ильинского...

Самым ярым реакционером держит себя поп Ильинский Михаил, так как ранее к нему его же паства, его же соратники по алтарю относились с некоторым недоверием как к бывшему обновленцу, перекочевавшему в стан староцерковников...»[67].

Всего несколько фраз, но как много они могут сообщить о давно минувших событиях. Первое, на что обратите внимание, — сильное брожение приписывается староцерковникам и только. Значит, обновленцы все еще в чести, они воспринимаются властями отдельно от тихоновского течения и к ним нет никаких претензий.

Второе, вырисовывается судьба священника М. Ильинского: увлекся было идеями реформаторства, но через какое-то время разочаровался в выбранном пути и «перекочевал в стан староцерковников». И еще характеристика: «Ильинский одно время был обновленцем, как и все боровичское духовенство, но потом после раскола опять остался староцерковником». Наверное, сказался авторитет епископа Никиты, его твердая позиция и мудрость, коль принял раскаявшегося собрата.

Среди участников собраний в доме М. Ильинского назывались председатель коллектива верующих, бывший купец Анатолий Алексеевич Баранов. Но каковую характеристику выдает ему автор «меморандума»?! «Главарь тихоновской соборной двадцатки. В последние годы принимает деятельное участие в борьбе с новой церковью». Какая неприязнь к тихоновским сторонникам звучит в служебном докладе.

Записи опросов обвиняемых немногословно рассказывают о позиции епископа, которую он занял между двух огней: советской властью и обновленцами, каждый из которых мог в любую минуту обвинить в контрреволюционных замыслах, донести в органы ОГПУ. «...Здесь присутствовал епископ Никита, который не любит говорить о политике, нам не разрешает и при нем избегаем говорить на политические темы... Его мы уважаем и жалеем»[68].

Упомянутое дело, сфабрикованное из слухов и домыслов, было закрыто из-за недоказанности вины.

О том, как развивались события в Демянском уезде, рассказывает удивительный по существу своему документ: очередной доклад епископа Демянского Михаила (Смелкова)... Кому бы вы думали? Епархиальному управлению? Высшему Церковному? Ошибаетесь. Доклад предназначался Губернскому административному отделу! Считайте — донос. Причем, не первый, а уже третий. Доклад весьма пространный, посему излагать его полностью нецелесообразно, но привести отдельные положения просто необходимо. Главная цель этого доноса — обвинить в политических и контрреволюционных прегрешениях протоиерея Модеста Белина — лидера тихоновского течения. Уже в двух докладах епископ просил демянскую милицию «принять меры против политиканства тихоновского духовенства Демянского уезда и в первую очередь — изъять Крестовоздвиженскую церковь г. Демянска из ведения тихоновцев и передать ее соборному обновленческому коллективу»[69].

Епископ излагает целую серию примеров действий протоиерея Белина. «В погосте Пола небольшая группа тихоновцев, поддерживаемая безместным священником В. Ростовцевым, злостным контрреволюционером, несколько раз сидевшим в тюрьме за выступления против советской власти, сбила замок с церкви и насильственно ввела туда для служения Ростовцева, устранив приходского обновленческого священника В. Громцева. Тихоновцам в этом деле очень помог служащий в канцелярии демянской милиции г. Константинов, который без ведома начальника милиции, но от его имени дал предписание волостной милиции отобрать от св. Громцева ключи церковные...». Таков вот образчик священнического доноса.

Большую досаду доставила епископу М. Смелкову передача верующим тихоновцам Крестовоздвиженской церкви в Демянске: «...церковь им для объединения с Тихоном и его компанией и для борьбы с обновленцами. А ведь всем известно, что подкладка этой борьбы политическая, а не церковная. Тихоновцы ненавидят и преследуют обновленцев главным образом за то, что они лояльно относятся к советской власти». Очень знакомые аргументы.

Возмущение обновленческого епископа вызвал «съезд тихоновского духовенства и мирян, на котором, между прочим, обсуждался вопрос о водворении в Демянске тихоновского правящего епископа... Церковь эта служит местом сборищ контрреволюционеров и черносотенцев и агитационным для них пунктом...»[70].

К этому времени интерес государственной власти к обновленческому течению стал угасать. Как заметил в свое время великий философ-поэт: «Мавр сделал свое дело — Мавр может удалиться». Поэтому решительных указаний от губернского начальства в очередной раз не поступило, на что сетует автор: «...мне объявлено из Новгорода через начальника демянской милиции, что меры приняты. С того времени прошел уже месяц, а дело остается в прежнем положении...»[71].

Меры приняты будут, но позднее — через четыре года, когда в стране начнется новый массовый поход против религии и на своем пути этот поход не станет определять, к какому течению относился тот или иной коллектив верующих. Головы падать еще не будут— будут падать колокола и закрываться храмы.

Обнародованная позиция Патриаршего Местоблюстителя весьма скоро проявилась в действиях административных властей. В декабре 1927 года (Новгородская губерния в это время вошла в состав объединенной Ленинградской области) административный отдел Леноблисполкома разослал всем окружным отделам совершенно секретный циркуляр, составленный на основе такого же секретного письма НКВД от 17 ноября 1927 года за № 415/7 1/С — «О Епархиальных управлениях т. н. Сергиевского Синода»[72].

Ссылаясь на поступающие с мест запросы о регистрации епархиальных управлений тихоновской ориентации, а также на обсуждение этого вопроса с ОГПУ, административный отдел сообщал: «...в настоящих условиях следует воздержаться от выдачи каких-либо справок о регистрации т. н. епархиальных управлений или о принятии к сведению списков членов этих организаций. Однако, в тех условиях, когда по обстоятельствам времени и места кой-где могут возникнуть епархиальные управления, административные отделы, не регистрируя таковых, вместе с тем не должны и препятствовать их функционированию».

Не правда ли, знакомая большевистская позиция со времен подписания Брестского мира: и мира не подпишем, и воевать не станем...

Тем не менее эта двурушническая политика все же заронила некоторую надежду на изменение положения Православной Церкви.

Сравните этот циркуляр с небольшим документом, датированным 31 августа 1926 года, т. е. год назад: «...председателю данного коллектива (Софийского собора) гр-ну Бочанову объявлено, что в сборе денег на ремонт собора с прочих церквей и коллективов как Новгорода, так и губернии адм. отделом запрещено, т. к. никакой епархии в губернии официально не существует и регистрация таковой в ГАО не производилась»[73].

Но если в 1926 году епархии в документах советских учреждений еще не существовало, то к 1930 году положение тихоновской церкви значительно упрочилось. Уже с 1927 года Новгород начинает посещать управляющий епархией архиепископ Алексий (Симанский). По показаниям свидетелей, служил он только в Тихвинской церкви, настоятеля ее М. Войка назначил членом епархиального совета Новгородской епархии, его секретарем[74].

Не могу не привести еще один документ, датированный уже 30 ноября 1930 года: «...организованное гражданами, принадлежащими к православному вероисповеданию Московской Патриархии, возглавляемой заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, митрополитом Нижегородским, и управляющим Новгородской епархией архиепископом Алексием, религиозное Наволокское православное общество верующих в соответствии с Постановлением ВЦИК... зарегистрировано в Бронницком райадмотделе Ленобласти»[75].

Из этого небольшого удостоверения становится ясно, что Патриаршая, бывшая тихоновская церковь получила права существовать официально. В сводке по Новгородскому району на октябрь 1934 года в 30 сельсоветах насчитывалось 34 церкви и 37 часовен. Все они значились принадлежащими к тихоновскому течению. Трудно сказать с уверенностью, что среди них не осталось двух-трех со священниками-обновленцами, но для составителя отчета, а значит и для органов власти, это уже не имело значения[76].

Последний, вероятно, всплеск обновленчества удалось обнаружить в документах Боровичского горисполкома за 1931 год. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку по стране уже третий год продолжался массовый «антирелигиозный поход», во время которого повсеместно закрывались храмы, снимались колокола, конфисковывались остатки серебряных богослужебных сосудов. И вот в обстановке атеистического психоза, когда в тех же Боровичах закрывались два собора, принадлежавших обновленцам: Введенский (теплый) и Троицкий (летний), горсовет регистрирует два новых обновленческих общества: одно при кладбищенской Всехсвятской церкви, просуществовавшее совсем недолго, другое при Успенской кладбищенской. И с ней связаны последние дни существования обновленчества, думаю, не только в Боровичах, но и во всей епархии. В образовавшиеся приходы вошли жители Боровичей и прилегающих к ним селений — Шиботово, Папороть, Тини, Бобовик, поселок 1-го Мая[77]. Допускаю, что часть успенского общества ранее входила в состав прихода при соборах.

Священником в Успенскую церковь прибыл Н. В. Третинский, 44 лет. Шестнадцать из них он прослужил в Кирилловском уезде, некоторое время был бухгалтером. С 1925 года он оказывается в лагере обновленцев: с 1 сентября 1925 по апрель 1927 года — настоятель Старорусского обновленческого собора, с апреля 1927 по 10 декабря 1930 года — настоятель Новгородского Знаменского собора, вместе с тем и заместитель председателя епархиального церковного управления. В декабре 1930 года Н. Третинский прибыл в Боровичи как уполномоченный от Ленинградского областного Митропольичего церковного управления (ЛенМОЦУ) — для замещения правящего епископа в случае его отсутствия[78].

В апреле 1933 года Н. Третинского сменил А. И. Озеров: «...с правом беспрепятственного ведения церковно-организационной и пасторской работы по укреплению обновленчества и ликвидации так называемой «сергиевщины» и «тихоновщины» как в г. Боровичи, так и по всей епархии»[79].

Всего несколько месяцев провел в Боровичах митрополит Геронтий (Шевлягин Григорий Андреевич). В его послужном списке значились Томск, Калуга, Тамбов, Ленинград, Архангельск, Тверь... В апреле 1934 года он был арестован органами ОГПУ. Примечательная «мелочь»: при аресте священнослужителя работники органов «изъяли» у него 597 руб. 46 коп., принадлежавших церковному обществу, да так и не вернули, хотя члены «двадцатки» неоднократно обращались в отдел ОГПУ. А надо заметить, что сумма эта для прихода была немалая: налог за эксплуатацию здания верующие уплачивали в размере: 1933 г. — 184 руб., 1934 — 333 руб., 1936 — 510 рублей[80].

Протоиерей Песоцкий и Синклитский прослужили в Успенской церкви до ее закрытия. Произошло это в мае 1938 года: «...ввиду того, что религиозное общество при церкви Успения отказалось от использования молитвенного здания, договор с Успенским религиозным обществом расторгнуть», — утвердила областная комиссия по вопросам культов постановление Боровичского горсовета от 20 марта 1938 года[81].

Главной причиной этого события должно считать непосильные налоги, которые определяли финансовые органы на малочисленную, всего 30 человек, общину. Иногда государственные чиновники применяли непредвиденные меры: в 1936 году они вдруг неожиданно предложили общине Успенской церкви уплатить налог на 2 месяца раньше обычного срока, который назначался после Пасхи и Радоницы, когда церковная касса существенно пополнялась[82]. Тем не менее, 1936 год был весьма благополучным для обновленческой общины. На годовом собрании отмечалось, что доход стал увеличиваться, «следовательно увеличилась посещаемость храма верующими и количество требоисправлений, а это несомненно свидетельствует о росте обновленческого дела в Боровичах, о том, что предубеждение против обновленцев заметно идет на убыль»[83].

Думаю, что составители этого отчета наивно заблуждались, или пытались других ввести в заблуждение: не предубеждение шло на убыль, а количество церквей в городе. Верующие, оставшиеся без храмов, шли уже просто к действующему алтарю, не вникая, к какому течению относится священник. К 1938 году, когда с вполне понятной целью завышенные налоги заставили общину при Успенской церкви отказаться от нее, городские власти передали храм в ведение общины «тихоновского толка», закрыв при этом имевшуюся у нее церковь Спасо-Преображения[84]. С этой передачей обновленческое движение прекратило свое существование в Боровичах, а значит, и в епархии.

Успенская церковь была последней и единственной действующей в городе незадолго до начала войны. Три последние года она принадлежала сторонникам истинного православия — тихоновцам. 16 апреля 1941 года Верховный

Совет РСФСР утвердил решение Боровичского горсовета от 17 января 1941 года о закрытии Успенской церкви[85].

А через два месяца началась Великая Отечественная война. Это трагическое событие стало переломным в отношениях Советского правительства с Русской Православной Церковью. В эти же годы решилась и судьба обновленческого раскола.

Как видно из приведенных документов, оно не получило ожидаемой поддержки в массах и со временем угасло. Последнюю точку в его истории поставил И. В. Сталин. Как вспоминает Г. Г. Карпов, первый Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, в октябре 1943 года, уже после избрания Патриарха Сергия и создания Совета, он подал Председателю СНК И. Сталину записку, в которой, в частности, высказал следующее мнение: «...обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции Сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду «обновленческой церкви» и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую Сергиевскую церковь». На этой записке Сталин написал своим красным карандашом: «Правильно. Согласен с Вами. Согласен и В. Молотов»[86].

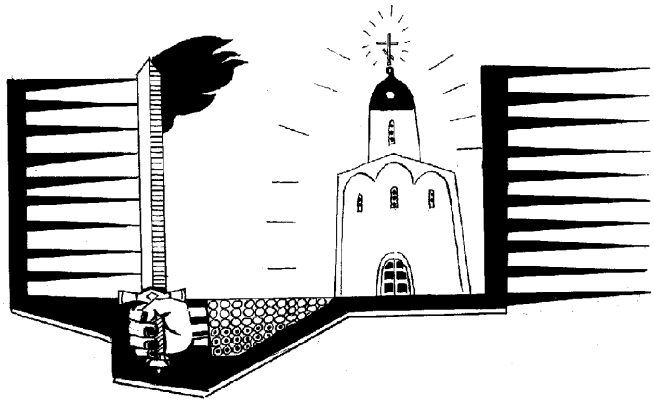
Соответствующие указания и разъяснения поступили в местные органы власти, что ускорило окончательный крах двадцатилетнего противостояния и внутреннего раскола. Однако, как церковная организация обновленчество перестало существовать только со смертью в 1946 году А. Введенского — одинокого и покинутого.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 512. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Левитин А., Шавров А. Очерки по истории Русской церковной смуты... 1978. С. 161. Далее — Очерки...
[4] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 512. Л. 2.
[5] Там же. Л. 12.
[6] Там же. Л. 14.
[7] Там же. Л. 6.
[8] Там же. Л. 8 .
[9] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 513. Л. 23.
[10] Там же. Д. 978. Л. 1.
[11] ГАНО. Ф-480. Оп. 1. Д. 4292. Л. 162.
[12] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 512. Л. 16.
[13] Там же. Д. 513. Л. 25.
[14] Там же. Л. 5.
[15] Там же. Л. 14.
[16] Там же. Л. 13.
[17] Там же. Л. 10.
[18] Там же. Л. 44.
[19] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 525. Л. 11.
[20] Там же. Л. 12.
[21] Там же. Д. 727. Л. 1—2.
[22] Там же. Л. 1.
[23] Там же. Л. 7.
[24] Там же. Л. 26.
[25] Димитрий, епископ Рязанский и Зарайский, проживал на покое в Спасо-Преображенском монастыре.
[26] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 525. Л. 27.
[27] Там же. Д. 727. Л. 5—6.
[28] Там же. Д. 753. Л. 2.
[29] Очерки.... С. 78 .
[30] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 2. Л. 106.
[31] Там же. Ф-481. Оп. 1. Д. 525. Л. 22.
[32] Там же. Л. 24.
[33] Там же. Д. 979.
[34] ГАНО. Р-1593. Оп. 3. Д. 252. Л. 5.
[35] ГАНО. Р-280. Оп. 1. Д. 295. Л. 64, 200.
[36] Там же. Л. 49.
[37] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 978. Л. 22.
[38] Там же. Л. 27.
[39] Там же. Д. 987. Л. 1.
[40] Там же. Л. 6.
[41] Там же. Л. 21.
[42] Там же. Д. 513. Л. 48.
[43] Там же. Л. 36.
[44] Эти священники были осуждены за якобы спровоцированные ими массовые беспорядки в Старой Руссе во время изъятия церковных ценностей.
[45] ГАНО. Р-819. Оп. 4. Д. 389. Л. 35.
[46] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 87 .
[47] Там же. Л. 19.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 21.
[50] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 2. Л. 90.
[51] ГАНО. Р-822. Оп. 3. Д. 90. Л. 116, 119.
[52] ГАНО. Р-822. Оп. 1. Д. 727. Л. 11, 15, 16.
[53] ГАНПИНО. Ф-51. Оп. 1. д. 788. Л. 36.
[54] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 486.
[55] ГАНО. Ф-481. Оп. 1. Д. 523. Л. 2.
[56] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 11.
[57] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 12.
[58] Там же. Л. 130.
[59] Там же. Д. 4. Л. 1—130.
[60] Там же.
[61] Там же. Л. 132.
[62] Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 1. С. 16.
[63] Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее. Отечественная история. 1992. № 6.
[64] ГАНО. Р-822. Оп. 5. Д. 2. Л. 90.
[65] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 488.
[66] Там же. Л. 490.
[67] АУФСБ. Д. 1/а. Л. 1.
[68] Там же. Л. 52.
[69] ГАНО. Р-262. Оп. 2. Д. 14. Л. 447—448.
[70] Там же. Л. 448.
[71] Там же.
[72] ГАНО. Р-1123. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[73] ГАНО. Р-262. Оп. 1. Д. 53. Л. 554.
[74] АУФСБ. Д. 1/а/2092. Л. 242, 298.
[75] ГАНО. Р-138. Оп. 3. Д. 23. Л. 11.
[76] Там же. Д. 98. Л. 54—55.
[77] ГАНО. Р-804. Оп. 3. Д. 13. Л. 5.
[78] Там же. Л. 7.
[79] Там же. Л. 60.
[80] Там же. Л. 78, 140.
[81] Там же. Л. 373—374.
[82] Там же. Л. 249.
[83] Там же. Л. 318.
[84] Там же. Л. 411.
[85] Там же. Л. 415.
[86] Одинцов М. И. Государство и Церковь. М., 1991. С. 11.

Глава IV

Годы военного лихолетья

Война с германским фашизмом стала переломным моментом во взаимоотношениях советского правительства с Русской Православной Церковью. Многолетнее противостояние, в котором Церковь была на грани полного уничтожения, не только обострилось в этот период, но и отступило перед общей бедой. Сильнее идеологических разногласий оказались национальные и патриотические корни русского Православия. Поэтому и необходимо критически рассмотреть положение Церкви в военный период.

В первый же день войны, 22 июня 1941 года, Патриарший местоблюститель Сергий (Страгородский), отслужив литургию в День Всех Святых в земле Российской просиявших, обратился ко всем верующим с посланием: «Пастырям и пасомым Христианской Православной Церкви». В котором, в частности, прозвучало: «...фашистские разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов Православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет фашистскую вражью силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского...»[1].

26 июня с подобным обращением выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанскй). Фактически оба иерарха нарушили закон, который запрещал Церкви вмешиваться в дела государства. Но сейчас на всех был один враг, одна беда, и всех объединило одно стремление — выстоять. 3 июля дух посланий иерархов, имена героев русского народа повторил в своей речи И. В. Сталин.

В течение четырех военных лет Русская Православная Церковь была вместе с народом в его смертельной борьбе: она воспитывала в верующих мужество и самоотверженность, поощряла ревностное участие в сражениях с врагом на фронтах и в партизанских отрядах, оказывала материальную помощь Красной Армии сбором средств среди верующих, заботилась о сиротах и инвалидах. Авторитет Церкви настолько упрочился, что правительство посчитало нужным признать его, отмечая при этом лояльность Русской Православной Церкви, ее патриотическую деятельность.

В начале 1943 года И. В. Сталин и его ближайшие помощники пришли к окончательному решению о нормализации государственно-церковных отношений. Это определялось общей политической ситуацией внутри страны и широкой патриотической деятельностью религиозных организаций, а также внешними причинами — необходимостью сплочения всех антифашистских сил, включая и религиозные, в странах антифашистской коалиции и оккупированных Германией, желанием И. В. Сталина показать союзникам, прежде всего США и Англии, что он «дает» религиозную свободу гражданам Советского Союза.

После обсуждений, какому органу поручить проведение новой религиозной политики, стало ясно, что религиозные организации не следовало ставить под контроль органов безопасности: Наркомат ГБ воспринимался «наследником» ГПУ и НКВД, оставившим по себе черную память в судьбе Церкви. В конце концов было достигнуто соглашение, что при Совнаркоме СССР следовало образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Православной Церковью. Тогда же родилась идея встречи И. В. Сталина с иерархами. К ней начали интенсивно готовиться. Сталину были представлены обстоятельные материалы о состоянии церкви, наиболее видных её представителях, патриотической деятельности духовенства, о возможных кандидатах для избрания патриарха и т. п.

Д. В. Поспеловский в своем описании встречи И. В. Сталина с членами правительства, а затем и с тремя митрополитами сообщает: «Сталин одобрительно отозвался о проведении Собора. Спросил, как будет именоваться патриарх, когда может быть созван Собор, нужна ли помощь правительства с транспортом, доставкой и размещением участников. Предложил также финансовую помощь.

Митрополит Сергий сказал, что для подготовки Собора потребуется не менее месяца: время военное, а собрать необходимо всех епископов, существуют трудности передвижения по стране и т. п.

— А нельзя ли проявить большевистские темпы? — спросил Сталин, обратившись к Карпову*.

Он попросил помочь руководству Церкви собрать епископов, привлечь для этого авиацию и другой транспорт. Карпов заверил Сталина, что вся необходимая работа будет проведена, и Собор можно будет открыть через 3-4 дня. Тут же договорились назначить открытие Собора на 8 сентября».[2]

В работе Собора участвовало 19 иерархов, только два из них — митрополиты Сергий (Страгородский) и Алексий (Симанский) — с дореволюционной епископской хиротонией.

---

* Григорий Григорьевич Карпов (1898—1967) — генерал-майор НГБ СССР, председатель Совета по делам РПЦ при СНК СССР с сентября 1943 по март 1960 года.

Собор заслушал доклады патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия о патриотической работе Церкви в течение двух военных лет и митрополиты Ленинградского и Новгородского Алексия — «Долг христианина перед Церковью и Родиной в переживаемую эпоху Отечественной войны».

Поскольку митрополит Сергий в течение 17 лет фактически нес обязанности патриарха, то он и был выдвинут единственным кандидатом на патриарший престол. За него проголосовали все присутствующие на Соборе. Затем Собор принял постановление о том, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»[3].

Члены Собора приняли также обращение к советскому правительству, в котором благодарили «за сочувственнее отношение» Сталина к нуждам Русской церкви и ее служителей и заверяли, что приумножат свои труды, участвуя «в общенародном подвиге за спасение Родины». Собор обратился к христианам всего мира с призывом объединиться во имя Христа для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября 1943 года в московском Богоявленском соборе состоялась интронизация новоизбранного патриарха.

Через месяц И. В. Сталин утвердил создание при СНК СССР Совета по делам Русской Православной Церкви. При областных исполкомах вводилась новая штатная единица — Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви. Институт уполномоченных просуществовал до 1 января 1991 года и был незаменимым орудием в руках государства для управления местными церквями[4]. Это и вызывает необходимость тщательного изучения деятельности уполномоченных Совета при облисполкомах на местах.

Для объяснения такой уступки Церкви со стороны Сталина приводится много причин. Совместные усилия для победы над врагом? Но позади уже были Сталинградская битва и Курская дуга, после которых сомнений в окончательном разгроме врага уже ни у кого не оставалось. Трудно согласиться и с выражением благодарности за материальный и духовный вклад Церкви в дело победы — Сталин не отличался благодарностью, тем более к своим противникам.

Основную причину следует искать во внешнеполитической обстановке. Сталин готовился к Тегеранской конференции, и ему надлежало «понравиться» союзникам. Для этого следовало проявлять и религиозную терпимость, и поддерживать хорошие отношения с Церковью. Это и было продемонстрировано.

Что касается послевоенных лет, особенно начала холодной войны, когда Церковь можно было снова «зажать», как было ранее, то последующие лояльные отношения с Русской Православной Церковью Д. В. Поспеловский объясняет двумя причинами:

— Сталин считал, что от покорной Церкви ему больше выгоды на внешнеполитическом фронте, чем потерь — на внутреннем. — «Вождь народов» понимал, что ему после разгрома фашистской Германии предстоит «приручать» католические, протестантские и православные народы Западной Европы, да и «своих» западных территорий, для чего стоило проявлять религиозную терпимость.

Какими бы ни были тайные помыслы Сталина, верующие с надеждой поддержали новую церковную политику государства.

Ровно через месяц после избрания Патриарха, в октябре 1943 года группа верующих г. Боровичи обратилась с письмом к М. И. Калинину: «В городе и районе нет ни единой действующей церкви, местные власти обещали в июне освободить Успенскую кладбищенскую церковь, но так ничего и не сделали»[5].

Как и заведено было в советской системе, письмо поступило в Леноблисполком (в то время Новгородская область еще входила в состав Ленинградской). 16 марта 1944 года уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Ленинградской области получил ходатайство митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия: «Прилагая при сем: а) прошение представительницы верующих г. Боровичей Е. Семеновой от 2 декабря 1943 г., б) прошение протоиерея Александра Медведского от 12 февраля 1944 г. и в) послужной список протоиерея Медведского, — нахожу возможным поддержать ходатайство верующих об открытии в г. Боровичи кладбищенского храма по следующим основаниям:

1. Как в самом городе, так и вблизи его храма не имеется.

2. Кладбищенский храм, занятый в настоящее время под склад военного обмундирования, никаким переделкам не подвергался и для совершения в нем богослужений требуется лишь незначительный ремонт...[6]

Дело затягивалось. Началась переписка между Уполномоченным и Боровичским горисполкомом: местные власти пытались доказать невозможность возвращения церкви и регистрации общины: «...заявители об открытии церкви действуют по личной инициативе, преимущественно по инициативе гр-ки Семеновой Е. И. (учительницы-пенсионерки). Здание церкви требует капитального ремонта. Используется в настоящее время это помещение под вещевой склад...»[7].

Верующие настойчиво отстаивали свои права, и 2 августа 1944 года СНК СССР отдает распоряжение № 15752-РС, на основании которого Совет по делам Русской Православной Церкви принимает решение об открытии церкви в Боровичах. Но даже при наличии такого решения волокита тянулась до октября: у общины не было справки о регистрации — на этом основании не спешили вернуть здание, а регистрация затягивалась из-за того, что здание отсутствовало. (Подобная история в это же время происходила и в Валдае.) Наконец, 26 октября 1944 года община Успенской церкви была зарегистрирована.[8] Успенская церковь в Боровичах была последней, закрытой властью в самый канун войны. Она же стала первой, принявшей своих прихожан еще в военное лихолетье.

Прихожане этого храма незамедлительно проявили свой истинный патриотизм и подлинную христианскую добродетель. 7 мая 1945 года протоиерей Александр Медведский телеграфировал митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову), сменившему избранного патриархом Алексия: «Желая отметить великий христианский праздник Св. Пасхи патриотическим делом, духовенство и церковный актив Боровичской Успенской церкви постановил подписаться на 4-й Государственный заем в сумме 30 000 тыс. рублей и всю сумму внести наличными».[9]

И год спустя верующие боровичане не изменили своим принципам: «Исполком Успенской церкви решил отметить День Победы пожертвованием на строительство дома инвалидов в Боровичах в размере 50 000 рублей», — такое

сообщение получил 4 июля 1946 года Уполномоченный Совета по Новгородской области П. Н. Тихонов[10].

К концу февраля 1944 года все новгородские земли были освобождены от фашистских захватчиков, и тогда стала очевидной ситуация, которая до того времени была известна немногим: на оккупированной территории в годы войны действовало 40 церквей. В Новгородском районе — 8, Батецком — 6, Шимском — 7, Волотовском — 5, Солецком — 4, Старорусском — 4. Действовали церкви в Уторгошском, Чудовском, Демянском районах, но в меньшем количестве[11].

До недавнего времени деятельность Церкви в условиях оккупационного режима подавалась либо только с негативной оценкой, либо вообще умалчивалась. И только в последние годы, особенно после выхода в 1992 году Указа Президента России о расширении доступа к архивным материалам*, на свет стали появляться малоизвестные факты. Примером тому могут служить статьи О. Ю. Васильевой «Русская православная церковь в 1927—1943 годах», («Вопросы истории» 1994, №4. С. 35-46); «Жребий митрополита Сергия Воскресенского», («Наука и религия», 1995 №5. С. 20—25). Автор приводит в них сведения о Псковской православной миссии, которая была создана оккупационными властями на территории Новгородской, Псковской, Ленинградской и Калининской областей с центром в г. Пскове, от которого и получила название.

Создание Псковской православной миссии напрямую связано с судьбою митрополита Сергия (Воскресенского) — экзарха Латвии и Эстонии. Он возглавил Православную церковь в этих республиках в феврале 1941 года — после присоединения их к СССР. Многие сторонники принадлежности церкви Латвии и Эстонии к Константинопольскому патриарху называли митрополита Сергия «большевистским ставленником», «агентом ЧК».

Фашистские власти, оккупировавшие Латвию в июне 1941 года, предложили митрополиту Сергию действенную поддержку против раскольников, сторонников Константинополя, — в борьбе за сохранение канонической принадлежности экзарха к Московскому Патриархату. В ответ они пожелали, чтобы экзарх создал церковное управление — «Православную миссию в освобожденных областях России». Ее деятельность предписывала претворение планов переустройства религиозной жизни в России.

Экзарх Сергий согласился. Это согласие вызвало бурное негодование И. В. Сталина. Патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) был вынужден в сентябре 1942 года обратиться с посланием к архиереям северо-западных территорий СССР, оказавшихся в оккупации: «немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии»[12].

Тем не менее официально митрополит не прерывал канонического общения с Московской Патриархией.

Давая согласие на управление церковными делами в северо-западных областях, экзарх Сергий рассчитывал прежде всего на возрождение здесь традиционной религиозной жизни. Центром миссии был избран Псков. В советской истории долгие послевоенные годы Псковская православная миссия упоминалась редко и как профашистская.

В материальном отношении Миссия сама себя обеспечивала. Ее финансовые ресурсы постоянно пополнялись из прибылей свечного завода, иконописной мастерской и магазина церковных принадлежностей. Другим источником были десятипроцентные отчисления от приходов. Ежемесячная прибыль в 3000—5000 марок покрывала все расходы Управления Миссии, оставшиеся средства шли на содержание Богословских курсов в Вильнюсе.

Напутствуя первых миссионеров, отправляющихся на служение в восстанавливаемые церкви, экзарх Сергий просил «не забывать, что вы прибыли в страну, где на протяжении более двадцати лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был запуган, принижен, обезличен»[13].

В целях религиозного возрождения на территории Миссии впервые в России зазвучало в радиоэфире слово пастыря: еженедельные передачи шли из Пскова, Здесь же выходила православная газета.

В Управление миссии регулярно поступали сообщения от священников с описанием обстановки в их местности: «Поблизости от моего прихода отряд партизан временно захватил деревню, при этом их начальник побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в Советской России церкви дана теперь полная свобода и что власть коммунистов идет к концу»[14].

Приходили шифровки с территории Псковской православной миссии и в Политическое управление Северо-Западного фронта. В них также отражалась обстановка на оккупированных территориях: «Немецкое командование широко использует в своих целях церковь. Ряд церквей, особенно в Дновском районе(на границе с Солецким и Волотовским — ***И.С.)***, восстановлены, в них проходят богослужения. О службах даются объявления в газетах...»[15].

Немецкие власти, разумеется, требовали, чтобы экзарх Сергий отмежевался от позиций Патриаршего Местоблюстителя. Надо было найти выход из создавшегося положения «между двух огней». В октябре 1942 года он публично заявил, что послание Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского) от 22 июня 1941 года было написано под давлением большевиков. Тем не менее он рекомендовал священнослужителям читать это послание в приходах вдумчиво и внимательно: «...Не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех на защиту священных границ нашей Родины»[16]. За чтение этого послания были расстреляны многие священники в других областях.

После избрания митрополта Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси оккупационные власти потребовали от экзарха Сергия (Воскресенского) объявить о непризнании каноничности избрания патриарха Архиерейским собором. Однако Сергий (Воскресенский) считал, что выборы были проведены по всем канонам. Он всячески затягивал свое публичное выступление по этому вопросу, чем вызвал недовольство немецких властей. Они запланировали провести в Риге конференцию по этому вопросу, на которой должны были присутствовать представители православного духовенства оккупированных областей

---

* Указ Президента РФ от 23. 06. 1992, № 658: «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

СССР. Председательствовать на конференции должен был экзарх Сергий. Оккупационные власти обязали его, чтобы конференция приняла резолюцию против патриарха. Однако в проекте резолюции экзарх не назвал ни имени первосвятителя, ни словом не упомянул об отмежевании от Московской Патриархии. Все это обострило отношения фашистских властей к экзарху Сергию.

29 апреля 1944 года на дороге Вильнюс-Каунас автомашина митрополита Сергия (Воскресенского) была обстреляна мотоциклистами в немецкой форме. Обстоятельства гибели экзарха до сих пор остаются невыясненными до конца. После его гибели деятельность миссии пошла на убыль. К тому времени и события на фронте развивались стремительно, советские войска стали освобождать западные территории СССР.

Каковы же результаты и последствия действия Псковской миссии? На территории ее влияния был открыт 221 храм, в это число вошли и 40 новгородских церквей.

Через год после начала действия Псковской миссии, в сентябре 1942 года в «Информационном листке» №10 Бюллетеня Полиции безопасности и СД сообщалось: «Успех миссионерской работы обусловлен главным образом тем, что большие массы русского народа, в особенности крестьяне, несмотря на старания большевиков остались верны православной вере и родной Церкви. Факты, свидетельствующие о том, общеизвестны: церкви переполнены молящимися, священники имеют так много дел (крещение, причастие, конфирмация, бракосочетание, благодарственные молитвы, молебны, похороны, панихиды), что едва с ними справляются... Верующие с усердием и самопожертвованием заботятся о ремонте и убранстве своих церквей, священные предметы, которые во время ограбления церквей большевиками были спасены и спрятаны верующими, снова возвращаются ими в церковь. Церковные песнопения не забыты, и поэтому во всех приходах создаются церковные хоры...»[17].

Интересен вывод автора документа: «Все эти факты свидетельствуют однако, не о каком-либо ненормальном религиозном волнении, вызванном чрезвычайными и преходящими событиями, а просто тем, что религиозность и православие, свойственные русскому народу с давних пор, принадлежат его сущности почти в той же степени и теперь, после большевистской революции...»[18].

Что же касается истинной цели самой Псковской миссии, под благими намерениями противостоять большевикам и открыть поруганные ими храмы скрывалось намерение вообще покончить с православием и создать «новую религию», не зараженную «еврейскими догматами». Об этом свидетельствует документ, обнаруженный О. Ю. Васильевой в закрытых фондах РЦХИДНИ (бывшего Центрального партийного архива). В специальном указании №3 Б. Б. (И.) по Инспекции хозяйственной части «Митте» трактуется «Разрешение вопроса о церкви в оккупированных восточных областях»:

«Следовало бы установить, что ни при каких обстоятельствах не надлежит преподносить народным массам такое учение о Боге, которое глубоко пустило свои корни в еврейство и духовная основа которого заимствована из такого понимания религии, как понимают ее евреи. Таким образом, надо проповедовать во всех отношениях свободное от еврейского влияния учение о Боге, для чего надлежало бы найти проповедников и прежде, чем выпускать их в массы русского народа, дать им соответствующее направление и образование». В заключение документ постановляет: «...разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной в интересах политического освобождения этих областей задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния»[19]. ***Тотальный антисемитизм этого документа не вызывает сомнения, и в случае победы рейха православие перестало бы существовать. Священство было бы искоренено, а «новую религию» насаждали бы новые «проповедники», свободные от любого вероисповедания.***

Приходская жизнь и деяния миссионеров-священников проходили под двойным контролем: их курировали не только оккупационные власти, но и советские партизаны. Эти постоянные контакты заставили немецкое руководство обязать каждого священника давать письменные отчеты о всех встречах с партизанами. Партизаны же строго следили за тем, чтобы в проповедях священников не было каких-либо выступлений против советской власти. Особенно ожесточился контроль со стороны оккупационных властей после появления на оккупированной территории Пасхального послания митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Послание разбросано было с самолетов. Примечательно само обращение послания — «к пастырям и пастве в городах и селах области, пока еще занятых вражескими войсками»:

«Тяжела и безрадостна жизнь ваша в земле исконно-русской, но временно захваченный врагом безжалостным, ненавидящим все русское, попирающим все для нас дорогое и священное, не щадящим в злобе своей ни старца, ни женщины, ни младенца! Но тем радостнее Пасхальная весть!

О вас наша неотвязная дума.

Знаем мы и слышим, что многие и многие из вас, пренебрегая опасностями, со всех сторон вас окружающими, не щадя жизни всеми силами борются с врагом, помогая этим нашим доблестным защитникам — воинам нашей Красной Армии в их беззаветной борьбе за честь и свободу Родины. Доблестный гражданин русской земли Минин еще жив в потомках своих, которые дышат его великим духом, горят его любовью к Отечеству...

Продолжайте же, братие, подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины всеми мерами; и мужчины, и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ, готовый жизнь свою сделать священной жертвой верности и любви к своей возлюбленной Отчизне...»[20].

Это послание датируется Пасхой, апрелем 1943 года, когда два месяца назад закончилась Сталинградская битва, вселившая в сердца советских людей надежду на грядущую победу над врагом.

Рассекреченные документы Третьего рейха предоставили нам еще одну, весьма серьезную информацию, отсутствующую в отечественных документах — о степени религиозности населения. Накануне войны, когда большинство церквей было закрыто, основная масса священнослужителей расстреляна или отправлена в ГУЛАГи, само собой считалось, что с религией покончено, а те, кто не отступился от веры, предпочитал об этом умалчивать. Выше уже приводилась характеристика религиозности населения. Подобные сведения присутствуют и в другом, не менее интересном

документе: характеристика русского населения, вывезенного на работу в Германию. Начальник полиции безопасности и СД в докладе для высшего руководства нацистской Германией, не предназначавшегося для широкого пользования, писал:

«У нас всегда указывалось на то, что большевизм искоренил религию, проявлял нетерпимость к церкви, религиозным верованиям. В то же самое время в империю в ходе привлечения на работу остарбайтеров с территорий, находившихся ранее под властью Советов, прибыло бесчисленное количество людей, которые, что бросается в глаза, имеют при себе маленькие распятия, портреты Богоматери или иконы...».

Из Бреслау один начальник отдела учета доложил: «Остарбайтеры должны у меня регистрироваться для заведения на них карточек. При этом они почти всегда заявляют о своей принадлежности к православной церкви. При указании, что в Советском Союзе господствует безбожие и пропагандируется атеизм, они объясняют, что это имеет место в Москве, Харькове, Сталинграде, Ростове и других крупных промышленных центрах, в меньшей степени — в Ленинграде. В сельской местности советские русские являются очень религиозными. Почти каждый из опрошенных русских доказывал свою христианскую веру тем, что имел с собой небольшую цепочку с маленьким крестиком. Кроме того, они сказали, что, вероятно, молодые остарбайтеры были частично причастны к атеистическому движению, но вообще о безбожии в Советской России не может быть и речи. Это была лишь пропаганда»[21].

Пребывание новгородцев на оккупированной фашистами территории и в трудовых лагерях в самой Германии выявило их подлинное отношение к религии своего народа — православию. Отношение это однозначное — положительное. Об этом свидетельствуют 40 действовавших церквей, открытых Псковской православной миссией на оккупированной территории Новгородской области. Поскольку деятельность миссии заслуживает самостоятельного изучения, в данном исследовании приведено несколько фактов, характеризующих положение новгородских церквей в оккупационной зоне.

О высокой степени религиозности русского народа, особенно сельского населения, рассказали и секретные документы германского рейха. Характеристики гестапо позволяют сделать вывод, что атеизм в предвоенном СССР жестоко навязывался сверху и почти не принимался внизу — в массах, миллионные отряды безбожников были всего лишь вымыслом государственных чиновников.

После освобождения северо-западных районов Новгородской области сразу же 23 храма оказались закрытыми, так как их общины не успели пройти в срок регистрацию, в некоторых храмах не было священников[22]. Предстоял долгий путь возрождения новгородских церквей.

5 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР своим Указом воссоздал Новгородскую область. В ее состав вошли 7 городов, 18 рабочих поселков, 5423 населенных пункта. Было образовано 27 районов[23]. По церковному же подчинению Новгородская епархия по-прежнему оставалась в составе Ленинградской митрополии. Тем не менее исполком Новгородского облсовета, проводя генеральную линию партии, решением от 24 сентября 1944 года утвердил уполномоченным Совета по делам РПЦ по Новгородской области Петра Николаевича Тихонова, работавшего ранее в органах госбезопасности. Он же исполнял обязанности уполномоченного по делам религий[24].

Состояние церковной жизни в Новгородской области, как уже упоминалось, было печальным: в 17 районах из 27 не было ни одного действующего храма! По одному в пяти районах: Чудовском, Боровичском, Пестовском, Мстинском. По два — в Новгородском и Старорусском. Наиболее активно протекала жизнь верующих Шимского района — шесть действующих церквей, Батецкого — пять, Волотовского — три. Всего 23 храма на область[25].

Однако эта статистика отражала только положение действующих церквей, но не настроения верующих: с 3 сентября 1944 года по 1 июля 1945 года во все областные инстанций поступило 41 ходатайство о регистрации церковных общин и открытии церквей. Возрождение Патриаршества вселило в сердца людей светлую надежду на перемены в отношения государства к Церкви.

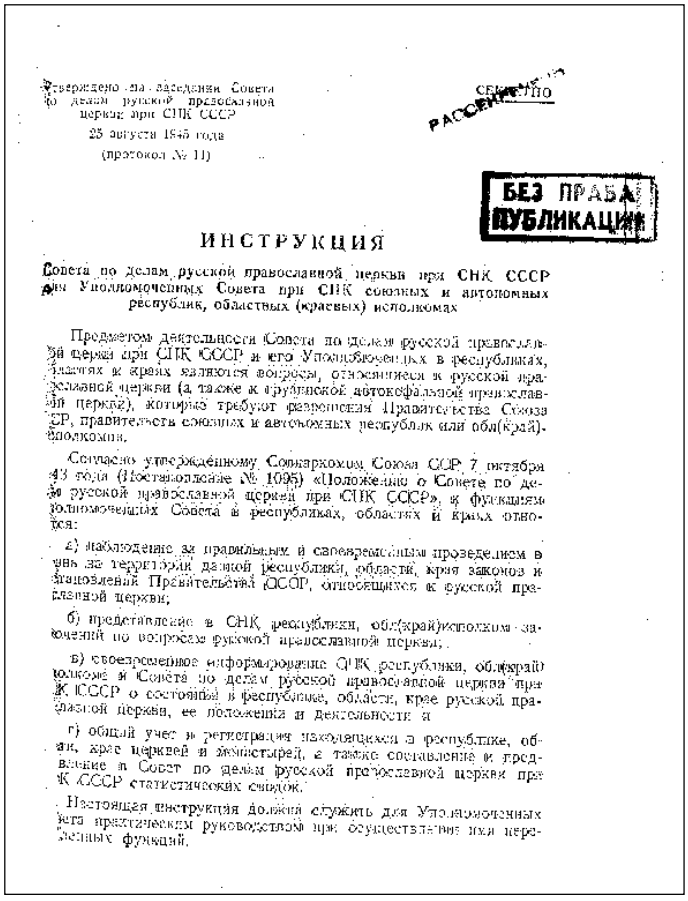
Незначительная территория Демянского района была освобождена на год раньше, чем остальная часть Новгородской области. Как только враг покинул земли в районе бывшего Демянского котла, жители д. Ильина Гора 2 декабря 1943 года обратились к Святейшему Патриарху Сергию: «...мы, прихожане Ленинградской области Демянского района, село Ильина Гора имеем две церкви. Одна попорчена, а вторая в исправности, но священника у нас нет. Но так как религия разрешена правительством свободная, поэтому мы просим Вас выслать нам священника. Верующих у нас много, но так как в связи с военными действиями грамотных осталось мало, мы не знаем, как и куда обратиться. Без богослужения очень тяжело жить. Народ осознал, что все идет по повелению Всевышнего, поэтому просим Вас выслать нам священника... Храм наш пророка Божиего Ильи не поруган, престол и антиминс, Евангелие и крест есть. Больше ничего нет — отобрали. Мы просим Вас второй раз. В августе-месяце писали, но не получили ответа»[26].

Трудно сказать, почта ли плохо сработала в условиях военного времени, или же советские чиновники задержали ответ патриарха, но жителям Ильиной Горы пришлось в третий раз обращаться с ходатайством во все инстанции. Только 13 июня 1946 года решением Совета по делам Русской Православной Церкви церковь во имя пророка Илии была открыта[27].

В феврале 1944 года районы будущей Новгородской области были освобождены от войск германского рейха, а уже в марте верующие батецкой деревни Городня обратились в облисполком (еще Ленинградский) с ходатайством об открытии церкви, а к митрополиту — о назначении священника: «Приход наш верующих состоит из 23 деревень, насчитывающих свыше 700 домов, имеет в селе Городня церковь из трех престолов, кирпичная, большого размера. За время немецкой оккупации почти не пострадала, иконостас и иконы уцелели...»[28].

Церковь в Городне была закрыта решением Батецкого РИКа в 1939 году. В годы войны приходская жизнь снова возобновилась. Церковь входила в зону «Псковской православной миссии». Священник Николай Егоров накануне прихода частей Красной Армии по вполне понятным причинам покинул приход.

Переписка с инстанциями всех уровней растянулась ровно на год, и лишь 27 марта 1945 года православная община в с. Городня при церкви во имя свт. Димитрия была зарегистрирована.

Утверждено на заседании Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР
25 августа 1945 года
(протокол № 11)

СЕКРЕТНО
РАССЕКРЕЧЕНО

БЕЗ ПРАВА ПУБЛИКАЦИИ

ИНСТРУКЦИЯ

Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР для Уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик, областных (краевых) исполкомах

Предметом деятельности Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР и его Уполномоченных в республиках, краях и краях являются вопросы, относящиеся к русской православной церкви (а также к грузинской автокефальной православной церкви), которые требуют разрешения Правительства Союза ССР, правительств союзных и автономных республик или обл(край)исполкомов.

Согласно утверждённому Совнаркомом Союза ССР 7 октября 43 года (Постановление № 1095) «Положению о Совете по делам русской православной церкви при СНК СССР», к функциям Уполномоченных Совета в республиках, областях и краях относятся:

а) наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на территории данной республики, области, края законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к русской православной церкви;

б) представление в СНК республики, обл(край)исполком заключений по вопросам русской православной церкви;

в) своевременное информирование СНК республики, обл(край)исполкома и Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР о состоянии в республике, области, крае русской православной церкви, ее положении и деятельности и

г) общий учет и регистрация находящихся в республике, области, крае церквей и монастырей, а также составление и представление в Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР статистических сводок.

Настоящая инструкция должна служить для Уполномоченных Совета практическим руководством при осуществлении им перечисленных функций.

Ходатайства об открытии храмов поступали со всех концов области. 15 мая 1944 года члены церковного совета с погоста Учно (церковь 1862 г.) Волотовского района обратились с письмом в Ленинградский облисполком: «Просим вас открыть нам церковь в погосте Учно, где до последнего времени совершалась служба священником пог. Доворец Солецкого района[29]. «Мы, прихожане, обращались к местным властям... Всюду нам давали такие ответы, что ни приказа, ни отказа», — писали прихожане митрополиту Григорию 16 апреля 1946 года. — Мы знаем хорошо, что наши великие руководители и наставники, великий Сталин как в городах, так и в провинциях нашей Советской страны также разрешили производить в церквах богослужения и ходить молиться, кто верующий православный. Но местные власти в этом нам разрешить воздерживаются»[30]. Местные власти четыре года «воздерживались» от конкретного решения. Переписка дошла до Совета Министров республики и вернулась в облисполком, который 1 марта 1948 года принял решение № 277: «Учитывая, что в Волотовском районе имеется четыре открытых действующих церкви и три из них (г. Сольцы — 20 км, Речки — 10 км, Любыни 10 км), находятся на близком расстоянии от д. Учно, следовательно религиозные запросы верующих могут вполне удовлетворяться, ходатайство группы верующих об открытии церкви в д. Учно оставить без удовлетворения»[31].

Приведенная переписка красноречиво свидетельствует о лукавой политике властей — «ни приказа, ни отказа», что оборачивается долгими месяцами надежд, ожиданий верующих. Двуликость в отношениях с Церковью с первых же шагов видимого примирения подтверждают два документа. Постановлением от 14 апреля 1945 года Совет по делам Русской Православной Церкви разрешил открыть в Новгородской области 8 церквей, среди них: Михаила Архангела в Новгороде, Успенскую — во Внуто, Спасо-Преображенскую в Броннице, Ильинский собор в Сольцах[32].

Спустя месяц после выхода упомянутого постановления в канцелярию митрополита Ленинградского и Новгородского поступило уведомление от новгородского уполномоченного: «В соответствии с полученными указаниями Совета по делам РПЦ... нижеследующие церкви, в которых не происходила церковная служба более одного года (ввиду отсутствия священника) исключаются из числа действующих церквей, а именно...» И далее следовал перечень 15 церквей, 5 — в Новгородском районе: в дд. Егорий, Курицко, Ямок, Голино, Б. Водское[33].

В отличие от библейской заповеди, здесь правая рука отлично ведала, что творила левая: если одна выдает разрешение на открытие храмов, то другая в это же самое время при первом подходящем случае торопится закрыть другие. Видимость лояльности соблюдалась, но и движения вперед не было.

В январе 1945 года состоялся Поместный собор Русской православной церкви. Он принял положение об управлении Церковью, одобренное Совнаркомом. По этому Положению настоятель храма становился и председателем церковного совета, что ранее было запрещено. В совет входили 3 человека: староста, его помощник и казначей. Повсеместно создавались ревизионные комиссии[34].

При регистрации вновь открываемых церквей следовало сначала зарегистрировать приход и настоятеля церкви, который после этого должен был провести общее собрание прихожан для выборов трех членов церковного совета и трех членов ревизионной комиссии.

25 августа 1945 года Совет по делам Русской Православной Церкви утвердил Инструкцию для своих уполномоченных. До сего времени им приходилось пользоваться «Положением о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР» №628 от 29 мая 1944 г., Постановлением Совнаркома №1603 от 19 ноября 1944 года — «О порядке открытия молитвенных зданий», «Положением о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», утвержденным Совнаркомом 7 октября 1943 года[35].

Теперь представители государственной власти получили собственный циркуляр, который на долгие годы стал главным оружием уполномоченного в его противостоянии с местной Церковью[36]. Существование инструкции было окружено секретностью и недоступностью: наличие в одном экземпляре без права копирования, местопребывания — сейф, никаких ссылок на инструкцию в любых разговорах, запрет на вынос за пределы кабинета... По истечении срока действия в 1961 году она была изъята из делопроизводства. Подобно исчезли многие, неудобные для Советского строя документы.

Некоторые положения Инструкции повторяли пункты Постановления Наркомюста о претворении в жизнь ленинского декрета, особенно по вопросу регистрации религиозной общины: все тот же в трех экземплярах договор с коллективом верующих с подписями все той же «двадцатки», инвентарная опись имущества. Остались и прежние запреты на различную общественную и благотворительную деятельность: создание касс взаимопомощи, приютов, организацию всякого рода кружков, библиотек, проведение экскурсий...

Однако у чиновников 40-х годов наступательный размах мысли оказался куда шире, нежели у их предшественников. Оно и понятно: те только начинали, а у этих был за спиной почти тридцатилетний опыт подавления государством Церкви. Инструкция была весьма обширна: 9 разделов на 19 машинописных страницах. Она регулировала основные стороны церковной жизни:

1. Рассмотрение ходатайств об открытии церквей и молитвенных домов.

Процедура открытия церкви и регистрации общины была разработана так, что закрыть храм или отказать верующим в его открытии было просто и быстро. Это могли сделать и местные власти. А вот чтобы открыть новый храм, следовало обращаться через местные Советы в Совет по делам Русской Православной Церкви, что было очень хлопотно, сложно и длительно.

Прежде, чем уполномоченный отправлял ходатайство в Совет, он производил почти что полицейский сыск: кто автор заявления, действительны ли подписи, правильно ли оформлено заявление даже внешним образом, в каком состоянии находится храм, об открытии которого хлопочут верующие.

2. Регистрация приходов, их исполнительских органов и служителей культов.

Уполномоченный был волен отказать в регистрации любому неугодному ему или властям священнослужителю, назначенному правящим архиереем.

3. Заключение договора о передаче в пользование прихожан церковного здания и культового имущества.

4. Учет церквей, молитвенных домов и монастырей.

На каждый зарегистрированный приход уполномоченный заводил досье, в котором должно присутствовать десять обязательных документов: ходатайство, список учредителей, список членов церковного совета и ревкомиссии, анкеты настоятеля и т. д. и т. п.

5. Наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений Правительства Союза ССР, относящихся к Русской православной церкви, а равно за выполнением приходами договоров о пользовании церковными зданиями и культовым имуществом.

6. Наблюдение за духовными училищами и православными братствами.

7. Закрытие, переоборудование, слом и строительство церквей и молитвенных домов.

8. Порядок представления Уполномоченным информации и отчетов Совету по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР и положении и деятельности РПЦ на территории республики, области или края.

9. Общие правила, которыми должен руководствоваться Уполномоченный Совета в своей практической работе.

«...Уполномоченный Совета наблюдает, чтобы все ведомства республики, краевые и областные организации в соответствии с Положением о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР, согласовывали с ним мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к Русской православной церкви...

...дает заключение по заявкам епархиального управления на строительные материалы, топливо, горючее и т. п.

...для осуществления связи с местной епархией и приходами РПЦ по вопросам, требующим разрешения Правительства СССР или правительств союзных и автономных республик и местных советских органов, проводит прием епархиального архиерея, представителей приходов и духовенств и ведет регистрацию посетителей...»[37].

Однако никакие инструкции никогда не могли предвидеть все жизненные ситуации (включая и в Новгородской области), которые ставили уполномоченного в тупик. В январе 1947 года верующие г. Боровичи обратились к уполномоченному с просьбой войти с ходатайством о возвращении святых мощей праведного Якова Боровичского из Валдая, где они, по слухам, хранились в местном музее. Перенесены мощи в Валдай были еще в XVII веке патриархом Никоном.

«Прошу Ваших указаний, как мне реагировать на данный запрос» — обращался чиновник за помощью в Совет. Ответ пришел через месяц и был весьма краток: «Прошу сообщить канцелярии митрополита Ленинградского и Новгородского Григория о том, что местонахождение мощей Якова праведного Боровичского вам неизвестно»[38]. (Эта неизвестность сохраняется и по сей день.)

Документы неопровержимо свидетельствуют, что местные власти, уловив двусмысленные действия партии и правительства в отношениях с Русской Православной Церковью, старались всяческими ухищрениями противиться открытию храмов в епархии. Вот одно обращение. «В облисполком от жителей с. Медведя. Обращаемся к вам с ходатайством относительно нашей церкви. Мы наслышаны, что везде церкви открываются, а в Медведе собор разрывается и кирпич увозят. Наш приход большой, и могли бы его возобновить. Покорнейше просим вас запретить, чтобы церковь не ломали, иначе мы будем жаловаться дальше. Сельсовет рядом, и видят, как расхищают кирпич. Просим вас не оставить нашей просьбы...»[39].

Пользовались для отказа и жестким ограничением приходской деятельности священника: «...согласно существующего положения священник имеет право служить только в одном храме, а поэтому разрешать богослужение священнику Мроткинской церкви Дисидерию Бойцову в Городенской церкви не разрешайте. Одновременно прошу вас поставить в известность верующих (через их уполномоченных Павлова Федора и Савельева Алексея) о том, что церковь может быть открыта и зарегистрирована мною лишь при наличии постоянного служителя культа (священника). Назначение же священника в Ленинградской области производит митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, к которому им, верующим и следует обращаться», — наставлял уполномоченный Кушнарев еще в мае 1944 года председателя Батецкого РИКа Я. Недельского[40].

С неменьшими трудностями возрождалась церковно-приходская жизнь в Новгороде. Решением Совета по делам Русской Православной Церкви от 14 апреля 1945 года была открыта церковь Михаила Архангела на Торгу. Но до июня богослужения в ней не совершались, так как не было священника. Далее судьба храма переменилась — закончилась реставрация Никольского собора, который было решено вернуть Церкви. Архиепископ Псковский и Порховский Григорий, в то время исполнявший обязанности и управляющего Новгородской епархией, 30 мая назначил настоятелем к Никольскому собору г. Новгорода протоиерея Александра

Здравомыслова, ему же вменялись обязанности и благочинного церквей Новгородского округа[41].

Судьба отца Александра сродни большинству судеб его братьев по клиру: духовное образование получил в провинции — в Вологде, служил священником, потом был переведен в Екатеринбург епархиальным миссионером, затем служил в московских церквях, отбыл ссылку, по возвращении — снова служение Церкви, снова ссылка — теперь уже на 5 лет, в Туркестан. После освобождения уехал к детям в Копейск Челябинской области. Там и нашел отца Александра вызов архиепископа. Протоиерей приехал в Новгород 19 июня. «Ни общины, ни храма там не было», — писал он в одном из заявлений. Некоторое время служить пришлось в селе Васильевском. И здесь оказалось, что А. В. Здравомыслов приехал без официального вызова облисполкома. По этой причине ему отказывалось в прописке, а без прописки невозможно было ступить и шагу в те годы.

Исправить положение удалось лишь через Совет по делам Русской Православной Церкви. Свое участие проявил и сам Патриарх, собственноручно написавший уполномоченному П. Н. Тихонову: «Многоуважаемый Петр Николаевич! Прежде всего, благодарю Вас за Ваши заботы о церковных делах Новгородской епархии. Она особенно близка мне по моему прежнему служению в ней, и я всегда близко к сердцу принимал ее нужды.

Протоиерей Здравомыслов, зарегистрированный Вами при Никольском соборе г. Новгорода, не получил однако прописки в Новгороде. Теперь мы отсюда это дело наладили — от Совета сделаны соответствующие указания в Новгород. Моя просьба заключается в том, чтобы Вы посодействовали скорейшей его прописке.

Затем еще просьба. В Чудове находится временно икона Св. Николая Чудотворца из Никольского собора. Посодействуйте ее возвращению в собор.

Желаю Вам всего наилучшего и заранее благодарю Вас, многоуважаемый Петр Николаевич.

Искренне уважающий Вас П. Алексий».

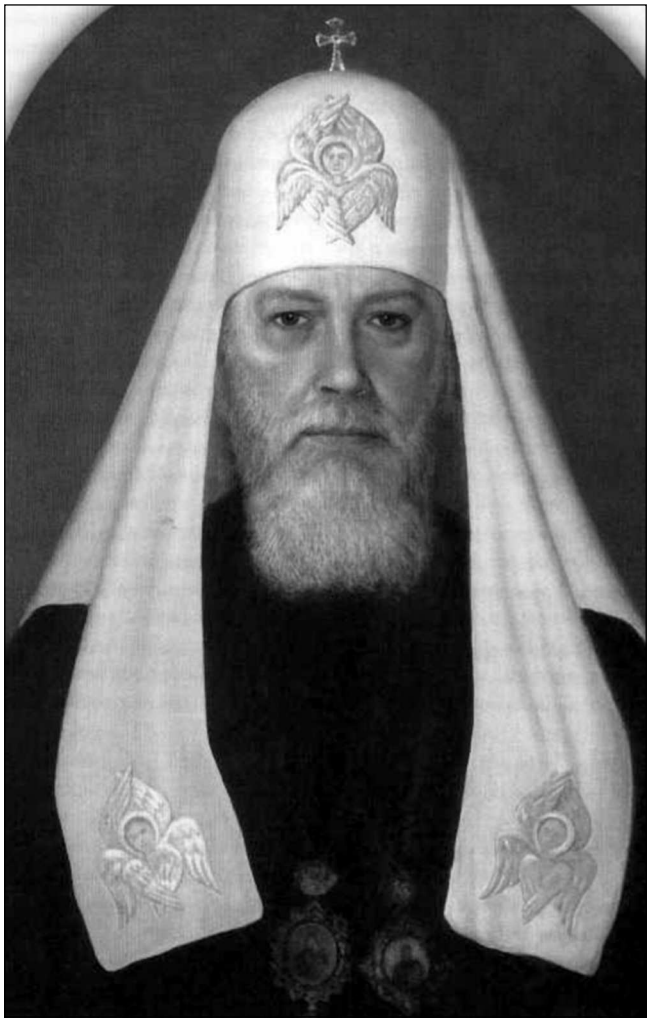
Письмо датировано 12 августа 1945 года[42].

Новгородский облисполком уже приступил к действию.

Освящение храма было намечено на 18 ноября 1945 года. Ожидалось прибытие митрополита Ленинградского и Новгородского Григория. Но, к сожалению, иерарх заболел, торжества перенесли на 25 число, а чин освящения был поручен протоиерею отцу П. П. Тарасову.

По такому торжественному случаю П. Н. Тихонов забронировал в Доме крестьянина одну из лучших комнат, облисполком предоставил легковую машину и питание в столовой, выделив дополнительно продуктов на 50 человек (шел 1945 год, Новгород лежал в развалинах, продукты выдавались по карточкам).

Представители митрополита протоиерей П. П. Тарасов и протодьякон Димитриев, — прибыли утром с ленинградским поездом. После краткого отдыха, во второй половине дня они вместе с настоятелем собора отцом Александром Здравомысловым посетили уполномоченного Совета П. Н. Тихонова, а вечером, в 19 часов, в соборе начались торжества. Чин освящения, затем и всенощную, совершил протоиерей П. П. Тарасов в сослужении протодьякона Димитриева, протоиерея А. В. Здравомыслова и священников из близлежащих церквей. На следующий день торжества продолжились литургией. По окончании богослужения протоиерей Тарасов обратился к прихожанам

Патриарх Московский и всея Руси Алексий I

с проникновенным словом: он говорил об историческом значении Новгорода в судьбе всей России, многовековых традициях христианства на новгородской земле и призвал новгородцев, не покладая рук, восстанавливать свой древний город.

На другой день гости Новгорода попросили разрешения у П. Н. Тихонова осмотреть кремль и прежде всего Софийский собор. Просьбу гостей удовлетворили[43].

Почти одновременно, 11 ноября 1945 года, состоялось освящение и первое богослужение в Ильинском соборе г. Сольцы. Но это право верующим разрушенного войной городка пришлось отстаивать в столкновении с молодежью, пожелавшей иметь в здании храма Дом культуры. Обе стороны в письменных посланиях с десятками подписей доказывали значимость своих требований. Противостояние началось в апреле 1944 года и продолжалось до 18 сентября 1945, когда уполномоченный П. Н. Тихонов направил в Солецкий РИК телеграмму: «Сообщаю для сведения, что Совет по делам РПЦ при СНК СССР постановлением от 27 июля 1945 года разрешил открыть Ильинский собор в г. Сольцы и Успенскую церковь в д. Молочково Солецкого района. Решение Совета об открытии Ильинского собора в г. Сольцы и Успенской церкви в деревне Молочково одобрены СНК СССР»[44].

Ильинский собор был закрыт в 1936 году, но с приходом оккупантов в нем возродилась церковно-приходская жизнь, поскольку он вошел в зону влияния «Псковской

православной миссии». Несмотря на жестокие бои, которые велись в Сольцах летом 1941 года и при освобождении городка, собор счастливо уцелел, сохранилась и церковная утварь. Первое послевоенное богослужение совершил настоятель собора отец Д. Флоринский.

Судьба этого человека заслуживает особого внимания. Сын священника, он продолжил отцовскую стезю и поступил во Владимирскую духовную семинарию, в 1912 году закончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Основное служение его проходило во Владимирской епархии, довелось отбыть и заключение, которое, практически, не миновало ни одного русского священника. В 1941 году отец Д. Флоринский получил назначение на должность приходского священника в с. Хрепле Батецкого района.

А далее на жизненном пути Дмитрия Николаевича встала Псковская православная миссия, так как Батецкий район оказался в фашистской оккупации. В 1944 году митрополит Виленский и Литовский Сергий назначил о. Флоринского уполномоченным по делам духовного обслуживания православных русских беженцев в Литве. В конце войны при освобождении Литвы советскими войсками, о. Д. Флоринский пожелал вернуться на родину вместе с большинством репатриантов, что и случилось 2 мая 1945 года[45]. П. Н. Тихонов предложил протоиерею место настоятеля в Усть-Варваринской церкви Красностанского сельсовета, неподалеку от Новгорода. Но обстоятельства имеют свойство изменяться. И в сентябре 1945 года митрополит Григорий назначает протоиерея к Ильинскому собору[46].

Но несмотря на все препоны и тернии, которые выставляли местные власти по наущению центральных, верующие не озлоблялись и с верой в Христа, в его Божественное заступничество в трудную годину все силы и средства свои отдавали на алтарь Победы. К концу 1944 года в области действовало только 10 церквей. И их прихожане за последний год войны собрали в фонд Обороны 198 496 рублей, 42 160 рублей — на помощь семьям и детям погибших красноармейцев. Духовенство области собрало в фонд Обороны 11 442 рубля. Цифры, на первый взгляд, незначительные, но следует учитывать, что половина области была разорена войной, большая часть мужского населения находилась на фронтах, десятки деревень стояли либо пустыми (население еще не вернулось из фашистской неволи), либо сожженными... Воистину, лепта вдовицы. В первом квартале 1945 года от 12 церквей области поступило 63 230 рублей 75 копеек денежных средств на нужды Обороны, семей и Красного Креста[47]. В 1946 году эти пожертвования составили 231 607 рублей.

Необыкновенной радостью и воистину духовным подъемом была освещена Пасха 1945 года. Она пришлась на 8 мая. Народ праздновал победу над смертельным врагом, христиане торжествовали победу православия над темными силами сатанизма. Храмы были полны молящихся. Даже по сообщениям уполномоченного, (а завышать данные было не в его интересах), «средняя посещаемость в Пасхальное воскресенье по селу составила от 600 до 1000 человек. Валдай — 4000, Боровичи — 8000 человек»[48]. Во всех церквях служились благодарственные молебны за дарованную и отвоеванную свободу, священники в своих обращениях к прихожанам призывали их к напряженному труду на восстановлении разоренной Отчизны.

Настоятель Васильевской церкви села Васильево Новгородского района, иеромонах Валентин Лелянов сообщал о торжествах в своем приходе: «...служба Пасхальная ввиду посевной кампании была ранняя. Церковь народу не вмещала, кругом храма было множество молящихся — около 5000 человек. Служба прошла торжественно, пело 2 хора певчих: городской и местный. Крестный ход прошел образцово, везде наблюдалась тишина и порядок. И вообще весь пасхальный праздник прошел на большом религиозном подъеме. Хотя на второй день праздника уже производились работы, все же после службы верующие принимали в свои дома, принимали с усердием и любовью прославить Воскресение Господне...»[49].

Рассказывая о первых годах возрождения церквей, нельзя умолчать о людях, чьими трудами и молитвами становилась Новгородская епархия. Прежде всего — священники, преданные слуги Престола Господня, сумевшие не только сохранить свою веру в годы жестоких притеснений, но сохранить и паству. На 30 ноября 1944 года в епархии числилось 15 священников. Из них два протоиерея: Александр Медведский и Николай Попов, священники отцы Дисидерий Бойцов, Сергей Веселов, Петр Игнатенко, Андрей Журавлев, Иоанн Трифонов, Александр Цыпин, Петр Кононов, Николай Листов, Сергей Строганов, Михаил Зверев, Михаил Никитин, Иоанн Копылов, Валентин Колчев[50].

Со временем этот список увеличивался и менялся по составу. Подал прошение о зачислении в штат Новгородской епархии Николай Иванович Соловьев. Родом он был из семьи священника, закончил в 1910 году три класса Псковской духовной семинарии, посвящен в сан архиепископом Валдайским Иосифом в мае 1923 года, от него же получил награду — наперсный крест. Во время войны отец Николай был арестован немецкими властями и направлен в пересыльный лагерь д. Блудово за Сольцами, откуда население угонялось на принудительные работы в Прибалтику и Германию. Из лагеря Соловьев сбежал и добрался до штаба партизанской бригады, в которой и воевал до освобождения новгородской земли. В 1944 году отец Николай пожелал вернуться к своему священническому служению.

Бывший священник Иван Иванович Владимирский обратился к митрополиту Григорию: «Горю пламенным желанием продолжать служение Богу, как служили прадед и дед — протоиереи Левочские и отец — протоиерей Владимирский в Левочской церкви. Так и я желаю быть священником. Образование мое церковное — 4 класса Боровичского духовного училища окончил в 1918 году, а затем окончена Охонская школа 2-й ступени. При жизни отца я исполнял обязанности псаломщика до 1918 года... Настоящим прошу Ваше Высокопреосвященство дать мне возможность служить Господу Богу по примеру моих предков-священников во вновь открывающейся какой-либо церкви. В настоящее время работаю сторожем в МТС и в любое время могу уйти с работы без всякого протеста со стороны организации»[51]. Пожелал вернуться в Церковь и священник Михаил Дмитриевич Сутокский, долгие годы вынужденный работать в конторе. Подал прошение о переводе из Ярославской епархии протоиерей Михаил Козырев. Он получил настоятельство в Успенской церкви в Боровичах[52].

В церковном возрождении важную роль играли верующие. Только их убедительные просьбы, настойчивые действия, ходатайства, обращения в высшие органы власти позволили отстоять право освятить свои осквернённые храмы, возродить их, наполнить их духовной жизнью, искренней

молитвой. Если проанализировать состав церковных советов, «двадцаток», то можно заметить, что в то время в управлении церковно-приходской жизнью активно участвовали мужчины 50—70 лет. Но с постепенным уходом их из жизни на смену приходят женщины, и новое возрождение Церкви легло уже на их плечи.

Восстановление храмов продолжалось и в 1946 году, и в то же время уполномоченный строго следит за действующими церквями. 26-го января П. Н. Тихонов напоминает митрополиту Григорию, что нет священников в Велебицкой, Передольской, Дерглецкой, Охонской церквях. Открываются церкви в мошенской деревне Марково и окуловской — Юрьево. «Как Вы предполагаете укомплектовать свободные вакансии?» — спрашивает Уполномоченный[53].

Но случались и неожиданные послабления. В апреле того же 1946 года в Окуловский РИК поступило указание от П. Н. Тихонова: «Совет разрешил открыть церкви в населенных пунктах Перетно, Юрьево. Не препятствуйте верующим этих пунктов начать пасхальную службу. Наличие священников, оформление и передачи верующим здания церкви учиним позже»[54].

Циркулярное письмо Совета по делам Русской Православной Церкви (с грифом «совершенно секретно») от 8 августа 1946 года констатировало: «Регистрация религиозных общин (за исключением католических и лютеранских приходов), действующих на территории Советского Союза, в основном, закончена... Ходатайства верующих об открытии молитвенных зданий и регистрации вновь возникающих религиозных общин должны рассматриваться впредь в обычном порядке, предусмотренном в инструкции для уполномоченных»[55].

Что же в 1946 году представляла из себя Новгородская епархия, составная часть ленинградской митрополии?

Управление ею осуществлялось через канцелярию митрополита и местное епархиальное управление. На 1 января 1946 года общее число приходов составляло 27. В течение года открылось 9 церквей, 8 ходатайств разрешения не получили. Городских приходов в епархии имелось 6 — 2 собора и 4 церкви. Епархия делилась на четыре благочиннеческих округа: Новгородский — благочинный протоиерей отец Александр Здравомыслов, Солецкий — протоиерей отец Дмитрий Флоринский, Боровичский — отец Василий Ерин, Старорусский — отец Иоанн Копылов.

В штате имелось 5 незамещенных должностей. В клире епархии состояло 3 иеромонаха, 1 архимандрит, 14 протоиереев, 5 дьяконов, 10 штатных псаломщиков. Три священника имели высшее богословское образование, 17 — среднее[56].

Духовенство епархии вместе со всеми жителями испытывали трудности первых послевоенных лет, особенно в тех районах, которые подвергались фашистской оккупации. Если в городах священники получали продуктовые и хлебные карточки, то в селах они были этого лишены. Жить приходилось в частных домах с хозяевами — за перегородкой, а то и занавеской. Основное содержание составляли доброхотные приношения верующих.

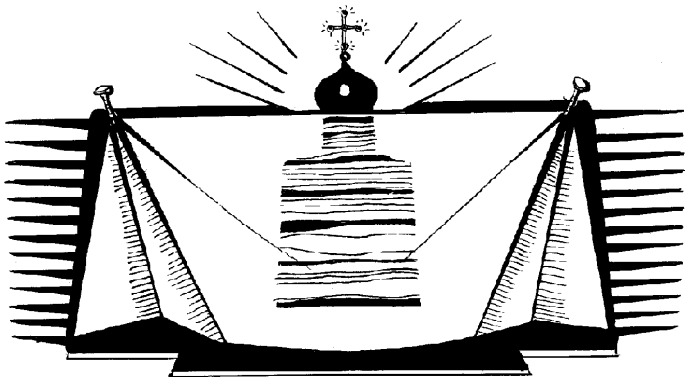
Но как бы ни было трудно — и материально в разоренной области, и морально — из-за жестких рамок, которые остались, несмотря на смену курса в церковной политике. Новгородская епархия сохраняла свои многовековые традиции, главными из которых была приверженность православию, забота о своих храмах и упрочение приходской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Ганичев В. Церковь против Гитлера // Литературная Россия. №3. 31 марта 1995. С. 10.
[2] Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 189.
[3] Там же. С. 191.
[4] Отечественные архивы. 1994. №2. С. 50.
[5] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 17.
[6] Там же. Л. 11.
[7] Там же. Л. 16, 17.
[8] Там же. Л. 19.
[9] Там же. Л. 23.
[10] ГАНО. Р-4110. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[11] ЦГА Санкт-Петербурга, Ф-9324. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.
[12] Отечественные архивы. 1995. №2. СС. 56-57.
[13] Наука и религия. 1995.№5. С. 23.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Ганичев В. Указ. соч. С. 10.
[17] «Наука и религия», 1995, №5. С. 22.
[18] Там же. С. 23.
[19] Там же. С. 22.
[20] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.
[21] Источник. 1995. №3. С. 91.
[22] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.
[23] ГАНО. Р-3404. Оп. 1. Д. 104. Л. 101—104.
[24] ГАНО. Р-3686. Оп. 1. Д. 54. Л. 260.
[25] ГАНО. Р-4110. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.
[26] Там же. Д. 1. Л. 1.
[27] Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 18.
[28] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
[29] Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
[30] Там же. Л. 5.
[31] Там же. Л. 33.
[32] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.
[33] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 146—147.
[34] Там же. Л. 203.
[35] Там же. Оп. 4. Д. 23. Л. 2.
[36] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 28. Л. 2-11об.
[37] Там же.
[38] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
[39] Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.
[40] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
[41] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 27. Д. 46. Л. 9.
[42] Там же. Д. 46. Л. 4.
[43] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 49—52.
[44] Там же. Оп. 1. Д. 8.
[45] Там же. Д. 55. Л. 6, 9, 11.
[46] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
[47] Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.
[48] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.
[49] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 127.
[50] Там же. Оп. 1, дд. 20, 22, 23, 25, 47.
[51] Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 119—120.
[52] Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.
[53] Там же. Л. 61.
[55] Там же. Оп. 4. Д. 23. Л. 25.
[56] Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 1, 2, 3.

Глава V

Новый атеистический поход

В первые послевоенные годы огромную роль играла международная религиозная политика страны, и Русской Православной Церкви отводилось в ней ведущее положение. Однако после выполнения задачи-минимума: сплочения восточноевропейских церквей под руководством Московской Патриархии, — международные и внутренние аспекты советской религиозной политики начали существенно меняться. Расположение И. В. Сталина к Московской Патриархии заметно угасло. Первые признаки охлаждения в государственно-церковных отношениях стали проявляться уже в 1947 году, вызванные ограниченными возможностями использования Патриархии на международной арене. В мире начиналась «холодная война». Вплоть до начала 1947 года Церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть — в благотворительные организации и фонды: помощи детям-сиротам, семьям военнослужащих и т. п. Эта практика значительно поднимала авторитет Церкви в обществе, что не очень устраивало правительство. Поэтому в феврале 1947 года согласно указанию Совета Министров СССР Патриарху пришлось выдать предписание о сокращении любых сборов на патриотические цели[1].

Сокращение поступлений в государственный бюджет решено было компенсировать обязательной подпиской духовенства и прихожан как и всех советских людей на займы восстановления народного хозяйства. Кроме того, Постановление Совмина СССР от 3 декабря 1946 года № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов»[2] усилило налоговые тяготы. Финансовое бремя оказалось не под силу малочисленному и малоимущему клиру, и митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий вынужден был отправить телеграмму Патриарху: «Налоговое обложение, сильно завышенное, совершенно не соответствующее доходности — ставит причт ленинградских церквей в полную невозможность оплаты...»[3]. Несомненно, что все колебания в отношениях государства и патриархии отражались на положении и Новгородской Церкви.

Чем характеризовался 1947 год в жизни епархии?

Она по-прежнему входила в состав Ленинградской митрополии, возглавлял которую Высокопреосвященный Григорий (Чуков), викарием состоял епископ Лужский Симеон. Правящие архиереи в течение 1947 года ни разу не посетили новгородские приходы.

Напряженно складывались отношения с новым Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви А. П. Городецким, сменившим на этом посту П. Н. Тихонова. В действиях П. Н. Тихонова постоянно ощущалось желание найти благоразумное решение вопросов и недоразумений. Он много ездил по области, вникая в подробности на месте, приложил немало сил, чтобы организовать достойное торжество по случаю освящения Никольского собора в ноябре 1945 года[4].

Совсем других взглядов на свою службу придерживался преемник П. Н. Тихонова. «Взаимоотношения с местным Уполномоченным не вполне нормальны, т. к. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Новгородской области А. П. Городецкий по назначении совсем ни разу не сделал ни одной попытки познакомиться с управляющим епархией, и работа с ним ограничивалась немногочисленными отношениями на имя митрополита и официальных сообщений из канцелярии митрополита», — такая характеристика осталась в годовом отчете епархии за 1947 год[5].

В действиях Уполномоченного уже сказалось общее похолодание в отношениях между правительством и Церковью. Неудивительно, что ходатайства об открытии храмов в 1947 году удовлетворялись с трудом, несмотря на то, что во многих местах до ближайших действующих храмов людям приходилось добираться за 10—50 километров. Разрешение было дано только на 4 церкви. В д. Марково Белебелковского района — церковь во имя Смоленской Божией Матери; Успенская церковь в д. Курицко Новгородского района, церковь во имя св. Федора Стратилата в д. Верехново Волотовского района и Святодуховская церковь в с. Городцы того же района [6]. В списке же ходатайств стояло 22 заявления, одиннадцать из них были поданы еще в 1945—1946 годы. Ответа не поступило и в 1947 году. Общее число приходов к концу 1947 года достигло 42, шесть из них находились в городах. [7]

В клире епархии состояло уже 16 протоиереев, 22 священника, 1 протодьякон, 5 дьяконов, 12 псаломщиков. Не имелось в епархии ни своих домов, ни транспорта. Все испытывали огромные жилищные трудности. Конечно, это можно понять, потому как почти половина области еще лежала в развалинах, оставшихся после войны. Многие жили в землянках, в неприспособленных помещениях.

Но помимо житейских трудностей ощущалась и духовная неудовлетворенность. Обеспечение церквей находилось в бедственном состоянии: убранство храмов, священнические облачения были бедны, стары и просто убоги, особенно в селах. Многие священники не блистали знанием церковных уставов и подготовкой к проповедничеству. Все приходы нуждались в богослужебной литературе[8].

Пришедший на смену скончавшемуся А. П. Городецкому в 1948 году новый Уполномоченный И. Г. Иудин отличался от предшественника характером и подходом к своим обязанностям. Хотя с делом он знаком не был, в короткое время «успел проявить внимательное отношение к церковным нуждам области»[9].

В 1948 году количество церквей в области сократилось пока на одну — 41. В самом Новгороде по-прежнему действовал один Никольский собор. По всей России в то время действовало 14329 храмов[10]. Последующие годы, вплоть до кончины И. В. Сталина, характеризуются падением интереса правительства к Русской Православной Церкви и обострением внутриполитической борьбы, что также отразилось на положении Церкви. Минувшая война позволила выплеснуться на волю духовным силам народа: национальным,

личностного самосознания, религиозного верования. Теперь власти попытались обуздать былое свободолюбие, в том числе и воспрянувшую было Церковь. 25 августа Синод был вынужден запретить крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах вне богослужений, печатание в епархиях послания епископов. Архиереям возбранялось разъезжать по епархии в период сельскохозяйственных работ. Вероятно, по этой причине правящий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) посетил Новгород только в январе 1949 года. Вообще, это был первый его приезд в Новгород со времени его святительства на кафедре с 1944 года. При огромном стечении народа владыка отслужил в Никольском соборе всенощную — 29 января и литургию — 30. Этот приезд был значительным событием в жизни верующих новгородцев[11]. Тем не менее ни одного нового храма в 1949 году открыто не было.

В своей книге Д. В. Поспеловский, ссылаясь на сведения Пауэла Давида (Кембридж), пишет, что уже в 1944—1945 годах правительство предпринимало попытки новых притеснений Церкви. Называется постановление ЦК ВКП(б), принятое в сентябре 1944 года, призывавшее к усилению антирелигиозной пропаганды «через пропаганду научного мировоззрения». Следующее постановление ЦК «призывавшее усилить атеистическую пропаганду в средствах массовой информации», появилось в 1945 году[12].

При изучений документов отдела пропаганды и агитации Новгородского обкома партии за 1944—1950 годы не было обнаружено не только каких-либо ссылок на эти центральные директивы, но и вообще в документах отсутствуют такие понятия, как церковь, религия, священники, атеистическая пропаганда. Этих понятий нет ни в учебных планах сети политпросвещения, ни в перечне лекций, ни в отчетах и справках райкомов партии. У человека несведущего в этом вопросе по имеющимся документам может сложиться впечатление, что в области в те годы вообще отсутствовали церкви, верующие, духовенство — ни слова о какой-либо атеистической пропаганде.

И все же один и весьма примечательный документ, датированный уже 1949 годом, обнаружить удалось. Это докладная записка в обком ВКП(б) начальника Новгородского областного управления кинофикации. Он с тревогой сообщал секретарю по идеологии, что в Окуловском районе «много местных религиозных праздников. Колхозники бросают работу в ущерб общеколхозному делу». Но беспокоился кинофикатор не о трудовой дисциплине: «Как правило, в эти дни, если придет сюда кинопередвижка, она обречена на простой, т. к. подводу не дадут и в кино никто не идет. Причем нередко в этих праздниках принимают участие и коммунисты». Далее следовало неудовольствие в адрес работников РКП(б), которые в дни религиозных праздников «отсиживаются в кабинетах и никаких попыток не делают вести борьбу с этим злом». Сам секретарь Окуловского РКП(б) на высказанное замечание «пожал плечами»[13].

Партийные идеологи М. А. Суслов и Д. И. Шепилов пытались еще в 1948 году объявить в стране новый религиозный поход, но дело сорвалось благодаря поднявшемуся по всей планете движению в защиту мира. В нем приняла участие и Русская Православная Церковь, что повысило ее авторитет в глазах народа и самого И. В. Сталина.

Верующие новгородцы поддержали обращение Патриарха к архиереям, пастырям и верным чадам Русской православной церкви о подписании Стокгольмского воззвания[14].

Даже незначительное потепление в отношениях государства и Церкви сказалось на положении дел в епархии. 30 января 1950 года благочинный Новгородского округа отец Н. Чернышев освятил правый придел Никольского собора в честь иконы Божией Матери «Знамение». Он же 22 мая освятил левый придел в честь преподобного Варлаама Хутынского. После ремонта в Валдае 12 июля была освящена церковь во имя Петра и Павла, в селе Юрьево Окуловского района в том же июне освящена церковь после ремонта. Благочинный Старорусского округа отец Иоанн Копылов 22 октября освятил в с. Порожки в местной церкви придел во имя великомучеников Флора и Лавра, в с. Леохново 12 ноября освящен храм во имя Преображения Господня[15]. Однако общее число храмов в области по-прежнему оставалось на одном уровне. В 1953 году их было только 40. Семь нуждались в ремонте[16].

Духовная жизнь отмечалась памятными событиями, которые давали верующим силы и радость духа. Четыре раза в 1953 году выезжал в Новгород и. о. викария митрополии преосвященный Роман, епископ Таллиннский и Эстонский. 22 ноября в Спасо-Преображенской церкви с. Бронница владыка освятил новый придел в честь Всех Святых в память упокоения воинов, павших в Великой Отечественной войне. На богослужении присутствовала огромная масса народа. Свыше 30 лет местные прихожане не видели архиерейского служения. И это событие стало большим праздником в жизни верующих новгородцев[17].

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 года вызвала среди российских иерархов противоречивые настроения. С одной стороны появилась надежда на продолжение религиозного подъема, с другой возникли опасения, что без сдерживающего влияния «вождя» многие из его соратников постараются объявить новый атеистический поход против Русской православной церкви. Начало такому грядущему походу положило постановление ЦК КПСС от 7 июня 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Активными авторами этого документа были Д. Шепилов, А. Шелепин и М. Суслов[18]. Реакция в обществе была настолько негативной, что уже в сентябре Н. С. Хрущев вместе со своими помощниками вынужден был отступить, и 10 ноября 1954 года появилось новое постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»[19].

Это постановление значительно улучшило атмосферу в обществе. Оно сказалось и на судьбе Новгородской епархии. С 1933 года епархия входила в состав Ленинградской митрополии. Помощником у митрополита был викарный епископ с титулом Старорусский. В 1955 году «с перемещением преосвященного Михаила (Чуба) епископа бывшего Старорусского» вакансия долгое время оставалась свободной. Митрополит Григорий обратился к Святейшему Патриарху с просьбой заместить эту вакансию и сам предложил кандидатуру: «Ввиду особых условий исторического значения древней Новгородской области имею честь представить вниманию Вашего Святейшества, что таким кандидатом на пост епископа Старорусского мог бы быть архимандрит Сергий (Голубцов) как весьма сведущий в области церковной археологии и, в частности, в археологических ценностях Новгорода и области»[20].

Священный Синод в своем заседании 17 октября 1955 года поддержал ходатайство митрополита Григория. После наречения и хиротонии в епископский сан, состоявшихся

в Троице-Сергиевой Лавре, преосвященный Сергий, епископ Старорусский, становится викарием Ленинградской епархии[21]. Но уже через год, 22 ноября 1956 года, заседание Священного Синода вновь слушало митрополита Ленинградского и Новгородского Елевферия — «о выделении Новгородской епархии в самостоятельную епархию и назначении самостоятельного епископа Новгородского». Синод назначил управляющим Новгородской епархией епископа Старорусского Сергия[22]. С 1 ноября 1957 года древнейшая Новгородская епархия вновь приобрела свою самостоятельность.

Владыка Сергий, в миру Павел Александрович Голубцов, родился в 1906 году в семье профессора Московской Духовной Академии. Вся его родословная с обеих сторон связана с духовным служением. Два брата стали священниками, сестра — монахиней. Учебу на экономическом факультете Московского Университета в 1930 году прервала ссылка в северные края. После трехлетнего пребывания в ГУЛАГе продолжить учебу П. Голубцову уже не удалось, пришлось зарабатывать кусок хлеба. После войны он поступил в московскую духовную семинарию, по ее окончании — в Академию, из которой вышел в 1951 году со званием кандидата богословия. С 1950 года иночествовал в Троице-Сергиевой лавре до назначения викарным епископом Ленинградской митрополии[23].

Вновь поставленный архиерей начал свое святительство с посещения храмов вверенной ему епархии (будучи викарием, он редко отлучался от митрополита). Побывал почти во всех приходах. Состояние многих церквей вызывало тревогу, но на капитальный ремонт требовались средства и усилия. Пришлось определить наиболее аварийные: в Коростыни, Любынях, Подгощах и в Новгороде — Никольский собор[24].

Относительное благополучие Церкви, сложившееся в стране в 50-е годы, было недолговечным. В ЦК КПСС находилось много воинствующих атеистов, готовых при первой возможности возобновить антирелигиозное наступление. Да и сам первый секретарь ЦК Н. Хрущев, мечтающий о скором построении коммунистического общества, с трудом мирился с «религиозным дурманом». Сдерживало его только мировое общественное мнение, с которым коммунисты старались считаться.

Еще не было открытого гонения на Церковь, но не было и движения вперед. С 1948 года в Новгородской епархии не открылось ни одной церкви. И на 1 января 1960 года их число по-прежнему составляло 40, 6 из них — городские[25]. На долю епископа Сергия (с 12.02.1963 года — архиепископ) выпала вся тяжесть надвигающегося нового противостояния Государства и Церкви. Светлым моментом в этой угнетающей атмосфере стали торжества по случаю 1100-летия Новгорода Великого, прошедшие летом 1959 года. 23 августа Патриарх Московский и Всея Руси Алексий подписал указ епископу Старорусскому Сергию, управляющему Новгородской епархией: «В ознаменование 1100-летнего юбилея Великого Новгорода епископ Старорусский Сергий утверждается в звании епископа Новгородского и Старорусского»[26].

Знаменательную годовщину Новгород отметил большими торжествами, на которые прибыли гости из многих сторон огромной страны и из-за рубежа. Приняла участие в празднике и Новгородская церковь. В Никольском соборе прошли торжественные богослужения, во время которых состоялось оглашение нового сана епископа Сергия. К торжественным дням в Никольском соборе были завершены большие реставрационно-живописные работы, открыта для обозрения темперная живопись конца XVIII века. Но это был праздник. А за его спиною стояли трудные напряженные будни, в которых шло невидимое противостояние.

Конец 50-х — начало 60-х годов стали в истории нашего Отечества трагическим периодом, когда руководство СССР сделало еще одну, устрашающую попытку окончательно разрешить в стране «религиозную проблему». Нагнетание в обществе антирелигиозных настроений, прежде всего через средства массовой информации, через атеистическую пропаганду неизбежно вело к новому «штурму небес». Начало ему положило совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Госполитиздата, ЦК ВЛКСМ и т. п., состоявшееся в начале мая 1957 года. На нем было решено вернуться к исполнению откровенно антирелигиозного постановления ЦК КПСС от 7 июня 1954 года. Было предписано издавать массовый научно-популярный журнал «Наука и религия».

Объявленный поход на религию продолжило секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 года «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». Оно предписывало всем партийным и государственным органам, всем общественным организациям развернуть наступление на «религиозные пережитки советских людей». В соответствии с указаниями ЦК и лично Н. С. Хрущева 16 октября Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Постановления запрещали применять в монастырях наемный труд, предусматривалось уменьшение земельных наделов, сокращение самого количества обителей. Кроме того, вновь вводился отмененный в 1945 году налог со строений, вводилась земельная рента, резко повышались ставки налога с земельных участков[27].

Следующим наступательным шагом в «антирелигиозном походе» стало запрещение традиционного паломничества верующих к водяным источникам — святым местам. 28 ноября 1958 года ЦК КПСС принял очередное антирелигиозное постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», которое предписывало партийным и советским работникам принимать все ужесточенные меры, чтобы предотвратить паломничество[28].

30 марта 1959 года это постановление обсудил Совет по делам Русской Православной Церкви, на заседание которого были созваны уполномоченные со всей России[29]. Правящая власть задумала в несколько месяцев разрушить вековую традицию поклонения святым местам. Методы при этом использовались давние, проверенные еще в «пятилетку безбожия». Вот как изложены они Уполномоченным по Новгородской области Г. Е. Капицей при подготовке целой кампании по закрытию источника возле д. Молочково Солецкого района.

«В свете решения ЦК КПСС и бюро Новгородского обкома КПСС «О проведении работы по прекращению паломничества к так называемым святым местам и источникам» Солецкому РК КПСС и РИКу мною даны следующие практические рекомендации:

— подготовить выступления 2—3 человек из числа местных граждан в районной газете об этом очаге шарлатанства церковников с предложениями по его ликвидации;

— усилить антирелигиозную пропаганду среди жителей Дубровского сельсовета;

— выступления в газете и ходатайства общественности использовать при вынесении решения на заседании РИКа о сносе часовни...»[30].

В сложившейся ситуации Патриарх нашел нужным обратиться к архиереям: «...во многих епархиях держится обычай в известные дни, например, в так называемую 9-ю пятницу, в праздник Рождества Богородицы, в день Св. Николая, в Покров, в Ильин день, в Троицын день, в Казанскую, в Тихвинскую и другие заветные дни паломничать группами на реку, к колодцам и источникам, причем паломничества эти совершаются независимо от церковного служения в эти дни...». Патриарх просил преосвященных не подменять церковные обряды ложными. Он имел в виду случаи обманов и провокаций, которые могли быть при огромном стечении народа[31].

Спустя месяц после рекомендации Уполномоченного районная газета «Знамя победы» выпустила страницу под общим заголовком «Кому нужен религиозный дурман?». Житель д. Любитово Дубровского сельсовета В. Матвеев уверял читателей: «Я прожил 68 лет и за всю свою жизнь пришел к твердому убеждению, что Бога не было и нет, а все религиозное учение есть дурман, придуманный господствующим классом для лучшего закабаления и эксплуатации забитых и темных людей»[32]. Не надо быть большим специалистом, чтобы понять, что за подписью В. Матвеева стоит ловкий пропагандист.

Пространная статья под заголовком «Для верующих святой, а для попов золотой» подписана вымышленной фамилией Н. Кувалдин.

Достоверно известно, что не только в составе редакции не было сотрудника с такой фамилией, но и в самом городке она не значилась. Что стоит за этим укрывательством? Трусость? Нежелание, чтобы люди знали того, кто осмелился выступить против прадедовских святынь? «Но те огромные доходы, которые получало духовенство за счет религиозного одурманивания и эксплуатации народа, им казались недостаточны. Поэтому они придумали открыть «святой» источник возле деревни Молочково...»[33], — писала газета.

13 апреля 1959 года Солецкий райисполком принял решение №122 — о закрытии часовни в Молочкове: «Учитывая пожелания и просьбы трудящихся о закрытии часовни в Молочкове, которая используется в корыстных целях и наносит вред народу, исполком решает удовлетворить просьбу трудящихся закрыть часовню в Молочкове и запретить в том месте сбор народа в религиозные праздники...»[34].

Предвидя тщетность словесных постановлений, местные власти постарались проявить активность в действиях. За неделю до праздника Успения Божией Матери, который является престольным в Молочкове, председатель РИКа и секретарь райкома КПСС вместе с подъехавшим уполномоченным Г. Е. Капицей наметили меры для предотвращения паломничества. Райисполкому вменялось принять обязательное постановление, которое бы воспрещало гражданам собираться возле источника. Нарушившие этот запрет облагались штрафами в сумме 100 рублей или приговаривались к исправительным работам на 1 месяц[35]. Районная газета опубликовала это постановление с дополнительным антирелигиозным толкованием. Райисполком оповестил соседние районы о принятом решении.

Несмотря на запретительную политику властей настоятель молочковской церкви отец Ф. Пузанов не отказался от богослужения. За саботаж он моментально был снят с регистрации, а службы были отменены. Как сообщал потом в отчете уполномоченный Г. Е. Капица: «В ночь на 28 августа 1960 года и днем богослужений не было, колхозники — в поле. Таким образом, с паломничеством к источнику вблизи д. Молочково можно считать поконченным»[36].

Но эта победа, как показала жизнь, продержалась лишь сезон.

В следующем году паломничество возобновилось.

Более крутые меры наступления на «святые места» предприняла районная власть, в Пестове. Председателю Охонского сельсовета было приказано ликвидировать «святой колодец» в лесу за селом Охоной. Правящему епископу Сергию уполномоченный настоятельно рекомендовал отменить свой приезд в Охону на богослужение в 9-ю пятницу, а настоятелю церкви Бахтину — зачитать прихожанам обращение патриарха о недопустимости паломничества к источникам. Колодец разобрали и закрыли.

Была снесена часовня у источника между д. Мышкино и с. Воскресенское, где случилось явление иконы св. великомученицы Параскевы. На месте источника разместили летнюю свиноферму и огородили его территорию.

Святой источник возле д. Кюльвия завалили землей под предлогом «борьбы с малярией». Сам источник к тому же был «замазутен»[37]. «Лиц, восстанавливающих эти места и наносящих ущерб колхозу, привлекать к суровой материальной ответственности», — объявлялось в постановлении Пестовского РИКа №209 от 18 июня1960 года[38].

Были уничтожены и две купальни на территории бывшего боровичского монастыря «Забудущих родителей». Лесхоз осушил их, распахал, засадил лесом. Такая же участь досталась и водному источнику возле боровичской деревни Серафимовка: «часовню занял под склад совхоз им. Кирова, рядом соорудил скотный двор, а воду источника направил на ферму»[39].

Печальная судьба и у далеко известного источника «Семь ключей», что в двух километрах от д. Великуша Окуловского района (ныне — популярная минеральная вода с таким же названием). До 2000 человек приходило к нему в праздник святого целителя Пантелеймона. До 1937 года над источником возвышалась старинная часовня. Икону из нее долго хранили местные жители. Источник был завален землей, территория распахана под лесопитомник и огорожена. Районный отдел милиции выставил посты через железнодорожный мост, дабы останавливать паломников, а также взял на учет всех владельцев лодок, которые перевозили паломников через Мсту[40].

Такая же расправа была уготована и святому источнику «Глухая Кересть», что вблизи д. Кересть Пятилипского сельсовета Новгородского района. Паломники приходили сюда даже из соседних областей. Как сообщал в отчете уполномоченный, «вследствие принятых мер со стороны РК КПСС и райисполкома моления у источника были сорваны. Источник заранее был завален землей...» В сельсовете состоялась «проработка» активистов паломничества[41].

Из 33 святых мест в эту кампанию тридцать одно было ликвидировано[42]. Остались святое озеро возле шимской

деревни Менюша и источник у д. Дубровка Новгородского района, на месте бывшего Перекомского монастыря[43].

В сентябре 1969 года обком КПСС снова вернется к вопросу о прекращении паломничества к уцелевшим двум святым местам, снова будут предприниматься административные меры к «нарушителям», в областной газете появятся разгромные статьи, но ликвидировать окончательно паломничество так и не удастся[44].

Сейчас, через расстояние в тридцать лет, можно осознать в каком же бесправном состоянии пребывали граждане нашей страны, какой произвол властей даже на местном уровне приходилось им испытывать, и это при декларировании закона о свободе совести.

Следом за источниками пришел черед многострадальным храмам: снова поднялась волна закрытия церквей. Справка уполномоченного, датированная 8 декабря 1960 года, так и озаглавлена: «О проведенной работе по сокращению сети церквей за 1960 год». К началу этого года в области действовали 40 православных церквей. Уже к декабрю были сняты с регистрации 5 религиозных общин. Здания тотчас же оказались изъятыми и переданными общественным и государственным организациям. В селе Горцы Шимского района церковь переоборудовалась под клуб совхоза «Прожектор» и школьный спортивный зал, при этом совхоз затягивал предназначенные на его долю работы. В д. Косицкое Батецкого района, как отмечал автор справки, была «организована интенсивная работа по переоборудованию этого здания под клуб». Были закрыты церкви в Голино Шимского района. Д. Верехново Волотовского, Устье — Мстинского районов. На погосте Чижово деревянная церковь оказалась снесенной[45].

О позиции самого Совета по делам Русской Православной Церкви в обстоятельствах атеистического разгула свидетельствует ответ, полученный уполномоченным Г. Е. Капицей 18 октября 1960 года на жалобу верующих Косицкого Батецкого района: «Разъясните заявителям, что Совет не находит оснований к пересмотру решения по этому вопросу. О наличии столь большого числа подписей под этой жалобой доложите обкому КПСС и облисполкому на предмет выявления организатора сбора таких подписей и принятия мер по пресечению подобных случаев в будущем»[46].

Много страданий и унижений выпало на долю прихожан Успенской кладбищенской церкви в Боровичах. Городские власти задумали провести реконструкцию городского парка, вплотную примыкавшего к кладбищу. В феврале 1960 года Боровичский горисполком принял решение с большевистским размахом: кладбище ликвидировать для расширения территории парка, церковную общину выселить в другое здание на окраине города, а в церкви устроить лекторий и телевизионное ателье.

Началась разъяснительная работа в массах, в печати — о необходимости принятых мер. На предприятиях и в учреждениях прошло 20 собраний рабочих, ИТР, служащих. Не согласиться с решением горисполкома смогли, конечно, единицы. Раздавались даже требования закрыть совсем общину, а не переводить ее в другое помещение.

Верующие пытались отстоять предоставленные им Конституцией права на свободу совести: 6 заявлений-жалоб ушло в различные инстанции, нашлись ходоки, которые отправились искать правду в Москву. Они побывали в Совмине, в Совете по делам Русской Православной Церкви. С ними было письмо с подписями 1549 человек.

Тем временем на кладбище уже сносили надгробия, перепланировали территорию, высаживали кусты, деревья... Когда-то Александр Сергеевич Пушкин завещал нам хранить «любовь к отеческим гробам». Без этого чувства не может быть любви к родному дому, своей семье, своей родине. У многих боровичан, голосовавших за снос кладбища, на этом кладбище покоились не только деды и прадеды, но и родители. Не вняли они заветам предков.

С религиозной общиной обошлись жестоко и цинично: из прекрасного, недавно отремонтированного храма ей предложили переместиться в полуразрушившиеся остатки бывшей когда-то церкви св. Параскевы. Кроме такого административного насилия общину при этом грубо ограбили: все ее имущество — различные дорожки, мебель, обиходную утварь описали и отдали горкомхозу. Тот, ничтоже сумняшеся, ковры и дорожки направил в гостиницу, а остальное — на распродажу. Все, как в далекие 20-е годы[47].

И никто не усомнился в правомерности таких действий, тогда как изымать имущество по закону полагалось только при полной ликвидации общины.

Вполне понятно, что при таком атеистическом натиске в течение 1960 года не поступило ни одного ходатайства об открытии церквей, регистрации общины. На 1 января 1961 года в области действовало 5 городских церквей и 29 — сельских[48].

Музей в Новгороде в это время пополнил коллекцию икон за счет поступивших «в результате осмотра памятников культуры в январе 1961 года». 25 — из косицкой, голинской, коростынской и 16 — из только что закрытого Ильинского собора в Сольцах[49].

Этот собор (сооружен в первой четверти XIX столетия) впервые был закрыт в августе 1936 года, во время войны в нем снова стали совершаться богослужения. С 11 ноября 1945 года богослужения снова возобновились и продолжались до 1960 года. Все эти годы храм не давал покоя местным властям. Еще в 1948 году под видом спасения урожая от гибели райисполком попросил верующих временно уступить летнее помещение под склад зерна, которое находилось под открытым небом. Община уступила этой просьбе.

Далее события повторили сюжет русской народной сказки о «заюшкиной избушке»: к обещанному сроку контора «Заготзерно» помещение не освободила. Все обращения оказывались безответными. Кроме того, в течение пяти лет «Заготзерно» не платило никаких налогов, никаких страховок за использование помещения. Здание варварски эксплуатировалось и подвергалось разрушению. Стекла в скором времени оказались выбитыми, водосточные трубы исчезли. Стала разрушаться настенная живопись — копии картин художника Васнецова. Местами ее просто разбивали лопатами, которыми засыпали зерно. В 1952 году в летнем помещении собора установили механический двигатель для сортировки зерна, который стал извергать клубы дыма и пыли, слоями оседавшие на ценной живописи. Эта же грязь стала проникать в зимнее помещение собора, которое в дни праздников не могло вместить всех верующих. Ни на одно заявление о возвращении общине незаконно занятого помещения ответа не последовало. Такова была политика местных партийных и советских органов.

Наконец, склад «Заготзерно» убрали и без согласия с церковным советом помещение тотчас же передали совхозу

«Победа» — под хранение комбикормов. 28 апреля 1953 года, ссылаясь на то, что «летняя часть храма с 1948 года церковной общиной не используется по прямому назначению и не ремонтируется, а Солецкий РПС (райпотребсоюз) испытывает большой недостаток в складских помещениях», Солецкий райисполком решил «изъять летнюю часть церкви в г. Сольцы из пользования церковной общины и передать ее Солецкому РПС под склад»[50]. На сей раз райпотребсоюзу было предложено выплачивать все налоги и страховки за аренду помещения.

Стойкость верующих заслуживает уважения и современников, и потомков. Они не смирились с таким беззаконием райисполкома и продолжили защиту своего права на владение храмом. В январе 1955 года летнее помещение собора в отвратительном состоянии было возвращено. Но прошло пять лет, и снова поднялась волна закрытия храмов. На этот раз верующим сольчанам отстоять свой собор не удалось. Наступление на него началось с проверенной практики подготовки общественного мнения. 12 и 13 июня во всех 30 предприятиях и учреждениях города прошли собрания, на которых присутствовало 2200 человек. Расклад голосов был уже предопределен — 2160 «за» закрытие собора, 40 — воздержались. Днем позже Солецкий РИК своим решением изъял у общины верующих Ильинский собор, а 29 июня уже Новгородский облисполком утвердил это решение и разрешил исполкому переоборудовать здание под городской Дом культуры, на что выделил 100 000 рублей[51].

Снова во все инстанции пошли заявления с протестом, в Москву отправились ходоки. Встали на защиту собора и священнослужители. В архиве епархиального управления остались два ходатайства о сохранении собора в руках верующих. Его настоятель отец Николай Прокофьев в августе 1960 года обратился к правящему архиерею: «...ценнейшая внутрицерковная живопись известных русских мастеров Васнецова и Нестерова покрывает стены, арки, колонны и купола картинами из жизни Ветхого и Нового заветов... в нем венчался великий русский полководец фельдмаршал Кутузов. По заявлению старожилов города, до революции в храме находилась мемориальная доска об этом событии»[52].

Архиепископ Сергий, специалист в художественно-реставрационном деле, также направил письмо — в Патриархию, пытаясь найти поддержку в защите храма: «...Ильинский собор является архитектурным украшением города, а своею живописью, мастерски передающею кисть художника Нестерова и Васнецова, по праву может быть назван уникальным художественным достоянием Новгородской области.

Мягкость живописи, ее высокое художественное достоинство и почти полная сохранность поражает каждого посещающего храм. Прошу поставить вопрос о сохранности...»[53].

Но все попытки сохранить храм в пользовании церкви оказались напрасными.

Следует привести рекомендации уполномоченного Г. Е. Капицы, которые он выдал солецким властям 3 сентября: «...воздержаться от осуществления в настоящие время принятого решения об изъятии у общины здания собора, а осуществить его по прошествии 2—3 месяцев, когда прекратятся хождения граждан в Совет...» Райисполком точно исполнил предписание, и только 12 декабря 1960 года создал комиссию по изъятию храма. С удовлетворением отмечал Г. Е. Капица в своей докладной записке в Совет по делам Русской Православной Церкви об огромной разъяснительной работе, которую провели райком партии, райисполком и райком комсомола при его непосредственном участии[54].

Дому культуры так и не довелось разместиться в соборе. На крыше были разрушены четыре барабана, на том и закончилась реконструкция. Здание на двадцать с лишним лет превратили в склад. И только в 1990 году его вернули верующим. Подобная судьба у десятков храмов области.

О том, как жилось православным священнослужителям в атмосфере нагнетаемого атеизма, можно представить, если познакомиться с жизнью только одного — правящего архиерея архиепископа Сергия (Голубцова). Уполномоченный Совета Г. Е. Капица неоднократно сообщал по инстанциям «о фактах нарушения епископом Сергием советского законодательства о культах».

Чем же нарушал владыка правовые устои нашего государства? Первенствующей виной, которую никак не могли простить власть предержащие, была... благотворительность. Государство, декларировавшее права и свободы человека, свою гуманность и социальную справедливость, на практике попирало одно из самых человеческих прав — право помочь слабому, нуждающемуся, сирому. С первых дней Советской власти благотворительность была признана пережитком прошлого и изгнана из общества и его сознания.

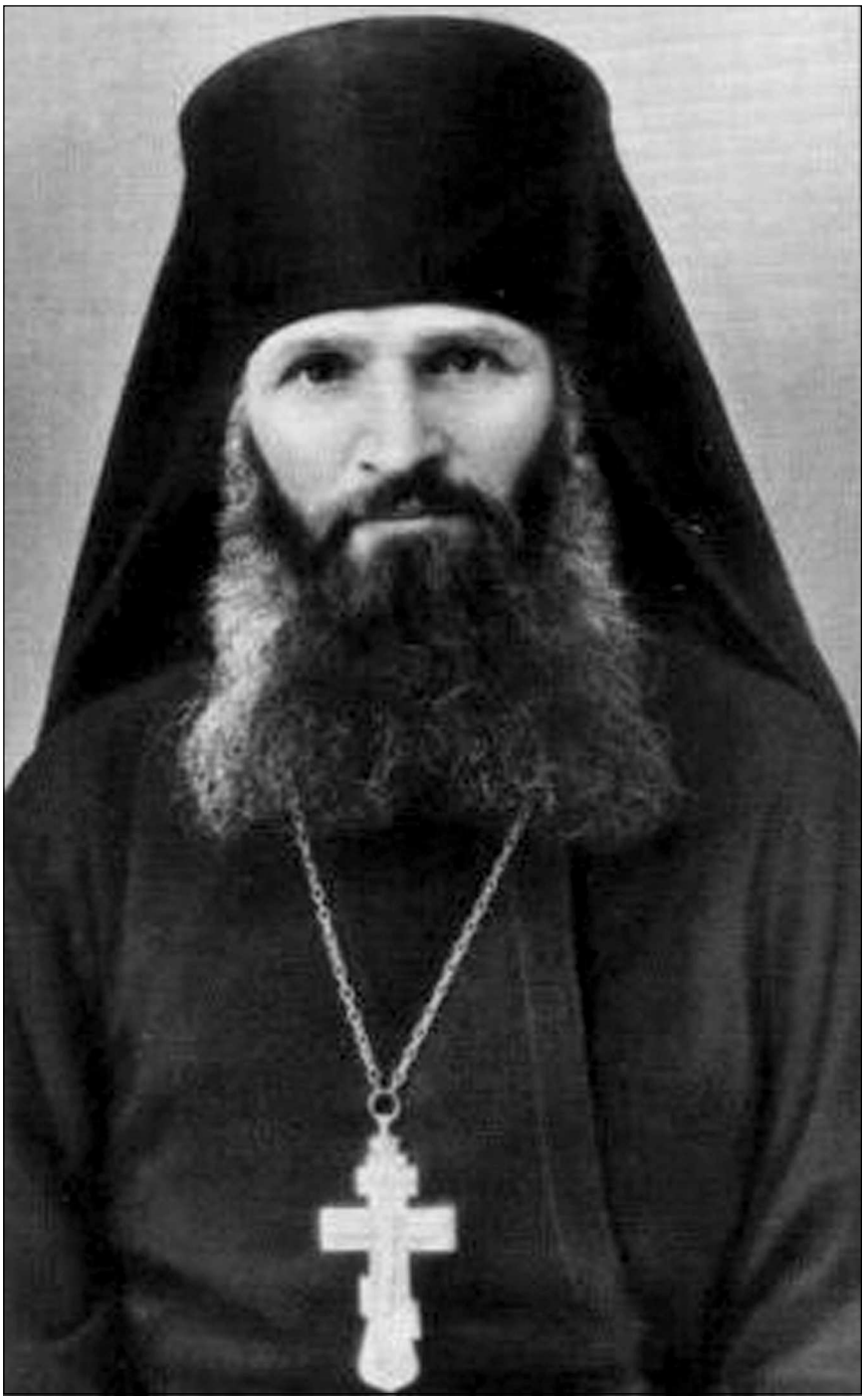
В марте 1961 года правительство утвердило «Инструкцию по применению законодательства о культах» уже применительно к 60-м годам.

Разработана она была по заданию ЦК КПСС. Это документ запрещал религиозным обществам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничество к святым местам, использовать средства для возрождения затухающих церквей и монастырей и т. п. Запрещение благотворительности дошло до того, что власти стали требовать от священнослужителей изгонять нищих из храмов[55].

Ужесточался порядок налогообложения церковно— и священнослужителей, вводилось ограничение колокольного звона, прежде всего в городах. Новгородский горисполком еще в декабре 1960 года запретил колокольный звон в Новгороде «в часы отдыха трудящихся, а также в дни революционных праздников». Через полгода, в мае 1961 года колокольный звон был ограничен одним разом в сутки, не ранее 8 часов утра, не позднее 22 часов, не долее 0, 5 минуты[56].

Но самым вопиющим попранием законности стало то, что эта Инструкция была утаена от заинтересованных лиц, т. е. от духовенства. М. И. Одинцов приводит слова Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедова: «Не следует знакомить с новой Инструкцией религиозные организации, прежде всего потому, чтобы не дать возможности церковным деятелям толковать Инструкцию как какой-то новый курс Советского государства по отношению к религии и Церкви. А такого рода представления и всяческие кривотолки, безусловно имели бы место, и они не служили бы на пользу дела. Я уж не говорю о том, что подобный факт дал бы повод иностранной прессе вызвать новую волну антисоветской клеветы и дезинформации по вопросам положения Церкви в СССР»[57].

Запрет на благотворительную деятельность лишал Православную Церковь возможности проявлять одно из главных достоинств христианства — заботы о ближнем. А без этой заботы немыслимо священнослужение, поэтому проявлялась она самым неожиданным способом.

Архиепископ Сергий (Голубцов)

«Бывший настоятель церкви в д. Бронница Мстинского района Чесноков, как установлено, систематически составлял ведомости на раздачу мелких сумм попрошайкам, скапливавшимся около церкви в дни религиозных праздников». Приводя этот пример, уполномоченный перечисляет и другие распоряжения епископа Сергия о выдаче пособий заштатным священникам, бывшим старостам. «Благотворительная деятельность, как известно, из ведения Церкви изъята, — подчеркивал он в своей справке. — Однако в ряде приходских общин это положение грубо нарушалось. Сергий не только пресекал эти нарушения, а наоборот, давал письменные указания в приходы о выплате отдельным лицам различного рода пособий...»[58].

Опасаясь «антисоветской клеветы», власть приняла меры к организации церковной тематики в отечественной прессе. Областные управления по охране государственных тайн в печати — Облиты — получили из Главлита перечень вопросов, освещение которых в печати признавалось «нецелесообразным». Не рекомендовалось, а на практике запрещалось показывать:

— число церквей и священников;
— количество закрытых церквей;
— состояние религиозности населения;
— количество совершенных обрядов;
— данные о доходах церквей.

Запрещались какие бы то ни было ссылки на Инструкцию

и Постановление Совета по осуществлению контроля за соблюдением законодательства...[59].

Вполне понятно, что публикация упомянутых сведений показывала бы истинное положение в России православной церкви и усилившееся на нее давление. Еще в феврале 1959 года перед правящим архиереем был остро поставлен вопрос о прекращении «благотворительной деятельности», но сетования уполномоченного поступали в Совет и в 1960, и в 1961 и все последующие годы, вплоть до перевода архиепископа в Казанскую епархию. «В фонд оказания помощи слабым приходам епископом Сергием было ассигновано из средств епархии 60 000 рублей, 30 тысяч им было предоставлено из своих денег»[60].

До какой мелочности доходил этот контроль, свидетельствует небольшое послание уполномоченного председателю Чудовского райисполкома, отправленное в апреле 1960 года: «При этом направляю вам заявление гр-на Потемкина, которое он послал в церковные органы с просьбою об оказании ему материальной помощи. Прошу вызвать гр-на Потемкина и разъяснить ему, что с отделением Церкви от государства из ее ведения была одновременно изъята благотворительная деятельность...»[61].

Государство подсчитывало не только средства, потраченные на помощь нуждающимся, но даже такие мелочи, как что и сколько было съедено на архиерейском обеде. Услужливые лица предоставляли уполномоченному счета на поставляемые к столу продукты: «1 банка шпрот, 1 банка частика, 15 порций щей...» И здесь же наставление уполномоченного — расходы на обеды сократить. (Можно с уверенностью сказать, что на облисполкомовских обедах перед уполномоченным стояла не только банка шпрот и порция щей...)

Другой, не менее серьезной виной предъявлялось владыке его активная архиерейская деятельность. И в характеристике епископа, и в различных справках подчеркивалось: «Особенно большую активность церковников вызвали весьма частые выезды Сергия в приходы для совершения архиерейских служб». Если его предшественник викарный епископ Роман за весь 1954 год совершил 3 службы в новгородских церквях, то епископ Сергий за неполный 1956 год — 91, за 1957 — 160. «Его проповедническая деятельность остается довольно активной, чем наносится вред общему делу борьбы за снижение влияния Церкви на население», — замечает уполномоченный в августе 1961 года[62].

Тотчас же проявляется реакция властей: сократить, ограничить и даже препятствовать. Архиерей вынужден представлять уполномоченному расписание своих богослужений в церквях епархии. На январь 1961 года владыка запланировал пять богослужений с выездом в старую Руссу, Речки, Бронницы, Ильину Гору и Борисово. Уполномоченный, увидев это расписание 24 декабря, в тот же день по линии «ВЧ» обратился к Председателю Совета В. А. Куроедову и получил соответствующую установку сообщить епископу Сергию, «что его выезды в другие приходы допустимы только в исключительных случаях 1—2 раза в год и не больше... Как исключение, ему разрешено выехать 15 января 1961 года в д. Борисово»[63].

На каждый свой выезд в приход за пределы Новгорода правящий архиерей был вынужден просить разрешение уполномоченного, который практически всегда отказывал. О совершенной поездке епископ давал уполномоченному отчет. Если владыка самостоятельно, без всякого оповещения решался вырваться из города, его через некоторое время могли настигнуть в дороге милицейские патрули и вернуть домой. Одно из таких «организованных возвращений» случилось 4 декабря 1960 года. В то время нависла угроза закрытия Дмитриевской церкви в д. Городня Батецкого района. Райком партии уже провел в массах «разъяснительную» работу, райисполком готовил постановление о закрытии храма на основании «заявлений трудящихся». Владыка Сергий, болезненно воспринимавший каждую акцию ликвидации храма, что вполне естественно, отважился выступить на защиту Дмитриевской церкви. Но чем он располагал? Какими силами и властью? Только молитвой и поддержкой верующих.

Поэтому он вместе с двумя дьяконами и хором на двух автомашинах отправился 4 декабря в Городню. Доехать ему не удалось: на территории Батецкого района его встретили сотрудники милиции и райисполкома и не позволили продолжить поездку[64]. В марте 1961 года Дмитриевская церковь будет закрыта.

Постоянно декларируя о свободе совести, ссылаясь на декрет об отделении Церкви от государства, государственные власти в это же время самочинно вмешивались во все сферы церковной жизни. Помимо запрета благотворительности, произвольного ограничения действий правящего архиерея, государственные органы контролировали всяческую хозяйственную деятельность приходов, не говоря уже о скрупулезном подсчете доходов епархии от проданных свечей, совершенных треб и т. п.

Когда прохудилась крыша церковного дома в с. Мроткино Батецкого района, протоиерей отец Ф. Шестов обратился за разрешением на ремонт к своему владыке, что вполне разумно. Но чтобы благословить эту работу, сам архиерей вынужден был обратиться к уполномоченному — «прошу дать санкцию»[65]. И так при любых ремонтно-строительных работах. Во многих случаях разрешения на покраску храма, обновление крыши не давалось.

«В деятельности церковнослужителей отмечается стремление к проведению ремонтных работ по церковным зданиям, что в известной мере ведет к активизации церковников и способствует притоку средств в церковную кассу», — отмечал в марте 1960 года уполномоченный в письме, с которым он обратился в Хвойнинский РИК с поручением проверить, действительно ли нуждается церковь в с. Внуто в ремонте в ближайшие 2—3 года[66]. Да что там ремонт храма?! Даже для того, чтобы митру из боровичской Успенской церкви, где она не использовалась по причине отсутствия лица, имеющего право ее надевать, передать в Никольский собор в Новгороде, епископ испрашивал согласия уполномоченного[67]. Нужны ли какие комментарии к этим выразительным фактам?

Активная деятельность архиерея, его проповедническое мастерство, щедрая благотворительность, которая помогала существовать малосильным приходам, постоянно раздражали уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Новгородской области Г. Е. Капицу. В исполнении своих обязанностей он порою опережал события. В секретном отчетно-информационном докладе за 1960 год для обкома КПСС и облисполкома он изложил все случаи нарушений духовенством советского законодательства о культах. Нарушения известные: присутствие детей-школьников на богослужениях, продолжающееся паломничество к святым местам и больше всего

досаждала уполномоченному благотворительность священнослужителей, как самого владыки, так и его клириков. Приведен «возмутительный» пример: в июне 1960 года священник Курицкой церкви Калиниченко попытался оказать материальную помощь гражданам д. Сергово, пострадавшим от пожара. «Выездом на место эта попытка благотворительной деятельности со стороны церкви была предотвращена», — самодовольно комментировал чиновник.

В течение года по его настоянию были сняты с регистрации три священника, один староста, два священника выведены за штат, пять священников были предупреждены[68].

Резюме автор делает весьма решительное: «Вот почему дальнейшее пребывание Сергия в Новгородской области является весьма вредным, и поэтому я еще раз обращаюсь к совету с настоятельной просьбой об отзыве Сергия из Новгородской области посредством ликвидации епархии»[69].

Вызвал неудовольствие уполномоченного и указ Патриарха о переводе священнослужителей на «твердые» оклады, что несколько облегчило налоговое бремя: «Одним из видов приспособленчества Церкви следует также рассматривать переход духовенства на твердые денежные оклады и отказ от так называемой системы причтовых доходов», — сетует Г. Е. Капица в своем докладе. Приводится такой пример: в 1960 году священники 10 церквей епархии состояли на окладах. В кассы общин поступило от треб 423 тыс. руб. По ведомостям духовенству была выплачена 321 тысяча. В пользу церкви осталась разница в 102 тыс. рублей, не обложенная налогом. Следует рекомендация: «...целесообразно было бы запретить устанавливать духовенству твердые денежные оклады, заставив их пользоваться доходами, как это было в дореволюционное время. Желательно получить по этому вопросу установку Совета, так как инспектор Совета тов. Доронин Н. Н., будучи в Новгороде, не разрешил препятствовать духовенству в переходе на оклады»[70].

В эти годы в совет по делам Русской Православной Церкви и другие инстанции поступали многочисленные жалобы верующих на закрытие храмов. Письма были заверены сотнями подписей. Эта «письменная» волна возмущала Г. Е. Капицу, и он обратился в высшую организацию: «...прошу Совет... принять необходимые меры к устранению установок Московской Патриархии по составлению списков верующих, так как эти установки противоречат советскому законодательству о культах»[71].

Попытался уполномоченный посягнуть и на старорусскую святыню. В очередной секретной справке в обком партии «О деятельности церковников г. Старая Русса и района», представленной за 1960 год, он, в частности, сообщил, что в городе два раза в год проходит празднование в честь Старорусской иконы Божией Матери. На торжества собираются огромные массы людей, что, соответственно, способствует повышению доходов церкви. В заключение следовало: «В связи с этим напрашивается необходимость изъятия этой иконы из церкви для передачи в музейный фонд. По этому вопросу мною будет проведена консультация в Совете о порядке осуществления этого мероприятия»[72].

В Борисовской церкви Г. Е. Капица заметил несколько древних икон из бывшего краеведческого музея Старой Руссы, который был разорен в годы войны. «По моему предложению Новгородский историко-археологический музей уже произвел переучет этих икон для последующего изъятия их в музейный фонд»[73].

Государство контролировало не только каждый рубль и копейки, поступавшие в церковную кассу — оно следило за каждым священником. Все они были обязаны проходить регистрацию в канцелярии уполномоченного (!), а потом уже у правящего архиерея. Именно уполномоченный, а не владыка мог снять с регистрации, а значит — отказать в служении священнослужителю, если посчитает какие-либо действия духовного лица нарушением советского законодательства о культах. Так был снят с регистрации настоятель Бронницкой церкви протоиерей Петр Чесноков, один из лучших священников епархии в послевоенные годы, пользовавшийся искренней любовью и уважением верующих большого церковного прихода. В вину ему ставилось присутствие в церкви учащихся, некоторые из которых пели в хоре, читали на клиросе, прислуживали в алтаре. Все старания епископа Сергия остались тщетны, о чем с удовлетворением докладывал властям Г. Е. Капица: «Усиленная просьба правящего епископа о снисходительном отношении к престарелому пастырю о возврате ему регистрации, положительного результата не возымела»[74].

Ни сместить, ни принять в свою епархию рядового священника архиерей не мог без разрешения уполномоченного. (Во времена Синодального периода, когда Церковь была государственным органом, обер-прокурор Синода не касался кадровых вопросов, кроме назначения правящих архиереев).

При переезде из одной епархии в другую какого-либо из священников уполномоченный одной области делал запрос коллеге, ответ на который поступал без расторопности: «вторично прошу выслать учетные карточки на дьякона Рубановича Бориса Ивановича и священника Мартынцева Николая Прохоровича, прибывших на службу в нашу область», — просил белгородский уполномоченный новгородца Г. Е. Капицу.

Без учетных карточек священника не регистрировали, а значит, он не мог приступить к служению, не имел дохода. Так ли невинна нерасторопность уполномоченного?

Препятствуя любыми способами активному служению духовенства, власть в то же время стремилась сократить его состав, не допускать прихода новых молодых сил. Поэтому прикладывались все усилия к сокращению числа поступающих учиться в духовные школы. В Новгородской области, как и во всех других, юноши, пожелавшие поступить в духовную семинарию, попадали под воздействие многочисленных государственных и партийных чиновников: с ними беседовали уполномоченный, партийные и комсомольские секретари, сотрудники КГБ и военкомата. Эти собеседования доходили до прямых угроз лишения паспорта или отправки на службу в армию. Уполномоченный по Москве и Московской области уведомлял Новгородского коллегу: «...из Новгородской области хотя и не подавал заявления о приеме в семинарию на 1961/1962 учебный год, но интересовался правилами приема, очевидно, с намерением поступить на учебу, гр-н Бекренев Петр Павлович... Информируя об изложенном, прошу Вас принять через местные партийно-советские органы соответствующие меры по предотвращению подачи им заявления в семинарию»[75].

Поставленная вне закона, лишенная прав юридического лица, Русская Православная Церковь не могла оказать открытого сопротивления политике государственной власти. Не было места ее откровенному слову на страницах

прессы, на волнах радио. У верующих имелось одно право: обращаться с заявлениями во все инстанции власти. И они обращались — от сельского Совета до Председателя Президиума Верховного совета СССР. Результат всегда оставался неизменным: «...все шлют на горисполком, а горисполком все решения от нас скрывает... Председатель горисполкома тов. Щербаков говорит, что хоть пишите, хоть не пишите, храм все равно закроем»[74]. (Из письма верующих.)

Правящий архиерей имел столько же прав, сколько и его паства. Он тоже не мог высказать открыто свое мнение о проводимой политике притеснения Церкви. В надежде на какую-либо поддержку он обратился к самому Патриарху Алексию: «Долгом имею почтительнейше сообщить Вам о нижеследующем. В церковной жизни Новгородской епархии наступило весьма тревожное положение. Местные гражданские власти начали проводить планомерные мероприятия по закрытию храмов не только сельских, но и городских при наличии их нормального существования.

В связи с этим я нахожусь в чрезвычайно угнетенном состоянии после изнурительных трудов по восстановлению новгородских храмов, и не имея возможности на месте противостоять закрытию храмов, официально принимаемые меры положительных результатов не приносят» — писал владыка Сергий Патриарху 5 августа 1960 года[75].

Чуть позже он сообщал Патриарху, что закрытие храмов проводится узкопартийным кругом лиц. Опрос лиц, пожелавших закрыть храм, не соответствует подлинным фактам. «Само по себе закрытие храмов, как правило, проводится без предупреждения исполнительного органа. Последнему не предоставляется законного двухнедельного срока для обжалования до окончательного утверждения Советом. Закрытие храмов сопровождается глубокими оскорблениями религиозных чувств верующих, ломкой на их глазах икон, иконостасов, срыванием крестов, разрушением внешнего завершения храмов»[76].

Через Патриарха архиепископ Сергий добился приема у председателя Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедова, который состоялся 10 мая 1961 года. Вопросов для обсуждения было поставлено несколько.

Архиепископ ходатайствовал об оставлении в ведении верующих Никольского кафедрального собора. Куроедов обещал позвонить Г. Е. Капице, чтобы перевод церковной общины в другое церковное здание был приостановлен. Это условие продержалось только год. Пользуясь случаем, архиепископ прямо попросил Куроедова защитить его от нападок Г. Е. Капицы, который контролирует каждый шаг архиерея.

На сетования по поводу изъятия от общин большого числа храмов правительственный чиновник отговорился:

— Этот вопрос находится в ведении местных властей. В основе его лежит малая доходность и посещаемость храма, с другой стороны — большое количество храмов по району с немногочисленным населением.

Вопрос об оставлении церковного звона в Новгороде Куроедов также переадресовал местной власти: «Он связан с общими мероприятиям по уменьшению шума в городе...».

От председателя Совета не удалось получить какой-либо поддержки, да и могла ли она быть, когда действия всех органов власти и партии были направлены на сокрушение Церкви[78].

По настоянию центральных властей государственные и партийные органы развернули моссовую атеистическую пропаганду. 16 марта 1961 года Совет Министров страны приял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», подписанное Н. С. Хрущевым[79]. Постановление в обязательным порядке привлекало местные власти к обеспечению этого контроля, 4 августа Новгородский облисполком на своем заседании утвердил Положение о группах содействия при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся по наблюдению и контролю за деятельностью религиозных общин и духовенства. (Интересно, а как было бы встречено решение Патриархии о создании церковных комиссий по соблюдению законодательства органами власти?)

Положение предписывало создавать группы содействия при всех исполкомах, но... без опубликования в печати! (Многочисленное количество документов исполнительных органов Советской власти поражают своим непременным грифом «секретно», «совершенно секретно», «не для печати». Практически, вся церковная политика осуществлялась под грифом «секретно». Что могло скрываться за ним? Предчувствие недовольства масс? Боязнь волнений? Сознание неправомерности собственных действий?)

В состав новоиспеченных групп вводились депутаты, работники сельсоветов, культурно-просветительных учреждений, органов народного образования и т. п. Председателем назначался, а не избирался, секретарь исполкома. Что предписывалось членам этих групп?

— Систематически изучать обстановку на местах, собирать и анализировать данные о посещаемости церквей молодежью, изучать контингент верующих, влияние служителей культа на молодежь...

— Анализировать отрицательное влияние «престольных» праздников на трудовую дисциплину.

— Изучать содержание проповедей священников.

— Выявлять лиц из молодежи, которые под влиянием священников могут подать заявления в духовное училище или семинарию.

— Изучать методы извлечения доходов и своевременно информировать финансовые органы для начисления налогов.

— Выявлять посещающих святые места.

— Изучать лиц, выступающих с ходатайствами об открытии церквей...

Этот бесконечный перечень можно изложить в трех словах: следить, доносить, препятствовать...[79]

Одна за другой поступают к уполномоченному копии решений райисполкомов о создании групп содействия. Интересно посмотреть на динамику создания этих групп. Десять райисполкомов исполнили решение областной власти тотчас же в августе-сентябре 1961 года: Мстинский, Батецкий, Пестовский, Окуловский и др. В феврале 1962 года утвердил состав комиссии Валдайский РИК, 28 мая — Дрегельский[80].

Особое неудовольствие уполномоченного вызвали новгородцы: «Новгородский городской совет до настоящего времени не выполнил решение Новгородского облисполкома от 13 апреля 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» и решение от 4 августа 1961 года — не создал группу содействия

при горсовете по наблюдению за деятельностью религиозных обществ»[81], — сообщал в справке уполномоченный 22 марта 1962 года. Группа в конце концов была утверждена 10 октября 1962[82].

Правительственное постановление от 16 марта 1961 года разрешило закрывать молитвенные дома не по решениям Совминов республик, а по решениям областных исполкомов при условии согласования с Советами по делам Русской Православной Церкви и религиозных культов. И по Новгородской области снова прокатилась волна закрытия храмов. В течение 1961 года было снято с регистрации шесть религиозных общин, а со времени выхода Постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», принятого 13 января 1960 года, в области перестали существовать 12 религиозных общин. Церковная сеть за полтора года была сокращена на 30 процентов[83].

Среди закрытых в это время церквей уже упоминавшийся Ильинский собор в Сольцах — 12 декабря 1961 года. После решения Батецкого РИКа об изъятии у верующих здания Дмитриевской церкви в с. Городня, в Москву, в Совет по делам Русской Православной Церкви отправился гонец с письмом, в котором стояло 617 фамилий: «Второй раз просят Вас, кланяясь до земли со слезами, дать нашему представителю письменный ответ в том, как Московский Совет по делам Православной церкви мог утвердить лживое основание местных властей на закрытие нашего храма. 10 марта 1961 года уполномоченный приехал в нашу деревню, привез машину грузовую, полную начальников разных — областных и районных и полную грузовую машину молодых людей с топорами. Пригласили несколько случайно бывших человек и священника в храм, зачитали им приказ из Москвы, что церковь наша подлежит закрытию, как угасающая и несостоятельная. Молодые неизвестные нам люди с топорами приступили к погрому внутри храма. Через два часа вся красота храма была разломана и сгружена у дверей храма, а на другой день приехали и канатами сорвали кресты с куполов... Весь народ против закрытия храма, кроме кучки лгунов, которые обманывают всех нас и вас...»[84]. *Ответ из Москвы был однозначен: решение местных властей отмене не подлежит.*

7 декабря 1961 года Новгородский горисполком принял решение об изъятии у верующих кафедрального Никольского собора с предоставлением им церкви Ап. Филиппа, использовавшейся под склад областным управлением связи. Потребовалось время для приведения церкви в должный вид, поэтому Никольский собор был закрыт практически первого октября 1962 года — «для музейного показа», — сообщал уполномоченный и уточнял: «Религиозному обществу г. Новгорода предоставлено другое церковное здание на окраине города по размерам в два раза меньше здания Никольского собора»[85].

С 1960 по 1962 год в Новгородской епархии были сняты с регистрации 16 религиозных общин, соответственно закрыты 16 православных храмов. В десяти районах области действующих церквей не осталось вообще[86].

Вместе с выходом памятного постановления Совмина СССР от 16 марта 1961 года Совет по делам Русской Православной Церкви получил разрешение-наставление: провести в 1961 году совместно с исполкомами местных Советов учет религиозных объединений, молитвенных зданий, их состояние, а также имущество церквей[87]. При этом учитывалось имущество, как взятое верующими в пользование на арендных условиях, так и собственное, приобретенное уже на свои средства.

В эти 60-е годы Русская православная церковь имела ограниченные права юридического лица: у нее было право владеть имуществом, пользоваться им, но не было права распоряжаться им. Поэтому после ликвидации религиозного общества приобретенное имущество переходило в собственность государства.

На кустовом совещании уполномоченных заместитель председателя Совета по делам Руссой Православной Церкви В. Фуров представил такие данные: ели в России до революции действовало 77760 церквей, то перед войной их осталось 3221. В 1944—1947 годы было открыто 1270 храмов, а в 1948 году общее число составило 14329 церквей. На первое июня 1961 года в России действовало 11100 храмов[88].

Новгородский облиспоком 17 августа 1961 года принял соответствующее решение, а следом, 10 октября, и распоряжение — по вопросу проведения единовременного учета. Учету подлежали не только действующие церкви и их имущество, но также все здания недействующих церквей, которые еще сохраняли внешний культовый вид. Требовалось дать «объективную оценку состояния и положения религии и Церкви в нашей стране»[89].

Итоги на первое января 1962 года выглядели так:

— действующих церквей — 27, из них 5 — в городах Новгороде, Боровичах, Старой Руссе, Валдае и Чудове. 20 были каменные, 2 считались памятниками архитектуры. В этих 27 храмах служило 36 священников, 7 дьяконов, 16 псаломщиков. Управлял епархией на тот период епископ Сергий. Транспорт всей епархии состоял из одной грузовой, четырех легковых машин и одного мотоцикла[90].

В это же самое время на 1 января 1962 года на новгородской земле стояло 115 недействующих церквей, 102 из них — каменные, 103 были закрыты до 1941 года, 5 — в период 1941 — 1960 годов, 7 — с начала 1960 года. На учете отдела охраны памятников числилось 66 храмов. Под культурно-просветительные цели использовалось 41 здание, под хозяйственные нужды — 71, 28 стояли забитыми и заброшенными[91].

Через полгода после окончания переучета Новгородское управление культуры обратилось к уполномоченному со ссылкой на приказ Министерства культуры от 5 мая 1962 года: «О мерах по учету и сохранению памятников древнерусского искусства». В Новгородскую область направляется экспедиция Государственного Русского музея, которая вместе с сотрудниками Новгородского музея должна была осмотреть новгородские храмы. Уполномоченного просили дать разрешение на осмотр культового имущества церквей для взятия на учет, на изъятие и вывоз наиболее ценных памятников древнерусского искусства. Указывались и церкви: Успенская в Коростыни, Троицкая — в Подгощах, Покровская — в Муссах, Успенская — в Молочкове и Иоанна Богослова в Велебицах[92]. Судьба вывезенных в эту экспедицию икон в имеющихся документах не просматривается.

В это же время в стране началась подготовка к XXII съезду КПСС, намеченному на октябрь 1961 года. В партийных организациях проходило обсуждение Проекта новой программы КПСС, провозгласившей построение коммунистического общества в предстоящие 20 лет. Все замечания

и дополнения, прозвучавшие на собраниях, строго фиксировались, собирались воедино и регулярно отсылались в ЦК КПСС.

Надо полагать, что вполне «организованными» поступили замечания в пятый раздел второй части проекта. Секретарь парторганизации совхоза, учитель начальной школы, секретарь комсомольской организации колхоза, секретарь Солецкого РК ВЛКСМ посчитали необходимым записать в Программу партии о борьбе с нарушителями советского законодательства о культах. Прокурор Дрегельского района рекомендовал вписать, что «примиренческое безразличное отношение к проявлениям религиозных предрассудков и обычаев несовместимо с пребыванием в рядах КПСС». Поступило и такое предложение: «Партия широко ведет наступательную и атеистическую пропаганду среди всех слоев населения»[93].

К сентябрю в области прошло 27 районных и городских партконференций, 14 числа состоялась областная. Участники этих собраний сообща обсудили предложенный проект программы КПСС. Съезд, состоявшийся в октябре 1961 года, расширил антирелигиозное наступление. Во вновь принятой Программе в третьем разделе пятой части, пункт «е» был озаглавлен: «Преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей». Под ним стояли следующие задачи: «...Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих.

Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом...»[94].

Новый Устав партии предписывал: «...вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии... религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого»[95].

Несмотря на глухое недовольство верующих проводимой церковной политикой государство предпринимает еще более жесткие меры: летом 1962 года вводится беспощадный контроль за совершением треб — теперь все крещения, венчания, отпевания заносились в специальные книги учета с указанием фамилий, данных паспортов, адресов проживания и работы. Все эти сведения ежеквартально предоставлялись уполномоченному, а он — в партийные комитеты и исполкомы.

Новгородский горисполком рассылал руководителям предприятий и секретарям парторганизаций такие сообщения:

«В соответствии с советским законодательством о культах для более точного учета религиозных обрядов среди населения с мая месяца 1962 года введено предоставление письменных заявлений о согласии родителей на крещение их детей. В результате этой проверки выявлено, что в июне месяце окрестили своих детей следующие рабочие Вашего предприятия... (следуют фамилии). Исполком горсовета предлагает Вам обратить внимание на эти факты»[96].

Боровичане составили послание в другом стиле: «Исполком Боровичского городского Совета депутатов трудящихся отмечает, что на Вашем предприятии недостаточно проводится атеистическая пропаганда. Об этом свидетельствуют проводимые обряды как крещение детей. Только за период с 1 января 1963 года по 16 января окрестили своих детей следующие рабочие...»[97].

Последствия таких сообщений зависели от получателей: одни по прочтении оправляли призывы в нижний ящик стола, другие созывали партийные и рабочие собрания с моральной проработкой «малосознательных» товарищей. «Коммунисты партийной организации механического завода вынесли решение: объявить т. Гаврилову строгий выговор с занесением в учетную карточку. Подобная работа проводится партийными и профсоюзными организациями школы-интерната, совхоза «Валдайский» (речь шла о крещении детей)[98].

Из 1343 младенцев, родившихся в Новгороде в 1963 году, только 578 были окрещены, из 950 браков — 6 венчаний. Эта цифра практически не изменилась и в 1964 году: 429 крещений на 1373 новорожденных. 7 венчаний на 1024 бракосочетания. В следующем 1965 году цифры вообще сократились: 72 крещения на 1353 новорожденных и одно венчание на 252 брака. Несколько постоянны цифры в масштабах области. В 1964 году было всего окрещено 3992 детей, в 1965 — 3670. Отставание Новгорода от областных показателей можно объяснить более строгим контролем, установленным за единственной действующей церковью[99].

В эти же годы предпринимается попытка вытеснить религиозные обряды и традиции новыми, советскими ритуалами и обрядами. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло 25 августа 1962 года негласное решение: культурно-просветительные учреждения обязывались разработать церемонии торжественной регистрации рождения ребенка, вручения первого паспорта, молодежных свадеб, гражданских панихид. Фактически, это означало возрождение замаскированных идей богостроительства[100].

Знакомство с документами приводит к выводу, что это постановление длительное время воспринималось как пожелание, совет, а также внушало надежду, что центральные органы сами разработают и предлагаемые обряды. В некоторых городах, преимущественно в районных центрах, нашлись активисты, откликнувшиеся на очередную инициативу руководящей партии. В Боровичах, Малой Вишере, Старой Руссе, Парахине попытались проводить в Домах культуры и клубах регистрацию новорожденных, играть комсомольские свадьбы. Но желаемого размаха это движение не получило. И только 23 мая 1964 года, во время новой антицерковной волны, бюро Новгородского обкома КПСС совместно с облисполкомом приняли постановление №364 — «О внедрении в быт советских людей гражданских обрядов»[101]. Как показывает действительность, традиции и обряды складываются в течение многих лет в самой среде. Понятие «внедрение» уже несет в себе определенное насилие, навязывание со стороны тех или иных действий. Все это явно проступает в тексте партийно-советского документа: «...обязать исполкомы райсоветов и горсоветов, областное управление культуры, облсовпроф, обком ВЛКСМ обеспечить активное участие учреждений культуры и молодежи в организации и проведении народных праздников и внедрении современных обрядов»[102].

Средства массовой информации были озадачены освещением и пропагандой новых веяний, торговые организации — материальным обеспечением предпринимаемого похода.

1964 год вошел в историю взаимоотношений государства и Церкви как начало неслыханного до сего времени

по силе и масштабности атеистического наступления в расчете окончательно расправиться с Церковью, подавить ее, чтобы советские граждане вошли в строящееся коммунистическое общество не обремененные религиозными заблуждениями. Инициатива очередного похода принадлежала первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. По его указанию идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». 2 января 1964 года они вышли в свет как постановление ЦК партии и стали государственным планом преодоления религиозного сознания людей[103].

Ровно через месяц после выхода постановления вступила в действие главная пропагандистская сила — областная газета «Новгородская правда». Третья страница номера за среду 5 февраля вышла под общим заголовком «Активнее наступать на религиозную идеологию». Во вступительном слове газета писала: «Атеистическая пропаганда является программным требованием Коммунистической партии. Она должна вестись всюду, где еще ощущается тлетворное влияние церковников. Религия противоположна научному мировоззрению, она открыто пропагандируют чуждую советскому народу идеологию. Непримиримо и решительно наступать на мракобесие, научно объяснять мир — такова задача всех работников идеологического фронта, коммунистов и беспартийных».

В следующем номере «Новгородской правды» опубликован репортаж «Да здравствует солнце — да скроется тьма!», который рассказывал о вечере юных атеистов новгородской школы №12. Следуя указаниям постановления, учителя школы создали клуб юных атеистов, который объединил 115 старшеклассников, руководили клубом преподаватели. Члены клуба готовили лекции и беседы для школьников, выпускали стенгазеты, устраивали различные выставки литературы, репродукций картин.

Этот факт лишний раз показывает, насколько бесправными оказались верующие граждане. Свобода совести объявлена в Конституции, но свобода пропаганды доступна только атеизму, причем атеизму воинствующему. Если школа отделена от Церкви, значит, в ней не должно быть места пропаганде учения христианства, но и пропаганде атеизма тоже. На деле же все права предоставлены только ярому безбожию. И в эту борьбу включено подрастающее поколение, которому навязываются атеистические убеждения.

В нескольких последующих номерах (№38 за 14 февраля, №56 за 6 марта, №57 за 7 марта) газета опубликовала статьи о внедрении в жизнь новых обрядов, причем неоднократно приводился пример молодежной свадьбы в Сольцах. Других значительных фактов за несколько месяцев не появилось, зато всех авторов одолевали одни и те же проблемы: отсутствие средств, пристойных помещений, сценариев церемоний.

Далее атеистический пыл редакции проявился уже в мае, в №118. Газета опубликовала страницу для верующих и неверующих — «Религия — враг прогресса». Ее содержание мало чем отличалось от предшественницы. Даже авторы остались те же. Если не считать перепечатки статьи из журнала «Агитатор» общества «Знание» — «Терпимы ли религиозные обряды в семье коммуниста?», которая прошла 28 мая в №125, то на этом атеистический поход областной газеты и закончился, что и понятно: в стране развивалась бурная химизация земледелия, в окрестностях Новгорода началось строительство химкомбината, правительство озадачилось повышением эффективности сельского хозяйства, поэтому все внимание редакции переключилось на освещение этих проблем.

Но волна атеистической пропаганды по стране покатилась. В вузах в качестве обязательного курса были введены «Основы научного атеизма», значительно усилилась не только антицерковная направленность школьных программ, но и внешкольной работы. Например, Солецкий райисполком постановил «организовать при всех средних и восьмилетних школах района семинары по атеизму и учить кадры практике проведения атеистической работы среди населения. Организовать при РОНО постоянно действующий семинар по атеизму для учителей, пионервожатых и дошкольных работников». Интересен такой пункт решения: «Добиться снятия икон во всех семьях коммунистов». Он появился не ради декларации. Оказывается, из 46 домов коммунистов, членов колхоза им. Александра Невского в 43 висели иконы, в колхозе им. Калинина из 97 в 94. Подобное соотношение существовало и в других хозяйствах[104].

Летом этого же года идеологический отдел обкома партии в дни уборки урожая направил по районам области вагон-музей с атеистической выставкой. В Новгороде в конце июня состоялся областной семинар пропагандистов по атеизму. Программа была составлена на 30 часов занятий. При обкоме партии создается опорный пункт научного атеизма[105].

Этот опорный пункт провел социологическое исследование среди лекторов, выступающих на антирелигиозные темы. Интересен последний вопрос анкеты и ответы на него:

— к числу каких людей по отношению к религии и атеизму Вы себя причисляете:

— убежденный атеист — 88

— неверующий — 152

— безразличный — 62

— колеблющийся — 14

— верующий — 4 [106].

Вопросы атеизма были включены и в систему политпросвещения. В 1963/64 учебном году в области, согласно отчетам, числилось семь семинаров по изучению вопросов научного атеизма, семь кружков. Число слушателей соответственно: 146 и 137. Для определения популярности этой темы можно привести для сравнения 188 кружков по изучению истории КПСС (3362 слушателя), 166 семинаров по конкретной экономике (3441 слушатель)[107].

Повышенная атеистическая пропаганда тем не менее продолжалась повсеместно. Навязывание безбожия проводилось школьникам, студентам, рабочей молодежи, практически — всему населению. В отчетах об атеистической работе Крестецкого, Валдайского, Старорусского и других райкомов партии сообщалось о теоретических семинарах и открытых уроках по теме «Атеистическое воспитание через преподавание предмета», о многочисленных атеистических вечерах для школьников и родителей[108].

Помимо пропагандистских методов применялись и карательные. В Валдае, например, из числа учащихся старших классов был создан комсомольский патруль под руководством секретаря райкома ВЛКСМ. В дни религиозных праздников он дежурил возле церкви и не позволял учащимся и детям переступать порог храма. О встреченных сообщалось в школу[109].

Атеистические вопросы изучала и разрабатывала кафедра философии Новгородского пединститута. В «Ученых

записках» за 1968 год были опубликованы работы о преодолении религиозных пережитков, об антинаучности представлений о личности в идеологии православия и т. п. [110] Не стоял в стороне Новгородский планетарий, разместившийся в Никольском соборе: на его базе работал городской семинар учителей-атеистов, а для посетителей читались лекции с антирелигиозным уклоном: «Путешествие по звездному небу», «Необыкновенные небесные явления». При сельских клубах и домах культуры создавались атеистические кинолектории, всего — 26. Интересно соотношение: один — в Новгороде, два — в Боровичах, по пять — в Демянском и Валдайском районах. Однако вскоре стало ясно, что фильмов подходящей тематики мало, а диафильмов не было вообще[111].

Лекторы областной организации «Знание» в 1965 году прочитали 1993 лекции по научному атеизму, провели около 50 тематических вечеров[112].

Уже к исходу 1966 года стало видно, что предпринятая атеистическая пропаганда пошла на убыль. И свидетельствуют об этом сами партийные органы. В отчетах райкомов КПСС, представляемых в обком, появились сообщения: «Без достаточных оснований прекратили работу все семинары по вопросам научного атеизма в системе партийной учебы». Ослабили работу по атеизму Батецкий, Крестецкий, Маревский, Мошенской, Окуловский, Холмский и Чудовский районы. В Боровичах в 1966 году было прочитано 90 лекций по научному атеизму из 2207, в 1967 году — только 51 из 2943. В отчете по обществу «Знание» за год подчеркивалось: «Итоги 9 месяцев показывают тенденцию к снижению размаха атеистической пропаганды. Если за 9 месяцев 1965 года было прочитано 1595 лекций в области, то за 9 месяцев 1966 — на 343 лекции меньше. Резко сократилось чтение лекций по научному атеизму в Солецкой, Крестецкой, Любытинской и Хвойнинской районных организациях»[113].

К 1970 году пропагандистский натиск атеизма в большинстве районов практически иссяк: «Вопросы атеистической пропаганды не отражены в перспективных планах Солецкого РК КПСС и партийных организаций...» «В перспективном плане Волотовского райкома КПСС на 1970 год не планируется каких-либо мероприятий по атеистическому воспитанию, состояние религиозности в районе не анализируется...» Анализировать было что: в 1969 году в двух церквях района было крещено 60 младенцев, а за первую половину 1970года — 57. Оценку «из рук вон плохо» заслужила и областная организация общества «Знание»: за весь 1969 год и шесть месяцев 1970 года было прочитано только 24 лекции по научному атеизму[114].

Словно желая поддержать угасающие старания лекторов-атеистов и пропагандистов, Министерство просвещения РСФСР 24 августа 1971 года приняло за №389 письмо «Об усилении атеистического воспитания учащихся общеобразовательных школ и студентов педагогических учебных заведений»[115].

Привлекает внимание тот факт, что атеистическое воспитание предписано студентам педагогических учебных заведений: делается попытка внедрить атеизм в будущих учителей, которые понесли бы эти убеждения последующим поколениям. Но видимо, письмо не принесло ожидаемых результатов, и оно получило продолжение: №357-М от 9 августа 1974 года — «Об усилении научно-атеистического воспитания учащихся средней общеобразовательной школы».

Тем не менее антирелигиозное наступление, предпринятое Н. С. Хрущевым и продолженное его преемником, сошло на нет, не оправдав ни надежд, ни затраченных усилий. В декабре 1965 рода был создан единый Совет по делам религий при Совете министров СССР, который превратился из посредника между Церковью и государством в орган контроля за Московской Патриархией.

В ноябре 1967 года Новгородская епархия снова вошла в состав Ленинградский митрополии, которую возглавил митрополит Никодим (Ротов). С 1961 по 1968 год в Новгородской епархии было закрыто еще 16 храмов, осталось 25. И все же жизнь не только продолжалась в уцелевших приходах, но и укреплялась духом, материальными средствами, что особенно досаждало властям. Какой бы ни поступал отчет от уполномоченного в областные верхи, в нем непременно присутствовали сведения о полученных доходах Новгородской епархии: за месяц, за квартал, за год. В 1968 роду доход церкви Ап. Филиппа в Новгороде составил 179 917 рублей, что на 16 000 превысило сумму 1967 года. По мнению уполномоченного, это увеличение связано с архиерейским богослужением митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима[116].

О незыблемости церковных традиций говорит и число совершенных треб. Прежде всего — крещение детей. По области эта цифра колеблется: 1966 — 3830, 1967 — 3989, 1968 — 3333 младенца. Крестят новгородцы и подросших детей — от 3 до 7 лет, соответственно: 228 и 400 — 342 и от 7 до 18: 42 — 72 — 40. В Волотовском, Чудовском, Солецком районах был окрещен каждый второй новорожденный. Не прекратились венчания: 34 — 36 — 27. Распространилась практика заочных отпеваний; в три раза превысивших очное: 3230 — 3546 — 3608 [117].

Запрещая Церкви заниматься благотворительностью, государство, тем не менее, предложило ей поддерживать Советский фонд мира, а также общество охраны исторических памятников. В 1967 году новгородские церкви перечислили в фонд 87 370 рублей и на охрану памятников — 6500, что в сумме на 40 тысяч больше отчислений за 1966 г. [118]

Понемногу стали укрепляться и кадры священнослужителей. В 1968 году в епархию прибыли три выпускника Ленинградской Духовной академии. Всего их стало уже пять. Более половины священников были моложе 60 лет.

Не располагая средствами, предоставленными атеистам, священнослужители владели единственным оружием: молитвой и проповедью. Семнадцать человек читали проповеди регулярно, семь — по случаю больших праздников. В 1968 году под сводами новгородских церквей прозвучало 539 проповедей. Почти все они посвящались вопросам нравственности и христианским праздникам: «О прощении друг друга», «О силе усердной молитвы», «О благочинном поведении в храме», «О чистоте душевной», «Любовь — основа жизни человека», «О страданиях Господа», «О любви к Богу», «О почитании чудотворной иконы Божией Матери» и т. п.[119]

Все эти темы перечислены в отчетах районных комиссий по соблюдению советского законодательства о культах. В них же отмечается, что проповеди звучат проникновенно и эмоционально воздействуют на верующих. Примечательно пожелание одного из настоятелей молодому помощнику, которое привлекло внимание и проверяющего

из комиссии: «Следите, чтобы проповедь была культурной, грамотной! Не читайте проповеди по бумажке, связывайте темы с жизнью». И комментарий: «Что и говорить, советы дельные»[120].

В относительном примирении с Церковью, в очередной раз выстоявшей перед натиском атеистических и административных сил, прошло следующее десятилетие. Оно началось печальным событием — кончиной Патриарха Алексия, чьи лучшие молодые годы священнослужения были связаны с Новгородской церковью. На Поместном соборе 30 мая — 2 июня 1971 года патриархом был избран митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков).

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годы. СПб, 1995. С. 39.
[2] Там же.
[3] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.
[4] Там же. Д. 2. Л. 49—52.
[5] Там же. Д. 76. Л. 1.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Там же.
[8] Там же. Л. 3, 5, 12—14.
[9] Там же. Д. 107. Л. 4.
[10] Шкаровский М. В. Указ соч. С. 40.
[11] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.
[12] Поспеловский Д. В. Указ соч. С. 256, 463.
[13] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 6. Д. 224. Л. 42—43.
[14] ГАНО. Р-4110. Оп. 2. Д. 8. Л. 134—135.
[15] Там же. Д. 144. Л. 1—11.
[16] Там же. Д. 174. Л. 3.
[17] Там же. Д. 175. Л. 27.
[18] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 280.
[19] Там же.
[20] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 66. Л. 5.
[21] Там же. Оп. 1. Д. 183. Л. 114.
[22] Там же. Д. 188. Л. 173.
[23] Там же. Оп. 4. Д. 66. Л. 47.
[24] Там же. Оп. 1. Д. 202. Л. 28.
[25] Там же.
[26] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 66. Л. 53.
[27] Там же. Оп. 1. Д. 203. Л. 94.
[28] Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 67.
[29] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 286.
[30] Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 69—70.
[31] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 207. Л. 8—9.
[32] Там же. Л. 23.
[33] Там же. Л. 19.
[34] Знамя победы. №42. 5 апреля. 1959.
[35] Там же.
[36] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 207. Л. 39.
[37] Там же. Д. 208. Л. 116.
[38] Там же. Д. 207. Л. 113.
[39] Там же. Д. 208. Л. 58.
[40] Там же. Л. 72.
[41] Там же. Л. 110.
[42] Там же. Л. 113.
[43] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 27. Д. 122. Л. 41.
[44] Там же. Л. 47.
[45] Там же.
[46] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 208. Л. 170—171.
[47] Там же. Л. 160.
[48] Там же. Д. 208. Л. 86. Д. 215. Л. 299—301.
[49] Там же. Д. 215. Л. 61.
[50] Там же. Л. 24, 29.
[51] Там же.
[52] Там же. Д. 183. Л. 70, 75.
[53] Архив Новгородского Епархиального управления. Д. 7. Л. 142.
[54] Там же. Л. 145.
[55] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 208. Л. 173.
[56] Одинцов М. И. Государство и Церковь. М., 1991. С. 120—121.
[57] ГАНО. Р-3686. Оп. 3. Д. 58. Л. 77.
[58] Одинцов М. И. Указ. соч. С. 121.
[59] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 66. Л. 8—13.
[60] Там же. Д. 193. Л. 18.
[61] Там же. Оп. 1. Д. 208. Л. 9.
[62] Там же. Л. 39.
[63] Там же. Оп. 4. Д. 66. Л. 19, 29.
[64] Там же.
[65] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 18. Д. 94. Л. 51.
[66] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 206. Л. 37—58.
[67] Там же. Д. 208. Л. 38.
[68] Там же. Д. 206. Л. 66.
[69] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 18. Д. 94. Л. 40, 42.
[70] Там же. Л. 51.
[71] Там же. Л. 140, 141.
[72] Там же. Л. 27.
[73] Там же. Л. 71.
[74] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 205. Л. 11.
[75] Архив НЕУ. Д. 7. Л. 74.
[76] Там же. Л. 144.
[77] Там же. Л. 57—60.
[78] Там же. Л. 98.
[79] Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 85.
[80] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 215. Л. 273.
[81] Там же. Оп. 4. Д. 89. Л. 6—40.
[82] Там же.
[83] Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 20.
[84] Там же. Д. 215. Л. 306.
[85] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 95.
[86] Там же. Оп. 1. Д. 216. Л. 76.
[87] Там же. Д. 219. Л. 84.
[88] Там же. Оп. 4. Д. 88. Л. 1.
[89] Там же. Л. 33.
[90] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 88. Л. 40.
[91] Там же. Л. 118.

[92] Там же. Л. 120.
[93] Там же. Оп. 1. Д. 216. Л. 24, 26.
[94] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 18. Д. 94. Л. 111, 121, 125.
[95] Материалы XXII съезда КПСС, М., 1962. С. 412.
[96] Там же. С. 431.
[97] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 89. Л. 91.
[98] Там же. Л. 92.
[99] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 23. Д. 98. Л. 2.
[100] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 129. Л. 7, 8.
[101] Там же. Оп. 1. Д. 216. Л. 115.
[102] Там же. Оп. 4. Д. 87. Л. 16.
[103] Там же.
[104] Новгородская правда. 1964. №2.
[105] ГАНО. Р-4110. Оп. 1. Д. 89. Л. 128, 137.
[106] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 22. Д. 103. Л. 6; Д. 109. Л. 45; Оп. 27. Д. 122. Л. 2.
[107] Там же. Оп. 27. Д. 122. Л. 36.
[108] Там же. Оп. 22. Д. 58. Л. 90—92. Д. 61. Л. 63.
[109] Там же. Д. 102. Л. 7, 39, 45.
[110] Там же. Оп. 23. Д. 98. Л. 2.
[111] Там же. Оп. 27. Д. 122. Л. 52.
[112] Там же. Оп. 24. Д. 119. Л. 15, 17.
[113] Там же. Л. 5, 7.
[114] Там же. Оп. 24. Д. 119. Л. 7, 16, 17, 19.
[115] Там же. Оп. 28. Д. 137. Л. 2, 3, 12.
[116] Сборник писем Министерства просвещения. М., 1995.
[117] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 22.
[118] Там же. Оп. 27. Д. 122. Л. 8, 12.
[119] Там же. Л. 9.
[120] Там же. Л. 12, 13, 14.

Глава VI

Последний этап

Последний период существования Советской власти и ее взаимоотношений с Русской Православной Церковью совпал с правлением Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. Церковный историк Д. В. Поспеловский отмечает двойственность в религиозной политике бывшего чекиста Ю. В. Андропова[1]. Ужесточились репрессии против инакомыслящих, против издателей и распространителей религиозной литературы. Жестоко преследовались представители различных сект. Что касается отношений к официальной Русской Православной Церкви, то они стали более уважительными, и верующие, и духовенство почувствовали перемены к лучшему.

Ощущались перемены и в Новгородской епархии, которая управлялась митрополитом Ленинградским и Новгородским Антонием (Мельниковым). В первом полугодии 1980 года заметно возросло число исполняемых треб: количество крещений — на 256, из них — 101 младенец из соседних областей. Наибольшую активность проявляли жители Старой Руссы, Новгорода, Демянского, Крестецкого, Чудовского районов[2]. Все это свидетельствовало об ослаблении преследования людей со стороны администраций и партийных органов. Но количество действующих храмов, тем не менее, по-прежнему оставалось на уровне 1969 года — 25. Не были упразднены и комиссии содействия райисполкомам по соблюдению законодательства о культах.

В ноябре 1980 года идеологический отдел обкома КПСС озадачил комиссии заполнением анкет, вопросы которых объективно отразили весь комплекс государственно-партийного интереса к религиозной жизни советских людей.

Требовалось осветить религиозную обстановку в районе: какие наблюдаются в ней изменения, какое настроение у служителей культа, каково влияние на верующих. Привлекает своей постановкой и такой вопрос: факты приспособленчества духовенства к современным условиям, достижениям технического прогресса.

Не оставлена без внимания проповедническая деятельность священнослужителей: какова тематика их проповедей:

— исключительно религиозная,

— религиозно-патриотическая (тема мира во всем мире, дружба народов),

— мораль и нравственность,

— имелись ли недозволенные высказывания и какие именно?

Присутствие вопроса о состоянии «паломничества» к святым местам, количестве паломников свидетельствует о напрасных усилиях властей в 1960 году уничтожить эти места поклонения.

Всестороннего освещения требовал раздел, посвященный соблюдению законодательства о культах:

— меры по усилению контроля,

— состав комиссии содействия,

— факты нарушения со стороны священнослужителей и... — чего не было ранее — факты нарушения законодательства должностными лицами[3].

К сожалению, в документах отдела пропаганды и агитации обкома КПСС, который составил и разослал эти анкеты, заполненных анкет обнаружить не удалось.

В планах комиссий по контролю за соблюдением законодательства все то же изучение посещаемости церквей, анализ этих посещений по различным группам населения, проверка правильности оформления документов на совершенные религиозные обряды. Парфинская комиссия за неимением церкви в своем районе собирала сведения о парфинцах, посещающих старорусскую церковь, в Старорусском райгорисполкоме[4].

В отчете комиссии при Новгородском горисполкоме за 1979 год отмечено, что число крещений по сравнению с предыдущим увеличилось на 132, в т. ч. детей от 7 до 16 лет. «Это говорит о том, что педагогические коллективы школ, несмотря на то, что комиссия ежеквартально передавала в отдел народного образования сведения о крещении детей, еще крайне недостаточно проводят атеистическую работу с учащимися»[5].

В 80-е годы Новгородская епархия уверенно включается в сферу международных отношений Русской Православной Церкви. Неоценимая заслуга в этом принадлежит владыке Никодиму (Ротову), митрополиту Ленинградскому и Новгородскому, видному иерарху, сумевшему преодолеть барьер отчужденности, который отделял нашу Церковь от христианского мира.

Новгород, как исторический город-памятник, привлекал иностранных туристов с 50-х годов, когда стал подниматься «железный занавес». Однако религиозные делегации не имели возможности познакомиться с духовной жизнью новгородцев. Первая такая делегация появилась в Новгороде в 1963 году. Конечно, такой беспрецедентный случай, к тому же прием делегации епископом Сергием был подробно описан в отчете, представленном уполномоченному сотрудником епархиального управления[6].

С приходом в 1967 году на Новгородскую кафедру митрополита Никодима посещения города делегациями различных религиозных конфессий стали обычным явлением. Заслугой владыки считается признание в 1970 году автокефалии японской православной церкви.

В тот же год делегация японских православных христиан посетила Новгород, о чем областные газеты скромно умолчали.

На следующий год епархиальному управлению пришлось писать уполномоченному уже несколько отчетов о визитах иностранных гостей, которые прибывали в Новгород из Швейцарии, Венгрии, ФРГ, Румынии, Чехословакии[7]. Несомненно, эти визиты настораживали и местные власти, и особенно органы КГБ, поскольку, несмотря на широкие международные связи, в каждом иностранном госте советским людям следовало видеть прежде всего шпиона, врага. Визиты жестко ограничивались и временем, и пространством.

Но жизнь продвигалась вперед. В 80-е годы приезд иностранной религиозной делегации воспринимался уже

вполне естественно для деятельности епархии. В 1984 году, при митрополите Антонии, Новгородскую епархию посетило 68 человек: из Финляндии, Югославии, Италии, Болгарии, Голландии. Всего побывало 25 делегаций. На одном из приемов в епархии прозвучали такие слова: «Наше паломничество по святым местам Русской Православной Церкви привело нас в этот старинный русский город, от которого мы получили большое впечатление. Мы благодарим за сердечный теплый прием. Мы желаем вам всем здоровья и всякого благополучия. Господи, сохрани Великую Русь!»[8].

В июне 1984 года уполномоченный Совета Г. П. Фомин уведомлял Новгородский горком КПСС, что «среди населения города наблюдается сравнительно высокая религиозная обрядность в РПЦ. Крещений 1200—1300 в год, что составляет 35—37 % к числу новорожденных». В 1983 году было отмечено самое большое число крещений за последние пять лет — 1316. Стало расти число крещений взрослых, детей школьного возраста: в 1977 роду окрестились 35 взрослых и 43 школьника, в 1980 — 57 и 44, в 1983 — 103 и 77 человек. Самый высокий процент по отпеванию усопших по области также приходился на Новгород — 87 % в 1983 году. По области этот процент составил 60 [10].

В 1984 году правящий архиерей митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников) обозрел многие отдаленные приходы епархии. Епархиальное управление смогло провести реконструкцию архиерейских покоев, после которой появился зал на 80 мест. Здесь и состоялось 10 февраля собрание священнослужителей епархии и представителей исполнительных органов церковных общин.

Митрополит Антоний познакомил собравшихся с миротворческой деятельностью Русской Православный Церкви. На собрании присутствовал и выступил уполномоченный Совета по делам религий Г. П. Фомин. Он осветил некоторые вопросы законодательства. Лектор общества «Знание» Д. Н. Завидовский сообщил о международном положении. Секретарь областного комитета защиты мира М. П. Бабанова вручила представителям церквей Почетные грамоты комитета — за материальную поддержку Фонда мира. Встреча закончилась просмотром документального фильма, снятого по заказу Московской Патриархии, «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы»[11].

На следующий год, в дни празднования 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, в епархиальное управление 14 мая прибыл митрополит Антоний и 8 священнослужителей, участников войны. Эта представительная группа духовенства возложила венок к Вечному огню у мемориала в кремле. Председатель облисполкома М. Е. Семенов принял митрополита Антония (по его просьбе). Владыка рассказал о своей поездке в Англию по случаю празднования в Европе 40-летия Победы над фашизмом. На этой встрече состоялся разговор о предстоящем 1000-летии крещения Руси, который был, вероятно, одним из первых в нашем обществе на эту тему. Патриархия к этому времени уже обратилась в Совет по делам религий со своими предложениями, но ответа от правительства еще не последовало. Никто тогда не мог и предвидеть, что центром этого празднования станет Новгород Великий[12].

В 1984 году появились первые за двадцатилетний период заявления верующих об открытии церквей. Жители п. Крестцы ходатайствовали в ЦК КПСС о возвращении им Троицкой церкви в Ямской слободе. Ответ они без промедления получили из облисполкома: «...в военные и послевоенные годы здание использовалось военными под склад, потом — «Заготзерно» и райпо. Помещение находится в аварийном состоянии, и в 1984 году Новгородский Государственный объединенный музей-заповедник приступил к проведению ремонтно-восстановительных работ для использования здания под музей...»[13].

Чувствуя надвигающиеся перемены в общественной жизни, воспрянули духом верующие в Сольцах. Свое ходатайство они отправили в Совет по делам религий при Совете Министров СССР, в котором обстоятельно изложили уже известную судьбу Ильинского собора с добавлением тех фактов, что за 25 лет после закрытия храма в нем так и не проводились ни ремонт, ни реконструкция под намеченный Дом культуры. Все эти годы собор безжалостно эксплуатировался и пришел в аварийное состояние.

Районная власть поторопилась уведомить центральную, что проектно-сметная документация имеется, средства можно изыскать, а в соборе можно разместить... краеведческий музей[14]. (Дом культуры к тому времени был уже давно построен.) Верующим было рекомендовано пользоваться Молочковской и Велебицкой церквями.

Как пишет Д. В. Поспеловский в своей книге «Русская Православная Церковь в XX веке», для начала 80-х годов, времени правления Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, была характерна тоска по Союзу воинствующих безбожников с идеализацией и его деятельности, и его вождей[15]. Властные структуры в СССР уже перестали выполнять свои функции, отсюда некая двойственность в религиозной политике. Если Ю. В. Андропов, как бывший руководитель КГБ, хорошо знал подлинную обстановку в стране и попытался как-то уменьшить государственное давление на церковь, то его преемник К. У. Черненко старался просто повернуть назад ход истории: при нем было принято несколько секретных антирелигиозных постановлений, только два из которых появились в печати. Остальные, по всей вероятности, прошли секретными инструкциями[16].

ЦК партии под руководством К. У. Черненко предпринял очередную попытку покончить с религиозностью населения страны. На этот раз упор делался на воспитание подрастающего поколения. В июне 1983 года прошел очередной пленум ЦК КПСС с четко выраженным антирелигиозным направлением. Его постановление требовало «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов... уделять больше внимания атеистическому воспитанию... настойчиво внедрять советскую обрядность»[17].

Следующий пленум ЦК, состоявшийся в апреле 1984 года, был полностью посвящен вопросам школьной реформы. Названный Пленум одобрил «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Атеизм в этих реформах открыто не назывался, но он чувствовался в большинстве установок: во главу угла надо поставить формирование гражданина с прочными коммунистическими убеждениями; внедрять коммунистическую мораль[18].

Министерство просвещения РСФСР откликнулось на постановления пленума письмом от 12 апреля «О рекомендациях по дальнейшему улучшению атеистической пропаганды среди учащихся в свете решений июньского (1984) пленума ЦК КПСС»[19].

Привлекает внимание тот факт, что ссылка в письме дается не на только что состоявшийся пленум, а на почти

годичной давности, зато с четкой антирелигиозной установкой.

Но и на этом навязывание молодежи атеизма не закончилось. В июле 1984 года следующий пленум ЦК КПСС обсудил вопрос о работе комсомола и потребовал от него не только усилить свою роль в воспитательном процессе в школах, но и «закрыть все каналы проникновения... безыдейности... Разработать и осуществить систему мер... чтобы все формы досуга способствовали выработке атеистических вкусов»[20].

В этих наставлениях чувствуется идеологический кризис, идеологическая потеря молодежи.

1985 год вошел в историю нашей страны как год апрельского Пленума ЦК КПСС, возглавляемого последним его Генсеком М. С. Горбачевым. Еще до избрания на высший пост М. С. Горбачев возглавлял идеологическую работу партии. Апрельский пленум объявил о предстоящем XXVII съезде партии и о подготовке новой Программы КПСС. Несмотря на призывы к перестройке в работе, в сознании, в отношении к делу, которые изрекались после пленума, новая Программа была составлена в атеистическом духе. Если в предыдущем партийном документе вопрос о воспитании атеистического мировоззрения стоял в общем ряду задач по преодолению пережитков капитализма, то новая редакция Программы выделила эту тему в самостоятельный пункт: «Атеистическое воспитание». «Партия использует средства идейного воздействия для широкого распространения научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Выступая за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий свободы совести, партия осуждает попытки использовать религию в ущерб интересам общества и личности.

Важнейшая составная часть атеистического воспитания — повышение трудовой и общественной активности людей, их просвещение, широкое распространение новых советских обрядов и обычаев». Устав партии по-прежнему призывал вести борьбу... с религиозными предрассудками[21].

Для атмосферы нашей жизни того времени стали характерными острые газетные и журнальные дискуссии. Чернобыльская трагедия послужила толчком к обращению многих людей к Церкви. Провозглашенная и постепенно впускаемая в нашу жизнь гласность позволила публиковать в печати смелые выступления в защиту Церкви, христианской нравственности.

Тем не менее на местах по-прежнему функционировали уполномоченные Совета по делам религий, по-прежнему комиссии по контролю представляли отчеты о проделанной работе. В апреле 1987 года секретариат ОК КПСС рассмотрел результаты «выполнения постановления бюро ОК КПСС от 12 февраля 1982 года «Об усилении работы по атеистическому воспитанию населения».

Внешние показатели оказались превосходными:

— улучшилась подготовка и переподготовка атеистических кадров на базе Университета марксизма-ленинизма, областной школы молодого лектора;

— в 1985—1986 гг. Лекторская группа ОК КПСС и общества «Знание» подготовили материалы и лекции — «1000-летие начала введения христианства на Руси и задачи научно-атеистической пропаганды», «Конституционные основы свободы совести в СССР»;

— в Лениздате в 1986 году вышла брошюра с опытом партийной пропаганды «Подход творческий: слагаемые высокой эффективности атеистического воспитания»;

Однако «высокую эффективность» компрометировали отмеченные недостатки:

— не удалось активизировать деятельность кафедр общественных наук вузов;

— высоким остается процент крещения детей и отпевания умерших.

Секретариат снял с контроля постановление от 12 февраля 1982 года как выполненное. Тем не менее привлекает внимание его рекомендация: «...продолжить работу, обратив особое внимание на формирование научной оценки роли религии в культурно-историческом процессе»[22]. До сего времени, как известно, весь упор делался на разоблачение религии как мракобесия.

В январе 1988 года облисполком проверил исполнение своего постановления от 10 декабря 1986 года № 425: «О работе Старорусского горисполкома по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах».

По установившейся за десятилетия практике сначала сообщалось о достигнутом: налажена системность в организационном плане, пополнен состав комиссии. Все ее члены посещают церковь в большие религиозные праздники. Проверяют правильность начисления налога.

Но, несмотря на все усилия исполкома и его комиссии, церковь в праздники переполнена. Анализ религиозного состояния в Старой Руссе не проводился, зал гражданских панихид к установленному сроку открыт не был. Но с учетом некоторых положительных моментов вопрос с контроля снят[23].

В то время, как в печати все чаще появляются материалы лояльного характера по отношению к Церкви, представители Московской Патриархии появляются на телевизионных экранах, в повседневной практике атеизм еще не желает уступать свои позиции, уполномоченные и местные власти продолжают бороться с религией, и делают это всяческими способами: препятствия к открытию храмов, церковной благотворительности, клевета на верующих, особенно на тех, кто проявлял активность в религиозной жизни.

Примером такого атеистического сопротивления является непосредственно Новгород. Еще в апреле 1985 года верующие областного центра обратились к местным властям: секретарю обкома КПСС Н. А. Антонову, председателю облисполкома М. Е. Семенову, уполномоченному Совета по делам религий Г. П. Фомину — с ходатайством об открытии в городе второго храма. Желание это было вполне закономерно: областной центр за последние годы значительно расстроился, население выросло в несколько раз, и маленький храм во имя Ап. Филиппа на Торговой стороне уже не вмещал всех верующих. На богослужениях при тесноте и духоте случались обмороки у прихожан.

По прошествии двух лет, в течение которых власти ответили верующим категорическим отказом, к ходатайству присоединился митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Ридигер), занявший кафедру после кончины владыки Антония. Во время приезда в Новгород в августе 1987 года он лично обратился к уполномоченному Совета по делам религий Ю. А. Шалюку посодействовать решению вопроса.

Сами горожане решили действовать через городские власти и обратились к секретарю горисполкома В. С. Нименской,

а через два месяца, в октябре — к председателю горисполкома А. И. Григорьеву — удовлетворить их просьбы об открытии второй церкви. Однако получили и на этот раз отказ. Тогда сразу же, в ноябре обратились снова в облисполком, но результат был прежний — отказ.

Пришлось прибегнуть к проверенному веками опыту — искать правды в Москве: 22 декабря 1987 года в Совете по делам религий на имя его председателя К. М. Харчева ушло письмо с 80 подписями, а через два месяца — уже в Совет Министров РСФСР, и подписей в нем стояло уже 1462 [24]. 15 марта 1988 года Совет заслушал отчет своего уполномоченного «О религиозной обстановке в Новгороде и области». Он располагал коллективными заявлениями верующих, поэтому сделал Ю. А. Шалюку предупреждение: «о неправомерности в отказе регистрации второго религиозного общества в Новгороде», — рекомендовал в своей работе «укреплять веру людей к Советской власти строгим исполнением законов. С помощью эмоций и нежелания иметь в городе вторую церковь, вероятно, не погасить будет возросшую активность», писал уполномоченный в докладной записке в облисполком.

Однако Новгородский горисполком не пожелал «укреплять веру людей к Советской власти» и на своем заседании 13 апреля 1988 года решил: «считать в настоящее время нецелесообразным открытие новой церкви и регистрацию религиозной общины»[25]. Чтобы не было в храме душно, чтобы легче добираться на транспорте, горисполком рекомендовал улучшить вентиляцию в церкви, а в городе — автобусное движение. И еще была рекомендация — активизировать работу комиссии по контролю за соблюдением советского законодательства о культах. Так проявилась, в частности, подготовка Новгородского горисполкома и областных властей к празднованию 1000-летия крещения Руси. По сути же дела это было грубейшим нарушением законодательства о религиозных культах.

Тысячелетие принятия христианства на Руси стало той высотой, с которой перед Русской Православной Церковью открылись неведомые ранее возможности и перспективы. Знаменательной годовщине был посвящен юбилейный Собор, три международные богословские конференции, организованные Московским патриархатом. Юбилейные торжества прошли по всем епархиям. Но это — вопросы внутренней церковной жизни. Речь же идет о том, что празднование 1000-летия христианства на Руси стало всенародным праздником, вместившим в себя и торжества праздника Славянской письменности и культуры.

Существенную роль в таком открытом выходе Церкви в люди сыграла личная позиция Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Эта позиция позволила ему принять предложение Св. Синода о встрече с патриархом и патриаршим Синодом, которая и состоялась 29 апреля 1988 года. Обе стороны встретились и впервые за долгие годы обсудили многие обостренные вопросы. Встреча транслировалась по радио и телевидению и произвела на граждан нашей страны такое впечатление, что вселило надежду на скорые перемены к лучшему в отношениях государства к Церкви. На этой встрече М. С. Горбачев обещал добиваться равноправия для всех верующих и отмены дискриминационных актов, действия законов, а также нового государственного закона по религиозному вопросу[26].

Однако личная позиция и взгляды Генерального секретаря — это еще не политика всей партии. Такое одинокое

Архиепископ Новгородский и Старорусский
Лев (Церпицкий)

противостояние генсека и его Центрального Комитета продемонстрировала XIX Всесоюзная конференция КПСС, прошедшая в Москве 28 июня — 1 июля 1988 года. На ней М. С. Горбачев выступил с докладом «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки». Как уже говорилось ранее, XXVII съезд КПСС принял новую Программу с твердыми атеистическими установками. И вдруг на конференции зазвучало следующее: «Хочу затронуть и такой принципиальный вопрос, как свобода совести. Сейчас к нему проявляется повышенное внимание в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Мы не скрываем своего отношения к религиозному мировоззрению как нематериалистическому, ненаучному. Но это не основание для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей, и тем более — применения какого бы то ни было административного давления для утверждения материалистических воззрений...

Принятый 70 лет назад ленинский декрет об отделении Церкви от Государства и школы от Церкви создал новые основы отношений между ними. Известно, что не всегда эти отношения складывались нормально. Но сама жизнь, история объединила верующих и неверующих как граждан Советской страны, патриотов и в годы испытаний Великой Отечественной войны, и в создании нашего социалистического общества, и в борьбе за мир.

Все верующие, независимо от того, какую религию они исповедуют, являются полноправными гражданами СССР. Подавляющее большинство их активно участвует в нашей производственной и общественной жизни, решении задач перестройки. Готовящийся сейчас проект закона о свободе

совести основывается на ленинских принципах, учитывает все современные реальности»[27].

Пожалуй, впервые после 1943 года партийный лидер учел все современные реальности. Впервые прозвучали добрые слова о верующих и их праве исповедовать религию. Но эти слова не нашли отклика в сердцах и умах участников конференции; ни в одном из 56 выступлений не прозвучало продолжения и развития затронутой темы. Ни в одном! Говорили о всех проблемах сразу: продовольственной, экономической, организации производства, охране природы, трудностях литературы и театра. И только в резолюции о демократизации советского общества и реформе политической системы осталось упоминание: «...особое место принадлежит правам человека на участие в управлении, на выражение своего мнения по любому вопросу, свободе совести»[28].

В стране в это же время проходили торжества, посвященные 1000-летию крещения Руси. Его основные празднества были совмещены с праздником Славянской письменности и культуры, центром которого стал древний Новгород. Обком партии и Новгородский облисполком составили совместный план проведения столь значительного торжества. Программа его, расписанная по дням и часам, составила целую брошюру.

В дни праздника город заполнили многочисленные делегации писателей, артистов, различных деятелей искусств. Были делегации и духовенства, как от Московской патриархии, так и от других Православных Церквей. Внимание участников привлекали две заметные фигуры: на праздник прибыли митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий и митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Иерархи посетили научно-практическую конференцию, на которой владыка Питирим сделал сообщения об авторах Евангелий.

Однако основной темой праздника звучала славянская письменность и культуры, духовная же ее основа — Русское православие, скромно замалчивалось.

В то время, когда новгородцы и гости города участвовали в программе праздника, проходили и другие мероприятия, о которых в печати не сообщалось. Сведения о них остались в отчетах уполномоченного Ю. А. Шалюка, которые он отправил московским руководителям. В день открытия праздника, 14 июня, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий совершил богослужение в церкви Ап. Филиппа. В этот же день состоялось торжественное собрание духовенства области, на которое прибыло 154 человека, включая членов церковных советов, старост общин. 15, 16, 17 июня во всех церквях епархии прошли праздничные молебны. Уполномоченный обратил внимание на то, что духовенство проявляет лояльность к Советской власти и положительно воспринимает процесс перестройки. В Фонд мира епархия перечислила 69 000 рублей[29].

В это же время от граждан стало больше поступать настойчивых заявлений о передаче верующим пустующих храмов. В области насчитывалось 84 пустых церковных здания, 64 из них дошли до аварийного состояния, 8 превратились в руины[32].

Торжества в честь 1000-летия крещения Руси ощутимо воздействовали на сознание людей. В то время, как советские власти все еще пытались сопротивляться тенденции возвращения к вере, люди делали свой выбор самостоятельно. Прежде всего, заметно выросло число крещения детей и взрослых. Если в 1988 году в Боровичском районе было окрещено 90 человек, то в 1989 — 701, тогда как новорожденных было зарегистрировано только 192. Такое же соотношение наблюдалось и в Валдайском районе: 314 крещений в 1988 году, 1074 — в 1989 при числе новорожденных 418. В Новгороде 2343 крещения в 1988 году и 4501 — в 1989, когда новорожденных было только 3461. В Боровичах: 1261 в 1988, 2951 в 1989 при 710 новорожденных. В Старой Руссе: 353 в 1988, 1699 при 570 новорожденных в 1989 году[33].

С трудом, но все же начало меняться отношение местных властей к Церкви и верующим. Отказав настойчивым просьбам новгородцев об открытии в городе второй церкви, Новгородский облисполком отважился уважить просьбу митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия о передаче Новгородскому епархиальному управлению Николо-Вяжищского монастыря, тем более, что совет по делам религий выразил пожелание положительно рассмотреть просьбу архиерея.

Монастырь возвращался, конечно, в бедственном состоянии, но и это уже было продвижением во взаимоотношениях, тем более, что «желая внести свой дальнейший вклад в сохранение памятников старины, Новгородская епархия берет на себя заботы по восстановлению и содержанию Николо-Вяжищского монастыря»[34].

Через год, в сентябре 1989 года наконец-то решилась судьба Ильинского собора в Сольцах — в пользу его преданных прихожан: «с учетом сложившейся в настоящее время обстановки Солецкий РИК рассмотрел заявление религиозной общины и принял решение перерегистрировать общину Успенской церкви в д. Молочково — в религиозное общество Ильинского собора в г. Сольцы. Передать здание собора в пользование религиозного общества г. Сольцы, так как большинство членов двадцатки и верующих настойчиво просят этот храм...»[36].

Обстановка, которую учел Солецкий РИК, выражалась в том, что только в 1988 году в соборе кое-как начались ремонтно-реставрационные работы. Вместо давно спроектированного Дома культуры стали планировать размещение экспозиции музея трудовой и боевой славы Солецкого района и клуба ветеранов. Но ничего осуществить так и не удалось.

Решение Солецкого райисполкома о передаче собора в Сольцах религиозной общине утвердил Совет по делам религии при Совете Министров СССР постановлением от 22 февраля 1990 года. Выписка из этого постановления поступила в адрес уполномоченного 12 марта. И надо же было такому случиться, что именно 12 производственная группа реставрационных мастерских поспешила проинформировать Министерство культуры РСФСР о том, что «религиозная община не ведет в соборе работы по спасению уникальной живописи!» О том, что к 12 марта собор все еще находился на балансе самой производственной группы и лишь готовился к передаче на баланс общины, авторы информации «скромно» умолчали. Главное, чтобы поступил сигнал, за ним появится проверка, которая немало досадит настойчивым верующим[37].

С 30 июня по 2 июля 1990 года Новгород посетил только что избранный Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, который прибыл попрощаться со своей бывшей епархией, со своей паствой. Он совершил богослужения в новгородской церкви Апостола Филиппа и в Вяжищском монастыре, провел пресс-конференцию для журналистов.

Отчет о пребывания Патриарха в Новгороде, вопросы и ответы его на пресс-конференции «Новгородская правда» опубликовала 3 июля 1990 года, на 3-й полосе.

По возвращении из поездки Патриарх Алексий вместе с Синодом принял 20 июля 1990 года указ о возрождении старейшей в России Новгородской епархии. В этом решении сказалось и уважение к старейшей святительской кафедре, и опыт, приобретенный Патриархом в сане митрополита Ленинградского и Новгородского, который убеждал, что Новгородская епархия в составе Ленинградской митрополии в силу объективных причин обделялась вниманием правящего архиерея. На возрожденную кафедру был назначен епископ Лев (Церпицкий) с титулом Новгородский и Старорусский, как испокон веков и водилось в Новгороде[38].

Областная газета «Новгородская правда» в номере за 19 августа 1990 года сообщила о новом назначении под заголовком «Епископ Лев»:

«В Новгородском областном Совете народных депутатов состоялась встреча с правящим архиереем Новгородской епархии, епископом Новгородским и Старорусским Львом (Церпицким). Во встрече приняли участие заместитель председателя областного Совета Е. М. Краснопевцев, уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Новгородской области Ю. А. Шалюк, секретарь Новгородской епархии протоиерей Михаил Елагин». Далее кратко излагались изменения в судьбе Новгородской епархии, ставшей самостоятельной[39].

В день освящения св. Софии. Фото В. Ищенко

Незадолго до назначения правящего архиерея областная база «Ростекстильторга» в мае 1990 года освободила Покровский собор Зверина монастыря в Новгороде, который был возвращен Православной Церкви. Немного ранее верующие п. Крестцы зарегистрировали свою общину и получили в пользование церковь Святой Троицы в Ямской слободе[40].

В 1990 году Новгородская епархия насчитывала уже 38 действующих церквей и соборов. (Количество храмов в 1946 году — 41 — будет достигнуто лишь в 1991г.) Их коллективы активно участвуют в благотворительности, наконец-то дозволенной Церкви. В 1988 году в Фонд мира от новгородских церквей поступило 256, 7 тыс. рублей, на охрану памятников — 13, 8 тыс. рублей, в фонд милосердия — 12, 4 тыс. рублей[41].

В краткой информации о религиозной обстановке за 1990 год уполномоченный Совета Ю. А. Шалюк отмечал перемены и активность верующих в связи с перестройкой. В течение года было зарегистрировало 5 новых религиозных общин. На 1 января 1991 года в области имелось 43 прихода.

Интересен анализ собственной работы уполномоченного: «...серьезное внимание с моей стороны уделялось содержанию и анализу проповедей. Содержание их в основном свидетельствует о стремлении духовенства внушить верующим полезность религии в условиях перестройки. В проповедях заметно преувеличивается патриотическая и благотворительная деятельность Церкви»[42].

Изменения, происходившие в отношениях государства и Церкви, заставили перестраиваться и пропагандистский аппарат партийной организации. Сохранился примечательный документ, своего рода рекомендации обкома КПСС «В помощь партийному и идеологическому активу», датированный 6 апреля 1990 года. Вот несколько сентенций из этих рекомендаций:

«В общественном сознании произошел поворот от недоверия, подозрительности в отношении к верующим в сторону лояльности, уважительного отношения...

Ослабевает мнение о социальном и идеологическом вреде религии, усиливается представление о религии как факторе духовно-нравственного и культурного возрождения человека и общества. Наметилась общая переоценка роли религии в истории, развитии культуры...»

Какие же действия предлагал обком партии своему идеологическому активу?

«Формирование научного отношения к религии, преодоление сложившихся стереотипных представлений о ней как о враждебной социализму идеологии. Эта работа осуществляется через систему партийного просвещения, лекционную пропаганду, массово-политическую работу... изживание преследования членов КПСС за участие в религиозных обрядах...

— активное привлечение духовенства к работе по консолидации всего общества;

— предоставление верующим, духовенству возможности выступать с изложением своих взглядов по общественно-политическим, нравственным, историко-культурным проблемам на страницах печати, по радио и телевидению...» Рекомендовалось обратить внимание «на преодоление атеистического экстремизма представлений о несовместимости социализма и религии»[43].

Несмотря на такие партийные установки, антирелигиозные активисты, примыкавшие к ним безрелигиозные слои советского общества, а равно и поддерживающая их часть советской номенклатуры, не могли понять и усвоить тот несомненный факт, что активно-богоборческий атеизм потерпел сокрушительное поражение, изменившее коренным образом ситуацию на мировоззренческом фронте.

Атеисты и поддерживавшие их правящие круги продолжали всячески тормозить возврат Церкви православных храмов, полагая, что все происходящее «несерьезно» и наступит тот день, когда «все станет на свои места». Так стоит ли беспокоиться и возвращать Церкви то, что было у нее отнято? Не лучше ли подождать и не менять привычных норм взаимоотношений с религией? Примеры такой позиции уже приводились выше: возвращение Ильинского собора в Сольцах и открытие второго действующего храма в Новгороде.

Пассивно ли относилась ко всему происходящему Русская Православная Церковь? Ее центральное управление?

И Церковь, и ее управление воспринимали происходящее спокойно, с соблюдением известной осторожности, постепенно исчезающей и заменяющейся твердой уверенностью в предназначенность происходящего. По-иному не могло быть. Церковь даже в лице своих иерархов не могла превращаться в крикливых пропагандистов, доказывающих свою правоту. Такая позиция возбуждала у нетерпеливых и не слишком компетентных церковных критиков многословное негодование.

Законодательным актом, регулирующим взаимоотношения Советской власти и Церкви (всех религиозных объединений) следует считать Закон Российской Советской Федеративной Социалистической республики «О свободе вероисповеданий», принятый 25 октября 1990 года[44]. После Постановления ВЦИК от 08. 04. 1929 года «О религиозных объединениях» это был первый законодательный документ подобного рода.

Законодатели попытались осветить проблему взаимоотношения государства и религиозных объединений с двух сторон.

С одной стороны — вопрос о положении Церкви и религиозных организаций, их статус, их взаимоотношения между собой и государством.

С другой — роль религии и Церкви в будущем России, ее возрождении.

Эти два плана на практике постоянно смешиваются и подменяются один другим. Нередко возрождение России толкуется как ее религиозное возрождение, как возрождение Церкви. Но если возрождение представить только как возрождение Церкви, тем более как только Православной Церкви, то что делать десяткам миллионов людей, которые принадлежат к другим конфессиям? Этот религиозный плюрализм становится одним из камней преткновения на пути усовершенствования закона.

Несмотря на несовершенства Закона, он получил радостный отклик среди верующих. Свидетельство об этом духовном подъеме оставил уполномоченный Ю. А. Шалюк. Говоря о принятом Верховным Советом РСФСР Законе «О свободе вероисповеданий», он подчеркивал, что Закон «с воодушевлением воспринят верующими. Правовая основа придала им больше уверенности в проводимой ими деятельности. Служители культов и верующие чаще стали обращаться в различные организации по всем волнующим их вопросам».

Менее, чем через месяц, в «Известиях» за 5 ноября 1990 года было опубликовано «Слово к согражданам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II». Впервые Патриарх обращался не только к верующим, как это велось десятилетиями, но и ко всему народу:

«Братья и сестры! Семьдесят три года назад произошло событие, определившее путь России в двадцатом столетии. Этот путь оказался скорбен и тяжек. И сегодня мы не можем сказать, что прошли его до конца.

Но духовный и исторический опыт Церкви, опыт Священной истории показывает нам, что путь испытаний удлиняется, если народ отказывается уразуметь духовный смысл происходящего и повторяет прежние ошибки. И этот путь укорачивается, если люди вспоминают об изначальных истоках и конечном предназначении своей жизни... Свершившееся не изменить и не вернуть. Но, развертывая летопись прошлого, можно яснее почувствовать ту Волю, которая и сейчас пролагает себе путь через переплетение тысяч случайностей и дел».

Патриарх называет октябрьский переворот, как и 1917 год в целом и все последующие события, горькой страницей нашей истории, подведшей Россию к той грани, которую еще долго придется осмыслять и еще дольше — изживать. Далее патриарх писал: «Но пусть октябрь семнадцатого нам напомнит, что нет такой политической национальной, культурной идеи, цена которой превышала бы цену человеческой жизни. Пусть октябрь семнадцатого нам напомнит: единство народа легко расколоть, но собирать его затем воедино придется, отсекая оказавшиеся «лишними» части его живого тела. И пусть все минувшие годы один за другим встанут в нашей совести и будут нас умолять не платить человеческими судьбами за эксперименты и принципы политиков».

Прошедшие годы показали, насколько прав оказался патриарх в своих предупреждениях: десятки тысяч жизней молодых солдат, сотни тысяч беженцев, покинувших родные места, — все это цена политических амбиций и экспериментов.

Новые формы взаимоотношений с Церковью стала искать и местная власть. Первые шаги к сближению носили пока теоретический характер. 23—24 мая 1991 года идеологический отдел Новгородского ОК Компартии России провел научно-теоретическую конференцию на тему: «Культура. Религия. Нравственность». Конференция проходила в рамках праздника Славянской письменности и культуры. На нее был приглашен епископ Лев, видные ученые Петербурга, Москвы, Новгорода. Прозвучали доклады:

— Проблемы религии в контексте обновления общества.
— Светская и духовная власть на Руси X-XII веков.
— Проблемы обновления нравственности.
— Религия как феномен культуры.

С альтернативным докладом на конференции выступил епископ Лев — «Культура как феномен религии».

Научные разговоры на высоком уровне имели продолжение уже в практической жизни: исполком Новгородского облсовета 26 июня 1991 года принял решение № 257 «О передаче Новгородскому епархиальному управлению Софийского собора, Юрьева монастыря с Перынским скитом, Хутынского монастыря и иконы Божией Матери «Знамение» в постоянное и безвозмездное пользование их по первоначальному назначению и музейного показа как уникальных памятников истории и культа».

У этого решения имелась своя предыстория. Как только Новгородская епархия получила самостоятельность, Патриарх обратился к Председателю Совета Министров РСФСР И. С. Силаеву рассмотреть возможность передачи «в пользование Новгородской епархии Софийского собора, Юрьева и Хутынского монастыря и иконы Божией Матери «Знамения».

На свой запрос в облсовет от 10 октября 1990 года Председатель Совмина получил категорический отказ:

«Учитывая уникальность Софийского собора, его историческую роль как культурного центра г. Новгорода, современное значение как главного объекта туристического показа и необходимость спецрежима, в передаче Софийского собора о т к а з а т ь».

— О монастырях: «В связи с особой значимостью и использованием их как крупных музейных комплексов с широким доступом советских и иностранных посетителей» — о т к а з а т ь.

Следует, наверное, отметить очередное лукавство властей: Хутынский монастырь в эти годы никак не являлся «крупным музейным комплексом», так как лежал в развалинах, поросших бурьяном.

Силами энтузиастов, членов ВООПИиК, была благоустроена лишь небольшая территория вокруг Спасо-Преображенского собора. Посещали монастырь только одиночки-подвижники.

Через несколько месяцев владыка Лев снова обращается с этой же просьбой о возвращении святынь, но уже непосредственно в облсовет. На этот раз отказа Церкви не поступило.

Пятая сессия областного Совета 14 августа 1991 года утвердила решение облсовета, а 15—16 в Новгороде состоялась передача Софийского собора Русской Православной Церкви. Чин освящения храма совершил Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении многих архиереев и духовенства.

Все эти события широко освещала областная газета «Новгородские ведомости». На двух полосах поместила она пространный фоторепортаж о знаменательном событии в жизни не только Новгорода, но и всей России и ее Православной Церкви.

События такого масштаба и такой государственной значимости в России на тот день еще не было и долго еще не будет. После передачи Софийского собора и других святынь Православной Церкви в Новгородской области начался активный процесс возвращения храмов верующим. Если в 1990 году действующих церквей в епархии насчитывалось 38, то на 1 января 1993 года их уже было 53 и четыре монастыря.

Однако не так сложно вернуть храм его первоначальному владельцу, как этому владельцу вдохнуть жизнь в остывший храм. Большей частью церкви возвращались и возвращаются поврежденными, с измененным внешним обликом — без куполов, колоколен, с перестроенными интерьерами. При этом никаких обязанностей по реставрации церковных зданий местные власти на себя не брали. Основные затраты на восстановление зданий ложатся на бюджет епархии. Но находятся и добровольные помощники, которые по мере сил помогают церкви восстанавливать храмы, разрушенные их предшественниками.

Сияние радуги над золотым куполом Софийского собора в момент его освящения стало предвестником грядущих перемен: через три дня после этих торжеств в России произошли события, которые сменили вехи на историческом пути нашей Родины. Новая государственная система ищет пути сближения с Церковью с учетом исторического опыта и традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 380.
[2] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 30. Л. 4.
[3] ГАНПИНО Ф. П-260. Оп. 45. Д. 131. Л. 17.
[4] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 300. Л. 12, 18.
[5] Там же.
[6] Там же. Д. 66. Л. 61—64.
[7] Там же. Д. 208. Л. 7.
[8] Там же. Д. 349. Л. 5.
Сокращено.
[10] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 348. Л. 5.
[11] Там же.
[12] Там же. Д. 370. Л. 3.
[13] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 354. Л. 3.
[14] Там же. Д. 370. Л. 3.
[15] Указ. соч. С. 380.
[16] Там же. С. 362.
[17] Коммунист. 1983. №9. С. 7.
[18] Правда. 1984. 14 апреля. С. 3.
[19] Дополнительное образование детей // Сборник нормативных документов 1991—1993 гг. М., 1995. Ч. 1. С. 21.
[20] Правда. 1984. 7 июля.
[21] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1986. С. 165, 190.
[22] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 6. Д. 50. Л. 31, 35.
[23] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 410. Л. 1—10.
[24] Там же. Л. 6, 17.
[25] Там же. Л. 11.
[26] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 399.
[27] XIX Всесоюзная конференция КПСС. М., 1988. Т. 1. С. 51, 52.
[28] Там же. Т. 2. С. 141.
[29] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 410. Л. 14—16.
Сокращено.
Сокращено.
[32] Архив Новгородского епархиального управления.
[33] Новгородская правда. 1990. 19 августа.
[34] ГАНО. Р-4110. Оп. 4. Д. 449. Л. 3, 113.
Сокращено.
[36] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 66. Д. 855. Л. 2.
[37] Там же. Л. 5.
[38] Сборник законодательных актов. М., 1991. С. 122—134.
[39] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 66. Д. 855. Л. 5.
[40] Журнал Московской Патриархии. М., 1990. №12. С. 2.
[41] ГАНПИНО. Ф. П-260. Оп. 66. Д. 1085. Л. 1—5.
[42] Архив Новгородского епархиального управления.
[43] Там же.
[44] Там же.

ИСТОЧНИКИ:

АРХИВЫ:

Государственный архив Новгородской области (ГАНО)

Фонды: Ф-480 — духовная консистория, Ф-481 — Новгородское епархиальное управление, Р-822 — Новгородский губернский исполком;

уездные исполкомы: Р-213 — Боровичский, Р-214 — Валдайский, Р-215 — Демянский, Р-216 — Крестецкий, Р-217 — Маловишерский, Р-218— Новгородский, Р-219 — Старорусский, Р-121— Филиппогорский волостной Демянского уезда, Р-262 — административный отдел губисполкома, Р-261 — финансовый отдел губисполкома, Р-268 — отдел юстиции губисполкома, Р-269 — губернский отдел управления, Р-277 — Демянский отдел управления, Р-280 — уездные отделы управления, Р-1593 — Новгородский уездный отдел управления, Р-1123 — Боровичский окрисполком, Р-1244 — Новгородский окрисполком, Р-819 — Новгородский окружной административный отдел, Р-2383, Р— 2384 — Советы Союза Безбожников, Р-2662 — Валдайский уездный отдел управления, Р-3686 — Новгородский областной исполком;

райисполкомы: Р-803 — Боровичский районный, Р-804 -Боровичский городской, Р-138 — Новгородский, Р-248 — Новгородский городской, Р-153 — Крестецкий;

Р-3404 — областная плановая комиссия, Р-4110 — уполномоченный Совета по делам РПЦ, Р-1193 — финансовый отдел Новгородского окрисполкома.

Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО).

Фонды: Новгородский обком КПСС — Ф-260, Ф-91 — Демянский РК КПСС, уездные райкомы Ф-69, Ф-107, Ф-115.

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга

Ф-9324

Государственный архив Российской Федерации

Ф-Р-6991.

Архив Новгородского епархиального управления

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

«Блокнот агитатора»
«Вопросы истории»
«Вопросы философии»
«Журнал Московской Патриархии»
«Знамя победы»
«Источник»
«Коммунист»
«Литературная Россия»
«Наука и религия»
«Новгородская правда»
«Новгородские ведомости»
«Новый мир»
«Отечественные архивы»
«Политическая агитация»
«Русская мысль»
«Правда»

КНИГИ, СТАТЬИ:

Аптекман Д. М. Об эффективности процесса формирования атеистической убежденности. Л., 1976.

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы // Взаимоотношения советского государства и религии. М., 1991.

Андреев В. Н. и др. Мощи Софийского собора. Новгород, 1931.

Архивно-информационный бюллетень. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1993, 1994.

Атеизм и духовная культура // Под ред. В. И. Шинкарука и Е. К. Дулумана. Киев, 1985.

Белов А. В., Певзнер А. И. О праздниках престольных. М., 1960.

Белов А. В. Правда о православных «святых». М., 1968.

Бессонов М. Н. Буржуазно-клерикальные измышления по поводу 1000-летия «крещения Руси» и вопросы контрпропаганды. М., 1986.

Власов В. Г. Двухтысячелетие христианства и его распространение на Руси. М., 1992.

Валентинов А. А. Черная книга. «Штурм небес». Париж, 1925.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. №4. С. 35—46.

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия // Наука и религия. 1995. №5. С. 20—25.

Вещиков А. Н. Путь к атеизму. М., 1965.

Гордиенно Н. С. Чему учат с амвона? Л., 1975.

Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия // 20—80-е годы XX ст. М., 1984.

Гордиенко Н. С. Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Полемические заметки. Л., 1986.

Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л., 1987.

Гордиенко Н. С. Введение христианства на Руси: домыслы буржуазно-клерикальной пропаганды. Л., 1987.

Государственно-церковные отношения в России. Опыт прошлого и современное состояние // Сборник документов. М., 1996.

Государственно-церковные отношения в России // Сборник документов в 2-х частях. М., 1995.

Грекулов Е. Ф. Враг просвещения. М., 1962.

Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.

Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969.

Гришанов Л. К. Атеизм как утверждение бытия человека. Проблема единства гуманизма и атеизма в истории философии. Кишинев, 1973.

Ганичев В. Церковь против Гитлера / Литературная Россия, 1995. №13.

XIX Всесоюзная конференция КПСС // Сборник документов. М., 1988.

Емелях Л. И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976.

Емелях Л. И. Христианские таинства. Л., 1977.

Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. М., 1978.

Емелях Л. И. Загадки христианского культа. Л., 1985.

Емелях Л. И. Русское православие и атеизм в отечественной истории // Сборник научных трудов ГМИРиА. Л., 1988.

Живогляд И. Н. Село, религия и атеизм. Секуляризация сельского населения в условиях научно-технического прогресса на этапе развитого социализма. Алма-Ата, 1985.

Ермалюк Ю. К. К духовному освобождению. Атеистическое воспитание в БССР. Минск, 1988.

Заборов М. А. О чем звонит колокол? М., 1960.

Зырянов П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984.

Ипатов А. И. Национальная культура и религия. Киев, 1985.

Кандидов Б. И. Голод в 1921 году и Церковь. М., 1932.

Кашеваров А. Н. Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917—1945 гг. СПб, 1995.

Клибанов А. И. Митрохин Л. Н. Крещение Руси: история и современность. М., 1988.

Колодный А. Н. Атеистическая убежденность личности. Киев, 1983.

Колонецкий П. Ф. Атеизм и формирование коммунистической личности. М., 1975.

Константинов Дмитрий, протоиерей. Духовные радости и горести Российской Церкви / Православная Церковь в России в начале девяностых годов // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1992—1993. Т. XXV. С. 171—195.

Копаница М. М. Критика концепции «коммунистического христианства» современной Русской Православной Церкви. Харьков, 1974.

Краснов А. В. Критика христианской концепции исторического процесса // На материалах русского православия. М., 1966.

Красников Н. П. В погоне за веком. М., 1968.

Краснопевцев Е. М., Пименов В. А. Как воспитать атеиста?// Молодой коммунист. 1971. №1. С. 94—98.

Крупская Н. К. Из атеистического наследия. М., 1964.

Крывелев И. А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М., 1982.

Крывелев И. А. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М., 1968.

Крянев Ю. В. Противоположность христианской идеологии и научного коммунизма. М., 1961.

Куроедов В. А. Религия и Церковь в советском обществе. М., 1984.

Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия, М., 1969.

Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М., 1971.

Кувенева В. М. Критика ревизионистской фальсификации научного атеизма. Киев, 1988.

Клуб юных атеистов как средство формирования мировоззрения школьников. Методические рекомендации для студентов пединститута. Новгород, 1977.

Лисавцев Э. И. Трудовой коллектив и атеистическое воспитание. М., 1964.

Ленец М. Я. Основы атеистического воспитания. Минск, 1976.

Луначарский А. В. Почему нельзя верить в Бога? Избранные атеистические произведения. М., 1965.

Мишутис Кранос. Система атеистического воспитания в Советской Литве. Вильнюс, 1985.

Материалы XX-го съезда КПСС. М., 1962.

Михайлов Г. А. Зуев Ю. П. Критика богословской фальсификации истории России. М., 1977.

Моисеева А. П. Идейные истоки модернизма современного православия. Томск, 1984.

Молоков В. А. Философия современного православия. Критический очерк. Минск, 1968.

Новиков М. П. Православие и современность. М., 1965.

Никишов С. И. Ленинская критика философских основ религии. М, 1968.

Одинцов М. И. Путь длиной в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству // Сборник «На пути к свободе совести». М., 1989.

Одинцов М. И. Государство и Церковь. М., 1994.

Окулов А. Ф. Ленинское атеистическое наследие и современность. М., 1986.

Организация и методика атеистического воспитания. М., 1986.

Осипов А. А. Катехизис без прикрас. М., 1963.

Панцхава И. Д. Человек, его жизнь и бессмертие. М., 1967.

Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. Л, 1968.

Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987.

Петров М. Н. Хранить вечно. Л., 1987.

Петров М. Н. Судьба русского серебра. Л., 1991.

Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995.

Подход творческий: слагаемые высокой эффективности атеистического воспитания // Сборник под ред. Е. С. Быстрова. Л., 1986.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь. М., 1995.

Придувалов Ф. М. Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // Критика религиозной идеологии. М., 1961.

Прокофьев В. И. Кодекс коммунистической морали и религиозная нравственность. М., 1964.

Ранович. Как создавались жития святых? М., 1961.

Романенко Б. П. Восхождение. Очерки формирования атеистического мировоззрения рабочего класса. Л., 1989.

Религия в СССР. Буржуазная критика. М., 1986.

Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России // Справочник. М., 1996.

Религия. Церковь в России и за рубежом // Информационный бюллетень. М., 1995.

Рыжих Г. Г. Развитие и углубление реакционной сущности идеологии современного православия. Красноярск, 1962.

Сапрыкин В. А. Социалистический коллектив и атеистическое воспитание: опыт, система, проблемы. М., 1983.

Сапрыкин В. А. Урбанизация и атеистическое воспитание. Киев, 1981.

Сапрыкин В. А. Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания в условиях города. М., 1986.

Сапрыкин В. А. Трудовой коллектив: атеисты и верующие. М., 1990.

Сидоров Д. И. Война и религия. М., 1961.

Степанов И. И. О «Живой церкви». М., 1922.

Сухов А. Д. Философские проблемы происхождения религии. М., 1967.

Танчер В. К. Проблемы теории научного атеизма. Киев, 1985.

Тимофеев В. Д. Ленинские принципы политики в отношении религии, церкви, верующих. М., 1987.

Христианство и культура в Европе. Память о прошлом. Сознание настоящего. Упование на будущее // Сборник документов международного предсинодального симпозиума. Ватикан 28—31 октября 1991 года. М., 1992.

Цамерян И. П. Коммунизм и религия. М., 1967.

Чертихин В. Е. Идеология современного православия. М., 1965.

Чертков А. Б. Крах. М., 1968.

Шалаев Ю. М. Современное православие и наука. М., 1964.

Шамаро А. А. Православие и русская культура: церковные притязания и историческая реальность. М., 1980.

Шахнович М. И. Ленин и проблемы атеизма. М.–Л., 1961.

Шапошников Л. Е. Идеология славянофильства и современное православие. М., 1985.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годы. СПб., 1995.

Штриккер Герд. Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995.

Ярославский Ем. Против религии и церкви. Собр. соч. в 5 т. М., 1935.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Ленинский Декрет в действии	13
Глава II. Самым решительным образом	33
Глава III. Испытание расколом	53
Глава IV. Годы военного лихолетья	67
Глава V. Новый атеистический поход	79
Глава VI. Последний этап	97
Источники, литеартура	107

Ирина Дмитриевна Савинова

ЛИХОЛЕТЬЕ
Новгородская епархия и советская власть
1917—1991

Историческое исследование

(Приложение к журналу «Чело»)

Главный редактор — Т. Н. Сигалова
Редактор, корректор — Е. В. Зайцева
Художественный редактор — В. Н. Скрипкин
Технический редактор — И. П. Александрова

Адрес редакции:
173007, Россия, г. Новгород,
ул. Льва Толстого (Чудинцева улица). Д. 6/64, тел: 7-57-84.
E-Mail: chelo@info. novsu. ac. ru.
Сдано в набор 26. 06. 98. Подписано к печати 20. 07. 98. Бумага 80 г/м.
Тираж 500 экз. Заказ № 155. Цена свободная.

Тираж подготовлен в редакционно-издательском комплексе «Чело-Технопарк»,
отпечатан в АО «Новгородский Технопарк»

Савинова И. Д.
Лихолетье. Историческое исследование (приложение к журналу «Чело»). — Новгород, 1998. — 112 с.

Историческое исследование Ирины Савиновой — уникальный, основанный на исторических фактах труд, повествующий о терниях, которые выпали на долю Православной Церкви и в частности Новгородской епархии в годы советской власти.